

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 1 (684) • 2013

«ЮНОСТЬ» © С. Красаускас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

© Михаил Пак, «Провинция»
на первой стр. обложки, 2013

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Анатолий АЛЕКСИН
Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Евгений ЛЕСИН
Дмитрий МИЗГУЛИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Елена САЗАНОВИЧ
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ
Андрей ШАЦКОВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Валерий ДУДАРЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

заведующая отделом образования и молодежной политики
Славяна БАКУНИНА
заведующая отделом поэзии
Юлия ГИАЦИНТОВА
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора, заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» ПО ИТОГАМ 2012 ГОДА 3

ПОЭЗИЯ

Марина КУДИМОВА	4
// У каждого поэта есть провинция... //Тема номера	
Игорь МИХАЙЛОВ	
«НАПЕРСНИК МИЛЫХ АОНИД» ЗАРИСОВКА	22
Елена БАРИНОВА	
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОЭТ ЗАРИСОВКА	23
СТИХОТВОРЕНИЯ	25
Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ	44

ПРОЗА

Ильдар АБУЗЯРОВ	
ВЫСОКИЕ ОТНОШЕНИЯ РАССКАЗ	13
Дмитрий АРТИС	
СКАЗКИ ДЛЯ СВЯТОСЛАВА	30
Хелью РЕБАНЕ РАССКАЗЫ	55
Елена САЗАНОВИЧ	
ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР Роман	62

ЗАМЕТКИ НЕИСТОРИКА

Лев АННИНСКИЙ	
В КОМ ДЕЛО?	11

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
ГИМАЛАИ, СЭР!	12

НАСЛЕДИЕ

ТЭФФИ	
БЛИНЫ МАДАМ КУДЫ	
Вступление и публикация Рафаэля Соколовского	26

100 КНИГ, КОТОРЫЕ ПОТЯСАЛИ МИР

Елена САЗАНОВИЧ	
Д. Д. СЭЛИНДЖЕР. НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ	42

20-Я КОМНАТА (ОТ ПЯТНАДЦАТИ И СТАРШЕ)

Ольга МАРКЕЛОВА	
В СЛОВЕ СОЛЬ И СТЕКЛА...	
Встреча филолога с творчеством Янки Дягилевой	51

КАК БЕДЕН НАШ ЯЗЫК! / ПОЖАЛУЙСТА, ГОВОРИТЕ ПО-РУССКИ!

Марианна ТАРАСЕНКО	
МЫ ИГРАЛИСЬ, МЫ ПИСАЛИСЬ,	
НАШИ ПАЛЬЧИКИ УСТАЛИСЬ	60

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

АБУ-СУФЬЯН	
КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК (Трагедия) Предисловие Георгия Пряхина	85

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Михаил МОРГУЛИС	
СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ,	
ИЛИ ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ Воспоминания (продолжение)	97
Кирилл КОВАЛЬДЖИ	
ТРОЕ ИЗ ПЕТРОЗАВОДСКА... ДИВЕРТИМЕНТ	102
ТАШКЕНТ ДИВЕРТИМЕНТ	105

ИНОЗЕМНЫЙ СЮЖЕТ

Эдгар Райс БЕРРОУЗ	
ГАЙЧКА Перевод Евгения Никитина	107

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Татьяна ТОПАРКОВА г. Астрахань	109
Анатолий ЯГОДКИН г. Петрозаводск	110
Гульнара СМАГУЛ г. Караганда	111
Зулкар ХАСАНОВ г. Калуга	114

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// Детектив на ночь //	
Валерий ИЛЬИЧЕВ	
СХВАТКА БУЛЬДГОВ ПОД КОВРОМ Повесть	121
Нина ТУРИЦЫНА	
РЕЙС ПОДЕШЕВЛЕ Мини-повесть	127
// Зеленый портфель //	
Сергей САТИН	
АВТОМОБИЛИЗМЫ	137
ЧАСТУШКИ-КОШМАРУШКИ	138
// «До востребования» //	
Галка ГАЛКИНА	
ДЕРЕВО ИЗ СТРАНЫ ДУРАКОВ	139
// Veriora veris //	
Шалун ГЕО, человек-одеколон	
ИЩУ СВОЙ ЦУП!	140

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Заведующая отделом распространения

Ульяна ТКАЧЕНКО

Дежурные по редакции

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Авторы несут ответственность

за достоверность предоставленных

материалов. Мнения автора

и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка

на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр

«Наука» РАН,

ОП «ПИК «ВИНИТИ»-«Наука»

140014, Люберцы, Московская обл.,

Октябрьский пр., 403

Тел. +7 (495) 974-69-76

Тираж 6 500 экз. Формат: 60х84/8

Заказ №

ПРЕМИИ ЖУРНАЛА «ЮНОСТЬ» ПО ИТОГАМ 2012 ГОДА

НОМИНАЦИЯ «ПРОЗА»

Премии имени Валентина Катаева получают:

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ за цикл рассказов в № 3

Валерия НАРБИКОВА за роман «План первого лица и второго» в № 7, 8

Елена САЗАНОВИЧ за роман «Гайдебуровский старик» в № 1–6

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

Премии имени Анны Ахматовой получают:

Леонид КОЛГАНОВ за подборку стихотворений в № 6

Анастасия МУРТАЗИНА за подборку стихотворений в № 11

Валерий СКОБЛО за подборку стихотворений в № 1

НОМИНАЦИЯ «ПУБЛИЦИСТИКА»

Премии имени Бориса Полевого получает

Михаил ЛИВЕРТОВСКИЙ за очерк «Елка в Карпатах» в № 5, 6

НОМИНАЦИЯ «КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ»

Премии имени Владимира Лакшина получает

Валерий ЕСИПОВ за исследование «Шаламов в “Юности”» в № 6

Марина КУДИМОВА

Марина Кудимова родилась в Тамбове. Начала печататься в 1969 году в тамбовской газете «Комсомольское знамя». В 1973 году окончила Тамбовский педагогический институт.

Открыл Кудимову как талантливую поэтессу Евгений Евтушенко.

Книга Кудимовой «Перечень причин» вышла в 1982 году, за ней последовали «Чуть что» (1987), «Область» (1989), «Арысь-поле» (1990).

В 90-е годы прошлого века Марина Кудимова публиковала стихи практически во всех журналах и альманахах. Переводила поэтов Грузии и народов России. Произведения Марины Кудимовой переведены на английский, грузинский, датский языки.

С 2001 года на протяжении многих лет Марина Кудимова была председателем жюри проекта «Илья-премия». Премия названа в память девятнадцатилетнего поэта и философа Ильи Тюриня. В рамках этого проекта Кудимова открыла российским читателям таких поэтов, как Анна Павловская из Минска, Екатерина Цыпаева из Алатыря (Чувашия), Павел Чечеткин из Перми, Вячеслав Тюрин из бамовского поселка в Иркутской области, Иван Клиновой из Красноярска и др.

Собрала больше миллиона подписей в защиту величайшего из русских святых — преподобного Сергия Радонежского, и город с 600-летней историей снова стал Сергиевым Посадом.

Лауреат премии им. Маяковского (1982), премии журнала «Новый мир» (2000). За интеллектуальную эссеистику, посвященную острым литературно-эстетическим и социальным проблемам, Марина Кудимова по итогам 2010 года удостоена премии имени Антона Дельвига.

В 2011 году, после более чем двадцатилетнего перерыва, Марина Кудимова выпустила книгу стихотворений «Черед» и книгу малых поэм «Целый Божий день».

Стихи Кудимовой включены практически во все российские и зарубежные антологии русской поэзии XX века.

О непонимании поэтом собственной силы

Я всегда знала, что поэзия — одна из высших форм компенсации за кратковременное, но такое неподъемное пребывание в «юдоли скорби». Тяга к творчеству дана человеку во искупление, а не в нагрузку. И творчество — некий особый, автономный энергоблок душевной жизни. При блочной схеме оборудование установок в составе, например, электростанции не имеет между собой технологических связей. Но выработка электричества при этом не

прекращается. Так и поэт может отличаться девиантным поведением, страдать неизлечимой болезнью или служить бухгалтером. Он компенсирован за счет работы своей незапрограммированной «турбины». Лермонтов, говорят, отличался вздорным характером, а Некрасов шельмовал за карточным столом. Ни то ни другое обстоятельство, даже если они и имели место, а не придуманы лишенными дара современниками, ни малейшего отношения не

имеют к их поэтическому гению. Поэт, конечно, не есть инструмент языка, как плотник не может быть «инструментом топора», однако способен сработать Кижский погост. Но Слово в его сакральной сущности обладает преображающей силой и в этом смысле — выше бренного человека.

Поэт далеко не всегда осознает эту силу личного — и ничем не заслуженного — «4-го энергоблока», как

правило, созидательную, но иногда и разрушительную, чернобыльскую. Но не осознает только до того момента, пока не постигнет масштаба катастрофы — близости смерти, которая оставляет поэзию за границей «разрастания сути вещей». И непонимание поэтом собственной силы — великая самосохранная тайна словесного творчества.

Марина Кудимова

ДЕРЕВНЯ ПЛАКА

*На острове-скале Спиналонга недалеко от Крита
долгие годы располагался международный лепрозорий.*

Сделался голод, народ умирал.

Роберт Саути. Перевод Василия Жуковского

Без упреждения, неистовой вепря,
К острову Криту приблизилась лепра.
Страшен симптом, мерзопакостен вид —
Все, как написано в Книге Левит.

Львиную маску она надевает,
Смертью ленивой ее называют.
Ну-ка попробуй в бреду круговом
Выбор свершить между ленью и львом!

От описателя-антропофага
Ждут колокольца и черного флага.
Только не те на дворе времена —
В ставень стучит Мировая война.

И, предержащую власть не позоря,
Стали подумывать про лепрозорий.
Если от страха правитель дрожит,
В дело идет то, что плохо лежит.

Плохо лежащее ищется просто:
Принцип матрешки — за островом остров.
Мы отселяем изгоев туда
И забываем о них навсегда.

Так и возник этот горький оазис,
Легитимировав сатириазис:
Здесь, где тебе суждено околеть,
Стыдной болезнью не стыдно болеть.

Обезображенный и обнаженный,
Ты средь своих, гражданин прокаженный.
Слепни и дохни, за острова край
Не заходи — и отправишься в рай.

Так и пошло. На двуспальной кровати
Отпрысков душно строгал обыватель,
Ручкался тряско бандит с королем,
Молот не спорил с лихим ковалем.

Рос террикон человеческого шлака.
А деревенька по имени Плака
От лепрозория через залив
Масло давила из тучных олив,

Рыбу ловила в воде средиземной,
Неподатною и неподъяремной
Будучи, но до земного конца
Хлеб добываячи в поте лица.

Чуждым слезам что в Москве, что на Крите
Веры не много — свои-то утрите.
Ишь, затекают за обе щеки,
За домотканые воротники.

И Ремундакис, юрист-недоучка,
Так же мерекал, пока злополучка
С ним не стряслась, не низверглась пока
Микобактерия на дурака.

Как под сухарною крошкою дакос,
Красно-чаграв стал студент Ремундакис,
И макабрический был ему глас:
«Ты и вживую мертвец среди нас».

С этим напутствием прибыл на остров,
Лепроматозною фазою острой
Не удивив никого, и озноб
Бил правоведа в одной из трущоб.

Но деревенька рыбацкая Плака
Не распознала зловещего знака
В близком соседстве с живым мертвецом,
С неузнаваемым львиным лицом.

Лодочку грузом снабдив провиантским,
К острову с именем венецианским
Греки плывут — только весла блестят:
Скорбные тоже ведь шамать хотят.

И, не спросясь благочинного, тут же,
Перепоясав подрясник потуже,
Хлипенький папас — по-нашему поп —
Бьет троеперстьем в осмеянный лоб.

Слаб эскулап и ничтожен правитель,
Но начеку Пантелеймон-целитель,
Агнец Распятый взирает с Креста,
Плака-деревня не сходит с поста.

И Ремундакис душой пораженной
Так сокрушился за мир прокаженный,
Что лепрозорий смердящий отмел
И Лепрополис прекрасный возвел.

Пусть рукотворным прообразным раем
Выглядит остров, где мы умираем,
Пусть недурящее льется вино,
Пусть настоящее крутят кино.

Мир инфицирован властной заразой!
Что назовут они завтра проказой,
Впишут кого в прокаженных отряд
Чрез одного или сразу подряд?

Мы им оплатим здоровой натурой,
Дезинфицированную купюрой
Мы рассчитаемся с ними сполна,
Райский свой остров поднимем со дна.

И в троеперстье десница окрепла,
И не страшна Ремундакису лепра:
Только чужая слеза горяча,
Только Христос там, где нету врача!

Не иссякает кормилица-Плака,
Вдоволь дается ей млека и злака.
Белая фета, тимьяновый мед...
Боженька в этой деревне живет.

Мальчишка и очки

А кони все скачут и скачут...

Н. Коржавин

Упаду, смертельно затоскую...

Н. Гумилев

На тарелках мясо с кабачками,
Над добавкой трудится табльдот.
Бледный мальчик борется с очками,
Утирает с переносья пот.

В стеклах личный отражен «Титаник»,
Общая безликая судьба.
Мальчик милый, записной «ботаник»,
Вечное посмешище жлоба!

Ты не заслонишься от норд-веста,
Чтобы водрузить в который раз
Чертовы диоптрии на место,
Дужку укрепить промежду глаз.

Стороны затеют перестрелку,
Сменится и возвратится власть,
А очки все норовят в тарелку —
В чашку в крайнем случае — упасть.

Не пойдешь ты с совестью на сделку,
Сядешь, выйдешь, а потом опять,
Чтоб свои дурацкие гляделки
Пальцем указательным толкать.

Жертвою пошлейшего доноса
Обнулишься, упадешь в нищетки.
С жутко заострившегося носа
Поползут предательски очки.

Мама рухнет в обморок, а папа
Даст понюхать ей нашатыря
(А еще была в комплекте шляпа —
Затоптали, честно говоря).

Мир еще не дослюнявил жвачку,
Стенку не закупорил Китай.
Кушай, мальчик, и решай задачку,
Книжку бесконечную читай.

Пусть они порвут в усердьё анус
За свою идейную муру!
Отрекутся все, а я останусь
И слепые стекла подберу.

Нас в одни консервы закатают,
Как и предвещал нам Геродот...
А очочки так смешно слетают —
Пацталом валяется табльдот.

* * *

Становлюсь проводимее, как плацента,
И грубей.
Но не знаю, в каком вагоне от центра,
Хоть убей!

Значит, снова шлепать по переходу
И глазеть раскосо и напрямки,
Как туряют колокол, порют воду
И пятеру паяют за колоски.

* * *

Под дулом, за меня решающим,
Останусь полоумной прачкою
Лиц, занимающихся попрошайничеством,
Курящих и в одежде пачкающей.

Войду в пословицу виновницей
Раздора в мире конгруэнтном,
Где неизбежно друг становится
Врагом, а доктор пациентом.

Когда последнего бездомного
Совместные Моссад и Штази
Изловят, и сдадут на лом его,
И сообщат по громкой связи,

В тот миг на светофоре шаящем
Собьют немыслимою тачкою
Меня — по-царски попрошайничающую,
Курящую в одежде пачкающей.

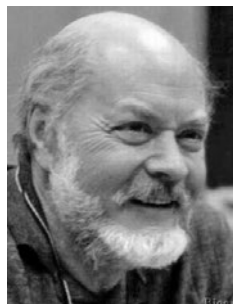
* * *

На той щелястой и чужой террасе,
Где спали мы на надувном матрасе
(Спать было недосуг нам и не след,
Но — бодрствовать в отсутствие владельцев
И представлять отчаянных умельцев
Любви), в углу стоял велосипед.

И, чтобы нас не засекли соседи,
Ночами мы на том велосипеде
Гоняли по ухабам и корням,
Оспаривая жестом очередность,
И распрей наших пылкая бесплодность
Телам передавалась и теням.

Я снова здесь... Соседи не проснулись,
Владельцы из круиза не вернулись,
Хотя прошло без малого сто лет.
Терраса та же — но судьба другая.
И лишь в углу, озорников пугая, —
Велосипед, как юности скелет...

Лев АННИНСКИЙ

Объяснение жанра

«Заметки неисторика» Льва Аннинского выдержаны в том же остроэкономном жанре, что и его «Заметки нетеатрала». С той разницей, что «Заметки нетеатрала» посвящены тому, что произошло на сцене, а «Заметки неисторика» — тому, что произошло в жизни.

В ком дело?

Фамилию Мандельштам я услышал, запомнил и освоил в середине 50-х годов, когда после окончания университета судорожно латал свое высшее образование.

Лет семь спустя я заново вслушался в эту фамилию, когда Станислав Куняев, отведя меня в сторону, спросил:

— Хочешь познакомиться с Надеждой Яковлевной Мандельштам?

(Куняев в ту пору — верный ученик Слуцкого, мой сослуживец по журналу «Знамя» — дружил с Николаем Панченко и даже, по слухам, строил с ним яхту во дворе писательского дома в Лаврушинском переулке.)

— С Надеждой Яковлевной?! — переспросил я, догадываясь, кто это, и уже сгорая от любопытства. — Конечно, хочешь!

...В дверях высокая старуха, по очереди протягивая нам сухую узкую ладонь, повторяла как пароль:

— Мандельштам.

Сели пить чай. Разговор вился вокруг полузапрещенных (еще) критиков (по работам которых я как раз неистово переучивался). Что-то задело меня в том, как Надежда Яковлевна отозвалась о Льве Шестове. Захотелось и ее задеть. Я стал искать зацепку, чтобы излить свой темперамент, и почему-то зацепился за Сталина.

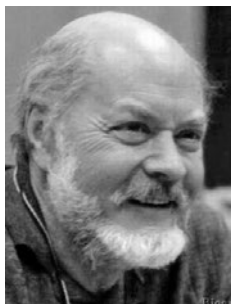
Тут можно и меня понять: на дворе — 1962 год, генералиссимуса только что ногами вперед вынесли из Мавзолея, пинают его все кому не лень, а я — молодой либеральный журналист... Ну и понес я корифея всех времен и народов: и ГУЛАГ-де он придумал, и войну прозевал...

Надежда Яковлевна остановила этот мой фонтан одной фразой. На всю жизнь. Всю жизнь и повторяю себе (и всем) эту фразу, повторяю и теперь с благодарностью за пронзительную и беспощадную правду:

— Дело не в нем, дело в нас.

Лев АННИНСКИЙ

ГИМАЛАИ, СЭР!

Пристрастие режиссера Владимира Иванова к эротическим и матримониальным ситуациям сказалось и на его новейшей постановке.

К уважаемому профессору является посетительница — и он не без труда узнает в ней юную красотку, с которой восемнадцать лет назад наскоро переспал, а потом забыл. Она является рассказать ему, что тогда от него забеременела, родила и вырастила сына, который ныне жаждет узнать, кто его отец. Отец, обескураженный таким вторжением, пытается (в присутствии теперешней законной жены и других очень уважаемых персон) объяснить им, кто эта дама. Он говорит, что она вдова, муж которой погиб в Гималаях, впрочем, этот муж одно время лежал в их клинике и умер то ли от гипертонии, то ли от геморроя. Уважаемые собеседники вежливо переспрашивают:

— Как?! Он же погиб в Гималаях?

— Это недалеко, — успокаивает профессор собеседников (а заодно и меня).

Как близко теперь все! Гималаи, Антарктика, Австралия, Британия, Россия... Три с половиной часа лучшие актеры театра имени Вахтангова разыгрывают комедию положений (переодеваний, разоблачений, прыжков из окон и прочих кувырков духа) — творение нынешнего властителя сцены Рэймонда Куни (восемьдесят лет, двадцать комедий, переведенных с английского на сорок языков мира), и три с половиной часа наша публика, переполнившая зрительный зал, взрывается аплодисментами и заходится от счастливого хохота.

«Обычное дело», — шутят джентльмены, объясняя название этого зажигательного зрелища.

Гималаи, сэр!

Ильдар АБУЗЯРОВ

Ильдар Абузьяров — российский литератор. Автор книг «Мутабор», «Агробление по-олбански», «ХУШ». Лауреат Пушкинской премии и премии имени Валентина Катаева.

ВЫСОКИЕ ОТНОШЕНИЯ

РАССКАЗ

Рисунок Елизаветы Горячевой

1.

Она считала себя иконой стиля, следила за своей одеждой и репутацией. Но самым трогательным и волнующим в ней было, пожалуй, то, что она нежно любила своего мужа и всегда думала о том, как бы не причинить ему неприятных ощущений, посмотри он на нее в эту секунду со стороны. Она так и представляла себе их высокие отношения, когда они были в разлуке: будто она идет по подиуму на высоченных шпильках, а он сидит в первом ряду и пристально смотрит. Ее же главная задача — не споткнуться и не упасть.

Впрочем, пока она не вышла на подиум своей целомудренно-вызывающей походкой, у меня есть время описать сцену действия — точнее, бесчисленные коридоры и комнаты в «Трех соснах». В которых (так, кстати, назывался санаторий) собралось человек сто-пятьдесят, здесь можно писать и через дефис, и через пробел, потому что я не знаю, сколько точно собралось молодых ведущих специалистов со всего мира на эту тусовку, но, видимо, много, потому что всех нас перемешали и разделили на несколько команд по четырнадцать человек. Были здесь и авиастроители, и атомщики, и прочие студенты-аспиранты мировых вузов.

«Три сосны» — это даже не санаторий, а турбаза, на крохотной, огороженной бетонным забором территории которой невозможно заплутать. Однако

коридоры барачных корпусов, словно они лабиринты Минотавра, заставляли попотеть, прежде чем тебе удавалось найти нужную комнату. Видимо, чтобы мы не терялись в запутанной нумерации и быстрее находили общие темы, организаторы раздали всем бейджики с указанием профессий и вуза. Мне же дали бейджик без профессиональных ориентировок, лишь имя и фамилия. И тогда я чисто интуитивно написал в графе профессия «писатель». Это было первое, что пришло мне в голову из вымышленного факта биографии, потому что кругом были все сплошь молодые специалисты, а я был никем, я был без роду без племени. Я присутствовал на этом слете «крутых да ранних» как простой проходимец. Встречая физиков из Массачусетса или программистов из Йельского университета, я начал даже немного комплексовать.

Из-за этой моей рефлексии я, должно быть, и опоздал на ужин, явившись в столовую последним, когда уже большинство семинаристов разбрелись кто куда. Прикрепляя бейджик к рубашке — к «шведскому раздатку» вход был строго по бейджикам, — я несколько раз уколол себя булавкой в грудь, словно требуя от себя поскорее собраться. А когда наконец я собрался и проснулся, то увидел ее. Она сидела за столом в окружении трех мальчиков — тоже молодых специалистов, возможно, из Бауманки. Я взял

свой паек и подсел к грустному пареньку, которого, как я вскоре выяснил, недавно бросила жена. Она завела себе любовника, пока он изобретал самолет нового поколения. Точнее, летающую тарелку.

2.

Первую часть ужина я слушал о непростых отношениях парня с женой и их общим другом — инвестором всего проекта, а впоследствии и любовником жены. В общем, запутанный любовный треугольник, центром коего были круглая летающая тарелка и неземные чувства. Разрушишь треугольник, разрешишь порочный круг — потеряешь и жену, и мечту.

— Черт, — сказал я, — жаль, что ты ее так и не изобрел.

— А тебе-то почему жаль? — удивился парень.

— Потому что если от тебя ушла жена... Кто-то же должен приносить тебе еду. И потому что нам сейчас не пришлось бы ходить к шведскому столу за десертом.

Парень даже не улыбнулся. И тогда я его предупредил, что тоже сейчас от него уйду, если он будет сидеть с такой кислой рожей, уставившись во все еще не летающую тарелку.

— Вон — посмотри, — указал я на девушку с тремя мальчиками, которая в этот момент искусно подцепила тремя пальчиками вилку с креветкой, — видишь, как им весело.

— Вижу, — даже не обернулся парень.

— А нам должно быть еще веселей. Нам должно быть так весело, чтобы они все пожалели, что в этот момент они не с нами, чтобы они в конце концов встали и пересели за наш столик.

— Это невозможно, — констатировал парень.

— Тогда есть еще вариант: ты берешь стул и садишься к ним пятым — и портишь им малину. А я буду один выполнять работу за нас двоих.

— Ты думаешь, это поможет? — заранее расписывается в своей беспомощности парень. — Они меня вообще заметят, когда я подсяду?

— Когда она сбежит от тебя за мой столик, я спрошу ее об этом, — пообещал я.

— А ты про меня точно не забудешь? — первый раз улыбнулся парень, вживаясь в роль жертвы.

— Ну вот еще. Как я могу променять своего бедного скучного товарища на какую-то красивую бабенку?! Ради тебя мы и затеваем весь этот сыр-бор. Кстати, сыр очень хорош к венгерскому бору. Рекомендую.

— Знал бы я, чем дело закончится, то вместо тарелки изобретал бы летающий стакан!

Так мы с моим напарником веселились весь ужин, потому что нам нужно было веселиться из по-

следних сил. А что еще делать, когда от тебя ушла жена с лучшим другом? Веселиться, пока еще не все смыслы померкли. Веселиться до самой ночи, время от времени поглядывая на соседний столик, атмосфера за которым при каждом нашем взрыве хохота становилась все тише и грустнее.

3.

А за завтраком она сидела уже с девушкой. По мягким лицам обеих и вялому стилю общения я понял, что они — соседки по комнате. На этом семинаре всех селили по две персоны в номер.

— Отлично, — тут же придумал я хитроумный план, — подкачу к ней через подружку. Познакомлюсь с одной, и она введет меня в комнату. Зачем обедать с кем-то, если можно сразу же проникнуть в спальню, — продолжал я веселить себя и своего напарника, намекая на летающую кровать.

Впрочем, прибегать к хитроумному плану не пришлось. Потому что сразу после завтрака началась игра, и мы всей нашей дружной и единой командой собрались в холле. И так уж получилось, так уж распорядились боги, что Елена и мы с новым приятелем оказались в одной связке. На беджике у Елены я прочитал, что она биолог и аспирант Принстонского университета. Цель же корпоративной игры состояла в том, что нам нужно было на время обойти несколько холлов-стран и физическими и умственными упражнениями заработать как можно больше очков. Выкрутиться и прорваться, как Одиссей, и вернуться на родину с полным багажом чувств, эмоций и побед.

И вроде бы я настроился на борьбу, чувствуя эффект Холла, когда тело намагничивается, электромагнитные волны обвивают со всех сторон, и создается особое поле любви, но тут первое же задание серьезно подкосило меня. Ибо задание на пути в Грецию состояло в том, чтобы преодолеть условную пропасть в десять метров при помощи семи точек тела. Цифра семь была выбрана не потому, что это сакральное число, а потому, что, используя семь точек, крайне неудобно переносить всю команду. Ведь даже если два человека встанут на четыре ноги, то третьему придется согнуться, касаясь пола пятерней ли, пятой точкой ли, образуя колесницу для потешных гладиаторских боев. Остальных пришлось бы размещать на огненной изогнутой колеснице самым причудливым образом.

— Ррры-ымляне, — завопили бы греки в ужасе, увидев такую конструкцию!

Мы же решили поступить и проще, и изощреннее. И вот уже семь прекрасных юношей выстроились в цепочку, наступив каждый одной ногой на

ногу другому, и сцепились руками, образуя такой длинный воздушный мост над пропастью. Наши спины были напряжены, как мачты. И девушки, семь прекрасных девушек, начиная с самой смелой, могли хвататься за наши шеи, и перепрыгивать с ноги на ногу, и виться вокруг нас, и обливаться потом рядом с нами, танцуя всем телом свой откровенный и грациозный, словно вокруг шеста, танец.

И девушки, словно они не девушки, а истосковавшиеся по любви матросы, начали танцевать, одна за другой поддаваясь азарту, и командному духу, и эротичной гибкости, и природной податливости тела. Начали танцевать под фривольные комментарии, прыгая с мачты на мачту в белых майках. Мол,

- неужели и мне так повезет?
- подержал, передай другому,
- я больше не люблю тебя, юнга.

Все, кроме нее одной. О, Елена! И как мы ее ни уговаривали, ни умоляли и ни требовали, она наотрез отказывалась снимать туфли и переходить пропасть вместе с другими, потому что на той стороне пропасти, между Пелопоннесом и Критом, семейных прекрасных юношей и семь прекрасных девушек ждет пропасть похлеще, пропасть из лабиринта невроз. И в этой пропасти сидит плотоядный Минотавр. Минотавр похоти и измены. И он уже потирает руки, поджидая очередных своих жертв.

И тогда я понял, что у нее с кем-то отношения, что она, возможно, замужем. И она сейчас представляет себя на подиуме на высоких шпильках. И ей нельзя прыгать с ноги на ногу, спотыкаясь и хватая за шеи других юношей, потому что в первом ряду сидит ее муж. Одна эта мысль подкосила меня так, что я чуть не разорвал руки и не обрушил весь мост, по которому она наотрез отказалась ступить.

4.

Чуть позже, когда мы выбирали название нашей команды, я предложил «Калипсо», подразумевая «Тоску Одиссея по родине и верность семье», и девиз «Копать всегда, копать везде и даже там-парам-пам-пам». В ушах ее, у гротов, увитых кудряшками, словно виноградными лозами, я разглядел маленькие агатовые клипсы, на пальце еле заметное аккуратное серебристое супружеское колечко. А на бриджах блестел широкий ремень — такой пояс целомудрия с замочком на бляхе, в фирменную клетку «Бёрберри», клетку, что придумали для подкладки плащей-тренчкотов. Короткий римский меч для первой мировой пунической. Когда я подошел поближе, но не настолько близко, чтобы спугнуть, я уловил приятный запах барбарисок и клубники, фирменный запах торгового дома «Бёрберри», сделавшего ка-

питалы на Первой мировой войне, на трупах и смерти. За окном лил дождь, и капли стекали по гладкой плащовке стекла, не царапая поверхности на проступающих сквозь деревья лицах мертвецов. Среди которых я уже видел и свое совсем бледное лицо.

А после были и другие конкурсы, где надо было связывать себя веревками и выводить нитью Ариадны по коридорам семерых прекрасных юношей и девушек из лабиринта Минотавра, как скованных цепями рабов после проигранного сражения. Так, должно быть, еще ведут скованных кандалами грешников-мертвецов в Аид.

Копать везде, копать всегда, работая мыслью как заступом. И кто-то уже просовывал веревку под кофтой или рубашкой, а она, хотя она могла бы себя и не связывать, ведь это не она угодила в лапы плотоядного Минотавра, она обвязала веревкой свой тонкую кисть, чтобы помочь уставшим и измученным мертвецам выбраться наконец в Аид.

Она та, подумал я, кто никогда не предаст. Кто не отпустит в минуты отчаянья и не забудет о твоём существовании в бурном веселье. Она настоящая женщина, она моя мечта, которая не позволит дотронуться до своей руки другому, даже если ее муж умрет. Потому что сама будет любить до последнего. А если ты попытаешь повязать ей веревку, она отдернет руку, потому что там уже есть кольцо.

А мне именно такая и нужна была всю жизнь. Такая, которая не предаст, не отпустит и не бросит.

А я ведь уже смирился с участью быть преданным. С тем, что однажды меня кинут через одно место, на котором прежде повертят. Однажды, когда я стану старым и немощным и потеряю место в сексуальной иерархии, превращусь в уродливого морщинистого ребенка, меня бросят в пропасть юные сильные прекрасные спартанцы. И тогда, может быть, найдется женщина, которая не откажется от меня, даже когда я буду уже мертвым.

5.

Впрочем, помимо падения в бездну были там и иные конкурсы. На Гаити мы все выстроились в цепочку — девочка, мальчик, девочка, мальчик, девочка, мальчик, девочка, словно для макаренны или ламбады, и последний, будто он абориген, должен был, получив из рук ведущего картинку-озарение и нащупав очертания этой картинки в темноте (всем нам завязали глаза), набросать этот объект на спине впереди стоящего. Рисунки были примитивно-на скальные — пунктирные, словно первый человек в цепочке эволюции — первобытный неандерталец, а последний уже Пикассо или Малевич. И он должен был, бросив и презрев всех предыдущих, показать

новый стиль и изобразить эту картинку на мольберте с помощью яркой кисти-маркера во всей своей бурной фантазии.

Нужно ли говорить, что, узнав правила конкурса, Елена встала последней, и она чертила на скале мышцы предстоящего счастливчика странные письма, и когда эти письма по цепочке дошли до меня, я весь содрогнулся, поняв, что там были то ли домик с треугольной крышей, то ли кораблик с треугольным парусом.

— Еще раз! — попросил я худенькую девочку, стоявшую за мной, нарисовать у себя на лопатках то ли домик, то ли кораблик, словно через это четверичное рукопожатие-рукоприложение, через которое я, к слову, мог бы поздороваться с самим Рембрандтом, пытался ощутить смутное прикосновение Елены. И понять, о чем в глубине своей души больше мечтает Елена — о доме или о парусе?

А она — хрупкая девочка за мной, казалось, будто прижимается ко мне не только пальцем, но и всем телом, будто прячась за мной от ветра, — судорожно чертила дом. Передавая ее послание, я нарисовал на спине впереди стоящей девушки с большой грудью парус. И когда я проводил пальцем по позвоночнику, я натянул корсет лифчика, словно трос, и почувствовал, как напряглась ее спина и надулись паруса лифа. А наш капитан, будь он Ван Гог или Гоген, уже бросив на произвол судьбы и работу на бирже, и жену с пятью детьми, уже схватился всей пятерней за маркеры и рисовал голубые волны и загорелых мулаток с розовыми цветами в волосах.

А потом мы пошли в другую страну, кажется, в Испанию, под звуки семиструнной испанской гитары, завязав глаза, и вела нас всех Елена. Хлопок по плечу — поворот налево, хлопок — направо. И я жутко ревновал к тому, что не я, а она ведет эту слепую процессию, и не в моих руках, а в ее судьбы мира и команды.

6.

И еще я ревновал, что не к моим плечам она прикасается. И не на моей спине чертила паруса. Потому что я мог только мечтать о малейшем ее прикосновении. Ибо только в определенных конкурсах она соглашалась принимать участие наравне со всей командой с большой радостью. Это когда греки или римляне загадывали нам загадки, подобно тому, как загадывали загадки и задавали свои вопросы Соократ, или Платон, или какие-нибудь изобретатели каламбуров и умельцы парадоксов, софисты вроде Протагора.

И я видел, как загораются ее глаза и трепещут ресницы, ожидая похвалы, словно она не зрелая

замужняя женщина, а маленькая девочка. И она со своим первым парнем играет в шахматы. А ее первый парень, назовем его инициалами О. Н., говорит о Спинозе и Леви-Строссе как о коктейле, и обо всем — только по-своему, и никогда так, как она слышала от других. О. Н., и правда, опровергал все авторитеты и становился кумиром для нее. О. Н. незримо, но постоянно присутствовал в ее жизни — присутствовал так незримо, что чаще всего она даже забывала, что он и есть. О. Н. А может, наоборот, часто вспоминала, как он играл с ней в шахматы и проводил хитроумные комбинации, в то время как О. Н. любовался трепетом ее ресниц, ибо ее сердце заходило от одного его одобрительного и ласкового взгляда.

Что-то в этом есть, не правда ли? Некоторые загадки нас очаровывают, некоторые разочаровывают. К последним относилась загадка, не разгадав которую Гомер якобы умер. Но мне-то кажется, что Гомер умер не оттого, что ее не отгадал, а оттого, что отгадал и ужаснулся тому, как низко пал человек.

Однажды Гомер шел по пустынному берегу и чуть не сшиб каких-то людей.

— Эй, Гомер, умерь свой пыл! — крикнули ему люди.

— Кто вы и чем здесь занимаетесь, добрые люди? — услышав доброту людей, напрягся Гомер.

— Мы рыбаки. А то, что мы поймаете, мы отбрасываем, а то, что не поймаете, уносим с собой.

И тогда Гомер стал думать, блуждая по своему затемненному сознанию, натываясь на слова и набредая на образы вслепую. И может, он даже подумал о звездах, из которых мы выкидываем только те, что падают в наши сети. А остальные всегда носим с собой на небосводе. Или о прочих нематериальных удовольствиях. Эти версии мы предлагали наперебой. Но все оказалось гораздо прозаичнее. Ибо рыбаки, выбравшись на берег после долгого плавания, вылавливали друг у друга вшей. И тогда я разочарованно посмотрел на Елену. И увидел, как она разочарованно посмотрела на ведущего и как брезгливо скривилась ее губы. Ее прекрасные губы, которые мне никогда не поцеловать, потому я даже меньше и ничтожнее вши, и никакие инстинкты приматов мне не помогут и меня не спасут.

7.

А с Китаем вообще получилось как-то нехорошо. Ибо в условном Китае пухлощекий, рыжеволосый, переодетый в мандарина, с апельсиновой целлюлитной коркой фрукт предложил нам ответить на загадку от Лао-цзы, который, видите ли, считал, что

у обычной женщины мозг курицы. А какой мозг у необычной женщины? — вопрошал себя Лао-цзы.

На этот вопрос мы и должны были ответить. И я опять посмотрел на Елену, как она разочарована и насколько не согласна. Но она, стиснув губы, подавила свой гнев и промолчала.

— У необыкновенной женщины нет мозгов, — предложил я наш общий ответ, — ибо не бывает необыкновенных женщин.

И Елена даже вроде бы согласилась с этим ответом, все более погружаясь в темноту другой стороны луны, окинув меня оттуда презрительным взглядом.

Черт, мы опять не угадали, ибо Лао-цзы считал, что у необыкновенной женщины мозги, как у двух куриц.

Может быть, эта промашка и не позволила нам занять первое место по итогам всей партии. Но я готов был скорее проиграть, чем согласиться с Лао-цзы. Либо необыкновенных не существует, либо необыкновенные умнее и проницательнее нас. Я с надеждой посмотрел на негодующую Елену. Я пытался заглянуть ей в глаза, но поскольку она уже отвернулась, я лишь мог посмотреть сквозь локоны на ее профиль. Так, должно быть, японцы любят профилем луны сквозь ветви лунной сосны.

На обеде, после вручения призов-торгов, мы уже сидели за одним столом, и я взял две порции куриных потрохов в клубнике, и вот, ковыряясь в куриных мозгах и ведя светскую беседу на отвлеченные темы, я понял, как нужно поступить с Еленой. Нужно загадать ей загадку, из тех загадок, отвечая на которые она бы вывернула себя наизнанку. Чтобы этот вопрос прошел сквозь нее, ворвался в нее, сделав больно и раскурочив сознание. Чтобы она чувствовала, что распадается физически, чувствовала, что ее тело ей не принадлежит, что ее мысли с ним никак не связаны.

8.

И я придумал такую загадку. Придумал очень быстро. Погладив мысленно Елену по голове, похвалив за прекрасный вкус и блестящие способности, помечтав о трепыхающихся ресницах, я предложил ответить ей на вопрос, почему в фильме Бертолуччи «Ускользающая красота», где главная героиня приезжает в Тоскану в поисках своего отца, почему из всех достойных мужчин, из интеллектуала, брутала, вымороченного шута, скабрезного трикстера, молчаливого одиночки и художника-борца она выбирает себе в первые партнеры прыщавого неказистого юнца. Неужели для женщин в этот ритуальный момент важно, чтобы их любили? Неужели для них важно, чтобы любили их, а не любили они?

— Ведь она могла бы вполне выбрать и умирающего от рака, и женатого фривольца. И первое, и второе выглядело бы достойным женской милости и любви.

Я спросил Елену об этом потому, что меня и самого волновал этот вопрос. Вот она сидит передо мной, девственная и непорочная, живущая в мире чистых и абстрактных понятий. Но почему она выбрала и отдала свою непорочность мужу, о котором она почти ничего не рассказывала?

Ничего не рассказывала, должно быть, потому, тут же интуитивно догадывался я, что ее муж — это такое светлое и счастливое, единственно счастливое и невинное в ней, о чем она боится говорить вслух, чтобы не сглазить и не потерять. О ком нельзя сказать хорошо, потому что слишком это интимно и дорого. Дорого так, что не подобрать никаких слов и сравнений. Ведь если он когда-нибудь ее оставит, а прямо говоря, бросит, она не сможет с этим справиться. И тогда наверняка она найдет тысячу прекрасных слов, чтобы описать его красоту и свое горе. Ибо боль всегда делает слова полновесными.

Но я зашел с другого конца и спросил о том, почему однажды женщина отдает мужчине самое дорогое, что у нее есть. Почему она носит это с собой, бережет как зеницу ока, пока кто-то не отбрасывает это в сторону как самое ненужное.

— Когда найдешь ответ, мы встретимся в Тоскане.

— Где это? — переспросила она, потому что не знала, что я жил в комнате с такими тонкими, будто прилипающие к телу полупрозрачные летние рубашки, обоями и стенами цвета оливкового масла и заходящего солнца. — В каком холле?

— Тоскана — эта такая прекрасная провинция, где у женщин золотистая кожа, оливковые волосы и миндалевидные глаза, — дал я подсказку. — И при этом там мужчин пробирает такая тоска от одиночества и несовершенства мира, что они готовы засунуть женщинам яблоко назад в глотку.

Но чтобы этого не делать, они лежат, повернувшись лицом к стене, и слушают, как там, за стеной, ругаются или трахаются. Слушают, как вместе с тиканьем секундной стрелки разрушается их мечта о прекрасном и надежда на спокойную безветренную ночь.

9.

Я знал, я верил, что она будет думать и думать, пока не придумает ответ. Ибо это не Лао-цзы, это нечто похлеще. Это вопрос, который будет терзать ее девственную душу до тех пор, пока не разорвет ее в клочья. И она найдет на него ответ, чтобы не умереть, подобно Гомеру.

И я не ошибся, она не спала всю ночь и придумала ответ еще до того, как пропели третьи петухи, и ее темперамент заставил ее схватить телефон и позвонить мне. И она сказала, что разгадала загадку.

— Я сейчас после бассейна, — не соврал я, — я сейчас расслабленно лежу в своем номере, — опять не соврал я. — Я распят тяжелыми нагрузками, — снова не соврал.

Приходи, если хочешь поделиться со мной немедленно, и омой мои ноги своим дыханием, не сказал я, открывая дверь, за которой в холле бушевала жизнь, за которой семинар физиков-атомщиков обсуждал устройство атома. А возможно, геологи обсуждали строение Земли, мантии и ядра. Копать везде, копать всегда и даже там, парам-пам-пам. И они говорили на своем труднодоступном, полном терминов языке о физике. Но если его перевести на обычный язык или пусть даже язык мифов, они говорили и о душевных недрах, и о физической близости, о том, что, по Мерло-Понти, называется чувством центра Земли. О том, что каждый человек и есть центр Земли. О том, что мы все в своих суждениях пляшем от своей колокольни, от своих травм и неврозов, лишь со временем покрываясь чужими мнениями и мыслями, словно культурными слоями. А еще о том, что вот идешь, бывает, по улице, и день такой серый-серый, тяжелый, тягучий, но стоит только вспомнить, что ты тоже центр Земли, как сразу все преобразается, и воздух вокруг начинает искриться. И все в тебе начинает жить, биться за этот центр Земли, за то, чтобы ты сейчас и впредь оставался пупом вселенной.

А на темной стороне луны мы все одиноки, потому что отношений не существует, потому что люди не могут и не должны быть связаны, потому что это противоестественно, потому что мы приходим в этот мир в одиночку и умираем так же в одиночку. Потому что нельзя умереть вдвоем, потому что это глубоко личное, это настоящее, это по-настоящему дело каждого. Потому что только одиночкам и изгоям устраивают темную, накиннув на голову простыню. А кроме этого личного пространства и личной боли ничего хорошего в темной стороне каждого из нас нет. Мы несчастны, и мы голодны до эмоций, поэтому мы при первой возможности и вытягиваем их из себя же — на светлую сторону.

10.

Боже, как я хотел, чтобы она не пришла, и как я хотел, чтобы она пришла. Боже, как я хотел умереть вместе с ней, но, в то же время, не брать ее с собой на свою темную сторону луны.

Я стоял у окна и смотрел на одинокую рябинку, которая согревала меня своей обнаженностью, — только несколько гроздей красных ягод, как защитная помада на обнаженной женщине, когда вдруг распаивается дверь и резкий порыв ветра готов сбить любого заставшегося. Она была такой беззащитной, и в то же время эти яркие ягоды, которые еще не склевали клесты и вороны, давали надежду, что, даже раздетой, ей удастся отболтаться.

И когда она пришла, она действительно тут же попыталась отболтаться. Перевести трепет своего положения в легкий треп, укрепиться на плывущей под ногами почве. Она говорила с уверенным достоинством обо всем на свете, потому что привыкла обнажаться постепенно, снимая с себя слои, как одежду. Один слой за другим. Потому что все люди бесконечные актеры, а значит, чем больше говоришь, тем больше скрываешь. Выкладывать, как на ладони, все что можешь, подряд, тщательно фильтруя информацию и оставляя за тонкой стеной все, о чем говорить не можешь, — таково правило игры.

— Видишь, какая у меня за окном рябинка, — прервал ее я, уставившись в окно, в котором отражалась Елена всем своим силуэтом. — Ну разве она не трогательна в своей обнаженности?

— Рябинка как рябинка, — пожала плечами Елена.

И это пожатие — мол, к черту рябинку, когда я отгадала, — развязывало мне руки.

— Ну разве она не прекрасна? — настаивал я, видя некоторую растерянность. — Разве тебе ее не жаль?

Я говорил и представлял себя по ту сторону окна. Я говорил и мысленно вспоминал слова поэта Сепехри:

За дверью я стою одиноко.

Всегда себя я видел одиноким за этой дверью.

Словно существо мое оставалось возле этой двери.

Обладало корнями в моей немоте.

Разве жизнь моя не была безответным звуком?

11.

— Ну разве тебе ее не жаль?

— Ну как тебе сказать! — снова пожала плечами Елена, и я вновь увидел всю гамму недоумения на отраженном в стекле лице, по которому уже катились крупные капли. — По-моему, самая обычная рябинка.

А мне послышалось: «Самый обычный ребенок». «Ну, к черту так к черту», — повернулся я к ней лицом. И мы стали говорить о Бертолуччи, об учебе в Принстоне, о Деррида и о себе.

Потому что мы, как никто другой, умеем обнажаться, оставаясь одетыми. Потому что мы никогда

не лжем, а лишь легко снимаем с себя бесчисленные маски. Не так ли?

А когда она наконец рассказала о своем понимании фильма, рассказала, почему героиня Лив Тайлер отдалась не брутальному художнику, не веселому интроверту, не почти мертвому интеллектуалу, что тоже было бы красиво, а отдалась прыщавому юнцу, уродцу-неумехе, прошло уже полчаса. Или около того.

— А ты знаешь, — заметил я будто бы между прочим, — где-то я читал, что ученые принстонского университета высчитали, будто бы секс между мужчиной и женщиной длится в среднем двадцать восемь минут.

Это я, конечно, все выдумал. Я бы мог сказать: и Йель, и Оксфорд, и Кембридж, но мне было важно сказать именно Принстон. Потому что таков принцип.

— Это ты к чему сейчас? — спросила она с запинкой, настороженно.

— К тому, что ты уже полчаса в моей комнате. А там, за дверьми, как раз собрались мои друзья. И они бог знает что могут подумать о нас.

— А что они могут о нас подумать? — спросила она, растягивая слова. По ее тону чувствовалось, что смятение и нехорошие предчувствия нарастают в ней и уже медленно подкатывают к горлу.

— Ну, например, что я нашел себе очередную девушку. И что ты очередная шлюха. Меня же больше волнует, комфортно ли тебе было проходить через весь этот строй, через семинар? И почему ты все-таки прошла, а не сделала вид, что идешь мимо? Впрочем, это был твой личный выбор. И не мне за него отвечать. Ведь ты вполне бы могла пройти мимо, могла сделать вид, что пришла на семинар разговаривать о центре Земли и стать этим центром в глазах всех собравшихся сейчас за этой тонкой стеной...

Я знаю, этот мой вопрос произвел подмену всего и вся. Он разом сменил все плюсы на минусы, подменяя полюса. Он вывалял все наше общение в грязь. Моя улыбка теперь была отталкивающей, попытка шутить — неуместной, мое обаяние — вероломным. Все, что ей казалось искренним, теперь выглядело фальшивым. Я будто взял кисть и измазал ее белую блузку и мою белую футболку черной краской. Я закрасил черным ее, себя и весь мир.

12.

Раньше после первой брачной ночи на забор вывешивали простыни с красными разводами. Может быть, это было жестоко, но теперь у меня не было других красок для наших парусов. Для парусов тех, кто возвращается на родину после лабиринтов Ми-

нотавра. А там, на родине, оставшиеся на берегу отцы и мужья ждут если не красных, то хотя бы белых простыней.

С тех, кто высоко летает, и спрос высок. И теперь ей уже было не отболтаться, не прикрыться словами. Потому что никаких спасительных слов здесь уже не найти. И она стремительно встает с кровати, поправляя на себе черную юбку. Единственное, что ей оставалось, — это сделать вид, что ничего страшного не произошло, отшутиться, а потом под благовидным предлогом уйти, потому что несказанное в любом случае будет выше сказанного. И тогда она, возможно, сохранила бы лицо, а не выдала бы себя с головой в момент своего предательства.

Но ее несдержанный внутренний голос и темперамент заставил ее защищаться. Защищаться у нее, конечно, получалось плохо, колени и губы дрожали, стоять прямо на расходящихся льдинах полушарий — логической и эмоциональной — не удавалось. Карта мыслей расползалась по швам. В ее голове вообще не укладывалось, насколько мужчины могут быть подлы и коварны. И насколько они жестоки в своем желании добить. Или это была не жесткая провокация, не предательство, а просто непродуманная фраза, попытка задеть, попытка что-то узнать, попытка поставить эффектную точку перед тем, как мы попрощаемся? — металась она по комнате, глазами пытаясь просчитать варианты.

Но наткнулась лишь на оливковые обои по всему периметру, словно ее окружала оливковая роща в Тоскане с жирным оливковым маслом, которым не запить горечь в горле и сердце.

Каждому надо сказать острее, и точнее, и бесповоротнее, но у меня получается гораздо лучше. Единственное, что ее могло спасти, — это деревце за окном, по которому она, как белая лабораторная мышка, могла бы убежать с тонущего корабля в небеса. Если бы она только не отреагировала так остро, не выдала бы себя, а спокойно подошла бы к окну и стала бы рассуждать о погоде, как это делают настоящие леди Принстона. Но это деревце, которое могло бы ее спасти, но не спасло, раздражает ее еще сильнее. Последнее, что она услышит, уже решил я, — это слова «Закрой за собой дверь».

Мол, всё, ты мне больше не нужна. Не поднятый, как прежде, во всех прежних потешных гладиаторских боях, а опущенный вниз палец. Вот это и будет эффектной точкой, выстрелом в спину предателя.

13.

Конечно, хотя бы потому, что ее голос уже дрожит, никакого лидерства ей не выиграть. К тому же она чувствует себя фальшивой и грязной. Через

минуту-другую острого соперничества, противоборства, перепалки, в которой я вынужден держать себя достойно, в которой я спокоен, и рассудителен, и уравновешен, даже холоден, как нож мясника или скальпель хирурга, она замолкает... Странно, ведь это моя, а не ее мечта умерла, и это мне, а не ей, вынимать очередную сгнившую занозу из сердца, доставать при полном самообладании и трезвом анализе.

А она пусть валит восвояси. Пусть бежит, сломя голову, из ситуации, делающей ее хуже, чем она есть, пусть скачет к себе в номер, пусть падает там ниц на постель, пусть рыдает, ревет, визжит под теплыми руками соседки, которую я сегодня в бассейне так виртуозно учил плавать, будто предчувствуя, что это ей, а не мне, предстоит лечь рядом на живот или спину и окунуться руками в бурную реку слез... А может, ее будут гладить по волосам другие девочки, та, хрупкая и плоская, или та, с большой грудью. Любая, что попадется под голову из команды копателей, будет стараться ей помочь и успокоить, будет говорить ей, что все хорошо, что ничего страшного не произошло, к чему бы кто-то о ней подумал плохо.

Маленькие лгуны. Эх, жаль, что это не я буду ее успокаивать и гладить по оливковым волосам, потому что я бы обязательно нашел повод для пары колких фраз и замечаний. Я бы уже не отпустил ее, пойманную, из силков.

А без этих фраз, думаю я, уже отвернувшись к оливковым обоям Тосканы, она уже через несколь-

ко минут послушается своих подружек, и успокоится, и возьмет себя в руки, чтобы никогда больше не совершать таких же ошибок и не испытывать того позора, что она чувствует сейчас. Чтобы больше никогда в жизни не ощущать себя вавилонской блудницей на развилке дорог, когда она, как в тумане, выходит из номера и теряется, не зная, повернуть ей налево или направо. И десятки глаз устремляются на нее. И хотя она пока еще убеждена, что не шлюха, и надеется, что она все еще не изменила своему мужу, ее внутренний барометр с точки «ясно и чисто» мигом перескакивает на «критически опасно», а мир условностей и теней уже накладывает свой отпечаток на высоко поднятые паруса. Однако ей не удастся усилием воли сразу унять свой внутренний жар, и лихорадку, и качку внутри всего тела. Ее кожа трескается под пристальными взглядами, мысли беспорядочно скользят по кругу, голова кружится, слезы наворачиваются на глаза.

И потому, когда она выходит из комнаты, «Закрой за собой дверь» ударяет ей в спину так, что она еле стоит на ногах. Но, тем не менее, схватившись за ручку, она наверняка заставляет себя прямо держать спину, и не опускать подбородок, и выкидывать от бедра ноги на тонких шпильках, будто она идет по высокому подиуму перед полным залом, благодарная Господу лишь за то, что среди зрителей нет ее мужа.

«У КАЖДОГО ПОЭТА ЕСТЬ ПРОВИНЦИЯ...»

От редакции

В этом номере мы решили обратить взор читателя на судьбы провинциальных поэтов. Прав мастер смелого слова, полузабытый нынче Семен Гудзенко: «У каждого поэта есть провинция. / Она ему ошибки и грехи, / все мелкие обиды и провинности / прощает за правдивые стихи». Страшно, когда, как у того военного поколения, которое сумело выкрикнуть: «Когда на смерть идут — поют», суровой и далекой провинцией становится Война. Но именно в этой провинции рождалась великая поэзия — поэзия горя, подвига, сострадания...

Сегодня среди глянцевого обложки бродят люди, не способные не то что впитать или оценить стихи, — потребители эти не могут их даже прочитать. Но многолика Русь-матушка. Несмотря на такое непонимание поэтического слова, еще встречаются на ее просторах провинциальные поэты. Очерк, откровения и стихи Елены Бариновой — лишнее тому подтверждение. А язвительные размышления Игоря Михайлова, привлекающего для связи времен поэзию Константина Батюшкова, лишь обнажают ранимость и милую патриархальность певца малой родины.

Игорь МИХАЙЛОВ

«НАПЕРСНИК МИЛЫХ АОНИД»

Провинциальному поэту надо поставить памятник где-нибудь на вокзале или на рынке, где ни он никому, ни ему никто особо не нужен.

А ведь так и есть... Кто, «отгружая» очередную премию своему человечку или матерому классику с бровями, как у Вия, вспомнит, что где-то там, за Торжком или в Моршанске, томится «наперсник милых аонид», пишет продолжение «Евгения Онегина» или по старинке стихи в альбом. И ничего больше от этой жизни не хочет, разве кроме того, чтобы его прочитали.

Я сталкивался лоб в лоб с автором продолжения «Евгения Онегина». Он меня мучил, как рэкетир лоточника паяльной лампой, стихами. Как сейчас помню:

На снег двора напал вторник —
Сменив подробности утра...
Вздых оперся на подоконник:
Над пеной загнанного рта —
Узда с двойными удилами;
Дневную упряжь одевали
Земные хлопоты людей
Над сменой пары лошадей...

Напрасно я до синевы кричал, что вторник не может нападать — ни на снег, ни даже на понедельник, он смотрел на меня прозрачным взглядом херувима и не верил ни единому моему слову.

Он — «любимец муз» и «наперсник милых аонид». А я — кто? Тем более из Москвы.

Провинциальный поэт — это опасное инфекционное заболевание,

передающееся воздушно-капельным путем или через воздушный поцелуй. Он пишет подпольно, безвозмездно, неустанно, даже тогда, когда по десятому разу отказали все столичные журналы. Он будет писать до последнего издыхания даже тогда, когда по телевизору скажут:

— Все, с завтрашнего дня поэзия отменяется!

Потому что:

И горесть сладостна бывает:

Он в горести мечтает...

Покажите пальцем в Москве на поэта, который томится в горести. Нет здесь таких, были, но все вышли, а завезти забыли. А там, за МКАД и туда дальше, где кончается бетонка и начинается черт-те

что и сбоку бантик, там водятся настоящие поэты.

Ненастоящих поэтов в провинции не бывает. От одного из них я уходил дворами тревожным питерским сумраком. Объятия любимца «милых аонид» были так крепки, что мне иной раз казалось, что поэт и аониды поменялись местами и что его влечет ко мне чувство гораздо более пылкое, чем у служителя к своей музе или наоборот. Словом, все смешалось, нас настигла мгла, кажется, это было на Невском, и я

малодушно бежал, а он хотел мне почитать свои стихи, поэмы. Бежал, вестимо, быстрее лани, отчетливо понимая, что мне никогда не бывать провинциальным поэтом. Я слишком хитер, а провинциальный поэт бесхитростен. Я слишком язвитель, а провинциальный поэт — уязвим, раним, как дитя.

Он свят в своем простодушии и глух в своей нирване. Но ему ничего не нужно, кроме стихов.

Поэтому на памятнике поэту где-нибудь на вокзале надо вы-

бить в бронзе: «Памятник настоящему поэту».

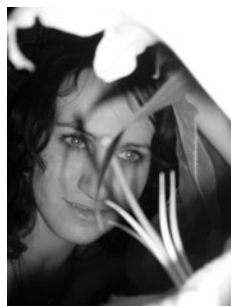
Ибо только там, в Тамбове, в Саратове, Омске, Томске и в Воронеже, живут любимцы «милых аонид».

Потому что:

Пусть будет навсегда со мной
Завидное Поэтов свойство:
Блаженство находить в убожестве
Мечтой!

Вот так. И никак иначе.
Иначе никак!

Елена БАРИНОВА

Зовут меня Елена Баринава, мне двадцать один год. Родилась и выросла в Ивановской области, в городе Кохме. Живут в нем двадцать девять тысяч человек. Конечно, огромных торговых центров и гимназий с углубленным изучением английского у нас нет. Зато есть особняк цвета времени — памятник архитектуры, которому более ста лет. Старинная лепнина и намертво вделанные в кирпичные стены почерневшие металлические кольца, к которым когда-то привязывали лошадей. Сейчас там детская школа искусств, и свои первые уроки танцев я получила именно там. А еще есть трехэтажное заброшенное здание из красного кирпича, под самой крышей которого навеки выложено: «Театр».

В детстве я хотела преподавать в школе литературу. И сейчас хочу. И всегда хотела. Но после

одиннадцатого класса поступила на журналистику. Потому что хорошо получалось писать в районную газету. Потому что моя учительница литературы сказала мне, что в школе работать отвратительно. Мне стыдно, но тогда я отбросила детские, показавшиеся вдруг такими наивными желания. А сейчас понимаю, что это и было моей мечтой. Ею и остается. И я иду к ней. А с журналистики меня, естественно, отчислили. Но о четырех годах, посвященных ивановским газетам (среди которых, кстати, «Рабочий край», издающийся с 1905 года), я ничуть не жалею. Я узнала много хороших людей, которые хвалили меня и бескорыстно помогали мне.

Грабарь говорил, что не помнит себя нерисующим. Может быть, это пафосно, но мне кажется, что я тоже помню себя только с тех лет, когда начала писать и читать. А в школе

заметили мои способности в девятом классе. Помню, в начале сентября задали сочинение о «Слове о полку Игореве» — это было первым моим сочинением, зачитанным перед классом. Потом таких сочинений было много.

Вопрос о том, кто мой любимый писатель и поэт, вводит в ступор того, кто его задал, потому что я начинаю взмахивать и все громче и громче произносить фамилии с краткими или не очень комментариями. А как иначе? Не назовешь же только тех, кого читаешь сейчас или читала в детстве, только современных или только классиков. А Есенин, который вне всяких определений?! Его «Поет зима, аукает» стало первым стихотворением, над которым я заплакала. Так жалко стало этих воробышков, которые «голодные, усталые», «жмутся поплотней» и видят во сне весну... А сейчас

отношение к Есенину похоже на родственное.

Еще я рисую, вышиваю, танцую (даже преподавала два года танцы), люблю лес — особенно те места, где редко бывают люди. Но все-таки главной моей любовью всегда было Слово.

Милая «Юность», может быть, Вам нужна более официальная

информация? Учась в десятом классе, я заняла первое место в областной олимпиаде школьников по литературе, в одиннадцатом классе — по русскому языку. Принимала участие в олимпиадах на всероссийском уровне. В одиннадцатом классе заняла первое место в региональном конкурсе сочинений по книге Харпер Ли «Убить пересмешника» в рам-

ках программы «Большое чтение». Окончила среднюю школу № 7 города Кохмы с серебряной медалью в 2008 году. Ездил на Кремлевский бал в числе пяти человек от области. В этом же году поступила в Ивановский государственный университет. Ранее стихи и художественные очерки не печатала и даже никому не читала.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОЭТ

Передо мной — не слишком высокий, худой человек. Возраст — чуть меньше семидесяти, но выглядит моложе. Лицо смуглое, загорелое, покрытое морщинами, которые странным образом не старят моего собеседника. Глаза большие, пепельно-серые. Седина уже уверенно расположилась на голове, но до конца еще не победила. На груди — крупный серебряный нательный крест, почерневший от времени. То и дело он начинает теревить его большим, средним и указательным пальцами, как четки.

Зовут его Валентин Удалов. Он поэт, а я пришла к нему брать свое первое в жизни интервью.

На столе — неновый мобильный, очки, старые газеты и тонкая тетрадь со стихами, сложенная обложкой внутрь. Почерк крупный, неровный, но разборчивый.

Беру тетрадку, начинаю читать. Кое-где не хватает запятых.

Первое впечатление — камерно, лирично и небанально. Проскальзывает что-то есенинское. Спрашиваю:

— Каких вы поэтов любите?

— Люблю Пушкина. Есенина тоже — «Анну Снегину» раньше наизусть знал, — словно подслушав мои мысли, отвечает он.

Читаю стихи о любви. Замечаю, как он смотрит на жену, в прошлом, да и сейчас, очень красивую, статную даму. Взгляд этот немного заискивающий, восхищенный. «Понятно, кто в доме главный редактор», — проносится у меня в голове.

По неопытности спрашиваю банальность:

— Чем для вас является ваше творчество?

В ответ жду таких же банальных и ложно пафосных фраз о смысле жизни. Но ответ неожиданный, простой и честный:

— Не знаю. Потребность в этом есть. Иногда рождается в голове фраза, рифма, и пока не запишу — так и вертится на уме.

Просматриваю особую гордость — и уже успевшие пожелтеть, и недавние номера районной газеты, где по соседству с советами огородникам опубликованы его стихи. Правдивые, простые. И запятые в них так и не расставлены...

* * *

Он ненавидел танцы и литературу,
А это было все, чем я жила,
Он воровал и говорил мне: «Дура!» —
Ни разу в жизни я чужого не брала.

Сейчас со мной другой — хороший, милый,
В час ночи ходит мне за сладким в магазин...
А счастья нет! А раньше было,
Хоть не было для счастья никаких «причин»!

* * *

Ты многих знал,
И многие тебя любили,
Ты многих звал,
Они послушно за тобой ходили.

А я была одной из них...

* * *

Мне приснилось сегодня,
как мы с тобой
скитались в чудесной
и мрачной стране,
я спасала тебя
от злобы людской,
от плена,
несчастья
и заточенья...
Я танцевала
среди зла и тьмы,
и мне не было страшно
рядом с твоим плечом...
А потом
ты довольно показывал мне
фотографии твоей любимой,
на которых она
улыбалась
рядом с другими
мужчинами...

Тэффи в Париже

1 сентября 1924 года в Париже начал выходить журнал «Иллюстрированная Россия», основал и редактировал который М. Миронов. Закрит он был в 1939 году немецкими оккупантами за карикатуру на Гитлера. Издание широко освещало жизнь русской эмиграции от Парижа до Харбина и создало уникальную летопись бытия наших зарубежных соотечественников. Журнал отслеживал и события в советской России, понятно, в остром критическом ключе, чему способствовала и перепечатка произведений советских сатириков — Зощенко, Ильфа и Петрова, П. Романова и других, в чьих

произведениях отражались негативные стороны советской жизни. Литературные страницы журнала представляли Куприн, Бунин, Саша Черный, Чириков, Шмелев, Ходасевич, Г. Иванов и др. Постоянным автором здесь была и Тэффи. Эмигрировав в Париж в 1919 году, Тэффи продолжала свою непримиримую борьбу с большевиками, начатую в годы революции в журнале «Новый Сатирикон» и газете «Русское слово», пока «контрреволюционная печать» не была запрещена советскими властями в августе 1918 года. Ее фельетоны составили большую часть

берлинского издания книги «Рысь», выпущенной в 1923 году. Наконец эта тема была исчерпана, и Тэффи вернулась к своим «человекообразным», как окрестила она свои персонажи в дебютном двухтомнике рассказов. Жизнь в эмиграции не излечила «человекообразных» от их пороков, что позволило писательнице создать острые по характерам персонажи русских эмигрантов... Парочку рассказов из той эпохи мы впервые предлагаем нашему читателю. Первый перед вами, а второй ищите в следующем номере! И улыбнитесь вместе с Тэффи!

Вступление и публикация Рафаэля Соколовского

Блины мадам Куды

Не думайте, пожалуйста, что русская эмиграция только то и делает, что мечтает, вспоминает и мечтает.

Ничего подобного. Она любит, рождает, изменяет, умирает, ненавидит, словом, живет, как все люди земного шара. Вот сейчас масленица. Конечно, многие пускаются в ретроспективную меланхолию.

— Бывалыча зернистая икорка...

Но между тем взгляните в русские газеты.

Вторник — блины бывших классных дам Ведомства Учреждений Императрицы Марии.

Среда — блины любителей рысистых бегов.

Четверг — блины бывших любителей выразительного чтения...

И дальше...

Ресторан Sevruga объявляет:

«Все для блинов — поросята, куличи, кутья, око-рока и сырны пасхи».

Разве это не жизнь в полной своей посвященности!

Не говорите «нет». Вам все равно не поверят.

Живем, любим, горим...

Теперь я расскажу вам о блинах у Платоновых. Потому что с этого все и началось.

В старой итальянской новелле рассказывается, как черт удивился, когда увидел, что монах ухитрился спечь на свечке яйцо. Воображаю, каково было бы его удивление, если бы он увидел, как в отеле «Бижу», в пятом номере, где ничего, кроме лавабо и пепельницы, не помещается, супруги Платоновы устраивают блины на восемь кувертов.

Стол, выключенный у соседей, приставлен к собственному столу и добавлен перевернутым боком сундуком. Все покрыто простыней.

На тарелочках — селедка, кильки и шпроты.

Сами, как говорится, виновники торжества, то есть блины, пекутся в соседнем номере способом, на который старый итальянский черт, наверное, тоже немало бы удивился: на двух спиртовках, засунутых в камин...

Орудует над ними мадам Куды. «Третья рука» мадам Куды — мадам Прасковэ сидит на корточках, озаренная дымным пламенем, и смотрит безумными глазами в камин, как Гоголь, сжигающий последнюю часть «Мертвых душ».

Чад круглым рафаэлевским облаком колыхается по коридору и медленно спускается по лестнице. Скоро доползет до хозяйского бюро, и тогда, пожалуй... Но пока еще не дополз.

— Один раз живем на свете, — говорит Платонов, стараясь заглушить в себе внутреннюю тревогу.

Платонов, старый, со смеющимися морщинами у глаз бывший воинский начальник, занимает теперь должность довольно легкомысленную — он мальчик на побегушках в мэзоне «Парасковэ».

Но дело не в нем и даже не в его жене. Дело в маникюрше, в мадам Флегентовой, которая в этот день, одержимая демоническим порывом, решила отомстить подлому и прекрасному Сене Ароматнику — скрипачу «Синема Горизонталь». Слишком ясно было, что Сеня побывал в третьих руках мадам Куды. Слишком ясно. Иначе почему у Куды появилась контрамарка в «Синема Горизонталь»? Откуда мягкая карамель? И почему она выпытывала рецепт для омолаживания век? И сейчас, на глазах у всех — какое наглое бесстыдство! Арабеск два раза стучался в дверь к Куды и жантильно предлагал помогать, а та в ответ верещала козым голосом: «Нет!» Этому надо положить конец.

Флегентова, как женщина тонкая, решила мстить тонко и по-женски: замучила ревностью.

Ага! Ты так? Так вот тебе! Не нравится? Так вот еще и еще!

Это довольно смутное «вот тебе» неожиданно приняло реальную форму — форму кавалера, которого любезная хозяйка подсадила к Флегентовой. Кавалеришка был не из важных, но не все ли равно? Женщина может влюбиться и не в такого, как гово-

рится, «Квазиморду». Вот ты красив, а мне не нужен, а вот этот, может, и плох, а мне с ним интересно.

Конечно, обидно, что кавалер плоховат. Очень уж тихий. Бывший учитель, а теперь ходит по русским квартирам, продает чулки, пудру, всякую дрянь. Подвернется селедка, так и селедку приспособим. Называет себя «Мосье Федор», как его по батюшке — никто не знает, а так как ходит он всегда с большим узлом, то и называют его Федор Сузломович.

Вот и изволь для возбуждения ревности томного Ароматника кокетничать с Федором Сузломовичем.

— Я безумно рада, что познакомилась с вами. Какое странное совпадение. Не правда ли?

— Мэ-э... — испуганно и кротко проблеял Федор Сузломович.

Флегентова быстро скользнула глазами по Ароматнику. Ароматник притворился, что ничего не видит, и спокойно жевал хлеб с килькой.

— Ага! Не замечаешь? Ну так подожди, заметишь.

И, склонившись к Федору Сузломовичу, шепнула ему на ухо:

— Скажите, далеко ли отсюда до станции метро «Экзельманс»? Только... шепните мне на ухо. Ну!

Она подставила свою дутую стеклянную серьгу ко рту оторопевшего Федора Сузломовича, и тот дрожащими губами просипел:

— Три пе-пере-ся-сядки...

Флегентова лукаво засмеялась и ударила его кончиком салфетки по лицу.

— Противный! — сказала она кокетливо. — Как вы смеете говорить мне такие вещи? Замолчите сейчас же!

— Мэ-э-э... — заблеял растерянный учитель. — Я ничего не говорил... Я...

— Молчите, плутишка.

Быстро метнула глазом на Ароматника: не видит и жует булку. Но зато муж Флегентовой, сидящий наискосок от нее, по-видимому, напротив, — чрезвычайно заинтересовался поведением жены. Он старался поймать ее глаза и тем напомнить о своих правах мужа и ее обязанностях жены.

Но подведенные глазки Флегентовой так быстро перебежали с Ароматника на Федора Сузломовича, что перехватить их не было никакой возможности.

Тогда Флегентов бросил мысль о своих правах и обязанностях и всю душу отдал ненависти к Федору Сузломовичу.

— Совершенный барсук, — указал он на него хозяину. — Вся выправка барсучья. Удивляюсь, как его пустили во Францию.

— Эх, батенька, — отвечал Платонов, — а Софья Петровна как будто другого мнения. Вон даже щечки горят. Верно, этот франт преопасная шельма. Хе-хе-хе.

В эту минуту дверь распахнулась, и, радостно улыбаясь, распаренная мадам Куды внесла глубокую миску с блинами.

Ароматник вскочил с места, галантно предложил ей свой стул, а сам уселся на кровати, как раз за ее спиной.

Вынести это зрелище для влюбленного сердца было очень трудно. Флегентова растерялась, сбилась с роли и, чтобы снова наладиться, взвизгнула так громко, что даже сама испугалась, и, повернувшись всем телом к несчастному Федору Сузломовичу, пламенно заговорила:

— Безумно... Безумно... Безумно...

Федор Сузломович долго сидел с криво открытым ртом, с выражением ужаса на лице. Потом умоляюще обвел глазами присутствующих, словно прося у них защиты, наткнулся на злобные, упорно смотрящие на него глаза Флегентова, заморгал и застыл на месте.

А жизнь между тем текла широкой струей. Рвалась и бурлила бурным потоком. Сеня Ароматник провозгласил тост за хозяйку, мадам Куды затянула: «Кому чару пить, кому наливать», и одновременно скромный гость, которого никто даже толком по имени не знал, заглотнул кусок блина не тем горлом, захрипел и закашлял, а жена его, также безответная, стала звонко бить его по спине кулаком. Все это вместе — тост, пение, кашель и кулак — создало оживленную симфонию звуков, к которой присоединился грохот отодвигаемых стульев, так как все поднялись чокаться.

— Я ненавижу вас! — прошептала Флегентова нагнувшемуся к ней Ароматнику.

Тот кивнул головой и ответил скороговоркой:

— Значит, завтра в два у меня.

Флегентова тотчас же отвернулась и, прижавшись плечом к Федору Сузломовичу, воскликнула:

— А я пью только за вас. На всю жизнь.

Тогда Флегентов встал и мрачно сказал:

— Мы опоздаем на метро.

Все удивились.

— Почему? Как? Среди бела дня? Сейчас только пять часов, что-то вы путаете!

— Все равно, — мрачно настаивал Флегентов. — Можно и в пять опоздать. Едем, Соня!

И, не поднимая глаз, молча попрощался и увел жену.

И всю дорогу он молчал, только дома, сняв пальто, сказал веско:

— Передайте от меня вашему любовнику, что я раскрою его барсучью морду на четыре части. Слышали?

— Ко... которому? — искренне спросила Флегентова.

Но муж сразу понял, что она бесстыдно притворяется:

— Вам лучше знать, о ком я говорю.

Флегентова невинно похлопала глазами и стала размышлять.

«Я ненавижу Ароматника, но должна его предупредить, что жизни его грозит опасность. Писать об этом нельзя. Полиция может перехватить письмо. Придется ехать самой».

И на другой день, в два часа, она стучала в дверь № 15 отеля Bonjoir.

— Я ненавижу... — начала она, но он ее прервал:

— Да, я вполне понимаю. Это совершенно невыносимо — видеться на людях, когда я не могу сказать вам слова любви и безумия и должен предаваться искусственному ухаживанию за разными пошлыми женщинами для отвода глаз и вдобавок видеть, как вы себя терзаете кокетством с идиотами, тоже для отвода глаз.

— Но вы... но ты... но я... — пролепетала Флегентова. — Но мы...

И бросилась в объятия Ароматника.

Ароматник снисходительно потрепал ее по плечу.

— Сеня, дорогой! Я пришла предупредить — муж догадывается.

— Вот видишь, дорогая, — сказал Ароматник, отстраняя ее. — Надо быть вдвое осторожнее. Придется всюду появляться с этой банальной Куды. Ты, конечно, видишь сама, как я подавлен. Видаться будем только тайно во тьме кинематографа и здесь, в моей келье.

Через два дня Флегентов спросил жену:

— С кем это вы изволили сидеть вчера в кинематографе?

— Я? Ни с кем!.. То есть с этим, как его... с Катей Поповой.

— Вот как! А Березкин видел вас с каким-то господином. И я догадываюсь, что это за господин, — имейте в виду.

Через неделю, раздув ноздри, Флегентов кричал:

— Жена Березкина видела вас поздно вечером на бульваре Греннель с вашим безобразником. Вы треплете мое имя по Греннелям. Я решил положить этому конец. Передайте об этом вашему любовнику.

В тот же вечер Флегентова томно вздыхала на плече Ароматника.

— Он знает все. Он хочет убить тебя. Трагедия назрела.

Ароматник не грешил излишней храбростью и на другой же день объявил всем знакомым, что получил место в оперном оркестре города Дре. Знакомые долго удивлялись на французскую культуру: в таком крошечном городишке, и — подумайте только! — своя опера.

Печаль Флегентовой не поддавалась описанию, поэтому выходило очень бледно, когда она в тот же вечер пыталась описать ее шоферу Баслаеву.

— Вы знаете, я до сих пор не могу его забыть, — стонала она.

Баслаев утешал, как умел, до двух часов ночи.

— С кем вы прощались у подъезда?! — ревел Флегентов.

К шоферу приехала жена из России, и опустевшее место около Флегентовой заняли одновременно начинающий поэт (псевдоним Бриз-Биз) и полужанцуз мосье Журавли.

У обоих было так много недостатков, что, сложив их достоинства вместе, едва можно было получить одного сносного человека.

Поэт декламировал стихи, мосье Журавли водил в ресторанчики, а Флегентов ревновал:

— С кем изволили обедать в Chti russ? Передайте барсуку, что дни его сочтены.

Поэт показал ей из окна своей комнаты вид на Эйфелеву башню, и Флегентов выль:

— Я знаю, где вы были вчера. Конец вашему барсуку!

Федор Сузломович спускался с узлом по лестнице, когда на него налетел, хотя и снизу, но, тем не менее, коршуном, дрожащий от гнева Флегентов.

— Остановись, негодяй! — закричал он. — Похититель чужой собственности!

— Что вы говорите? — в ужасе прошептал Федор Сузломович. — Когда же я похищал? Да я у вас вооб-

ще никакого товара не забирал. Здесь недоразумение. Я вас, извините, что-то даже не узнаю...

— Не узнаете? А за блинами у Платоновых вы меня тоже не узнавали! И жену мою не узнавали! И не встречались с ней в кинематографе, очаровав своими гнусными прелестями невинную семейную женщину!

— Ради бога! — пролепетал Федор Сузломович и уронил узел. — Ради бога! Ведь она же мне сказала, что вы умерли пять лет тому назад.

— Я умер? — испугался Флегентов и даже пощупал свои бока. — Гнусная ложь! Подлые донжуанские выверты. Вы же познакомились со мной три недели тому назад. Что же я покойником был, когда блины ел? Мерз-за-вец!

— Может быть, я и мерзавец, — кротко ответил Федор Сузломович, — но когда женщина четыре года клянется вам, что она вдова, и вы четыре года состоите с ней как бы в тайном гражданском браке и водите ее по синема и дарите мягкую карамель и вообще... все безумства...

— Че-ты-ре го-да?

— Ну да, несчастный я человек. Четыре года... Но ведь я же не знал, что вы муж мадам Куды.

— Что-о! Что! Куды-туды? Ничего не понимаю.

— Успокойтесь же, мосье Куды. Ой, не падайте на мой узел — там три флакона духов, по себестоимости... Я не спорю, мосье Куды. Она ваша. Я ухожу навсегда. Я пошлю ей письмо — она поймет все.

И, действительно, она поняла все.

Журнал «Иллюстрированная Россия», Париж, 1929 г.

Дмитрий АРТИС

Дмитрий Артис (литературный псевдоним Дмитрия Краснова-Немарского) родился в 1973 году в г. Королеве Московской области. Жил в Москве. С 2012 года живет в Санкт-Петербурге.

В 1999 году окончил Российскую академию театрального искусства (продюсерский факультет), в 2011-м — Литературный институт им. Горького (семинар поэзии). По пьесам поставлены спектакли более чем в двадцати театрах России и ближнего зарубежья. Печатался в периодических изданиях: «Другие берега», «Современная поэзия», «Российский колокол», «Литературная газета» и других.

Победитель 4-го Поэтического конкурса «Открытие» (2006 г.), проводимого журналом «Российский колокол», фондом «Литературный центр Петра Проскурина», Московской городской организацией СП России и Российской национальной литературной сетью.

Дипломант Международной литературной премии им. Сергея Есенина (2010 г.) за книгу стихотворений «Мандариновый сад» (номинация «Большая премия», 2-е место).

Книги стихотворений: «Мандариновый сад» (2006), «Ко всему прочему» (2010).

*Святославу три года.
Он такой большой, что уже не любит,
когда ему делают разные замечания,
но он все еще любит сказки,
именно поэтому я их пишу.*

СКАЗКИ ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Рисунки Юлии Дудиной

Сказка

— Жила-была добрая сказка, а в доброй сказке жила-была темная берлога, а в темной берлоге жила-была рыжая белка, а в рыжей белке жила-была добрая сказка, а в доброй сказке жила-была темная берлога... — бормотал ручей, сбегаящий вниз по оврагу.

Целый день маленький Волк, положив на передние лапы печальную мордочку, лежал и слушал. Солнце уже еле-еле пробивалось сквозь густые вет-

ви засыпающего леса. Туман поднимался к макушкам деревьев и рассеивался. В небе, разукрашенном акварелью, можно было разглядеть первые звезды.

— ...а в темной берлоге жила-была рыжая белка, а в рыжей белке жила-была добрая сказка... — повторял ручей.

Маленький Волк приподнял голову и недовольно произнес:

— Эта сказка никогда не кончится.

— ...а в доброй сказке жила-была темная берлога, а в темной берлоге жила-была рыжая белка... — продолжал ручей.

— В берлоге жил медведь! Он и сейчас там живет, поэтому я к этой берлоге близко не подхожу! — зарычал Волк.

Но ручей настаивал на своем:

— ...жила-была добрая сказка, а в доброй сказке жила-была темная берлога...

— Пойду спать! Не нравится мне эта сказка, — разозлился маленький Волк, встал, отряхнулся и ушел.

Утром он опять прибежал к ручью, улыбнулся и лег рядом с ним. Сказка не кончалась.

Червяк

Жил да был Червяк, и был у червяка нос, и ничего кроме носа у Червяка не было. Начинался червяк носом и заканчивался Червяк носом. Носом Червяк ел, носом Червяк пел, даже думал Червяк носом. Обычно после дождя он выползал из-под коряги, покрывался белыми пятнами и улыбался всем своим удивительным носом.

Домики

Давным-давно это случилось. Мало кто знает, а кто знает — не вспомнит.

В некотором царстве — лесном государстве жили-были домики. Домиков было много, и звались они по-разному: Гнездо, Берлога, Дупло, Нора. Был даже такой домик, который и домиком-то не назовешь. Просто Коряга, и все. Но ведь Коряга могла быть кому-то домиком? Могла, да не появились еще на свет к тому времени разные звери, жучки-паучки, звонкие птицы. Тишина стояла в лесу. Изредка ветер тропинки приминал, по которым, кроме него, ходить было некому.

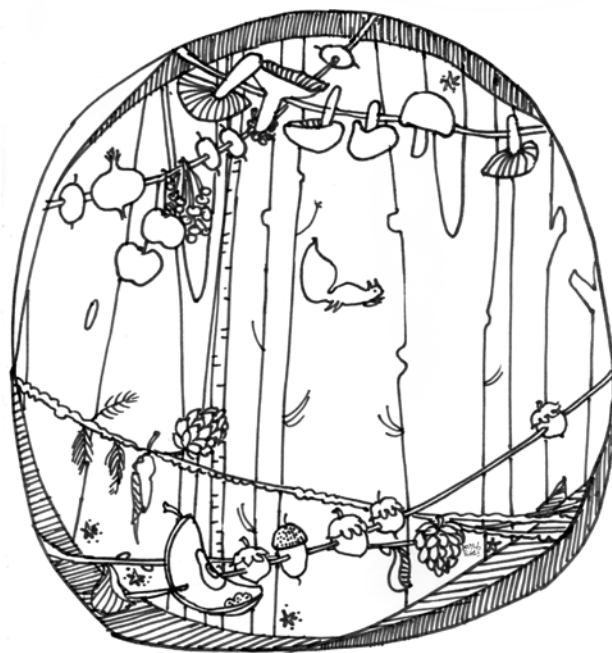
Долго думали домики, что делать. И решили загадать желания. Каждый свое. Берлога загадала медведя — и медведь появился. Гнездо загадало птицу — и птица появилась. Дупло загадало белку — и белка появилась.

Домики наперебой загадывали желания, и лес наполнялся веселым шумом.

— А я хочу загадать червяка, — неловко произнесла Коряга.

Тут же из-под нее выполз Червяк и улыбнулся. Коряга улыбнулась в ответ:

— Как хорошо, что есть желания, которые всегда исполняются.

Ежик и Белка

Жил да был Ежик, который больше всего на свете хотел быть ежиком, потому что ежиком быть хорошо. Можно свернуться в клубок и скатиться в овраг. А еще можно, не поднимая глаз, бегать вокруг дерева и не замечать того, что на небе собираются тучи. А тучи и правда собираются. Еще мгновение — и пойдет дождь, какого никто никогда не видел. Но Ежик был счастлив. Просто счастлив, вот и бегал он вокруг дерева.

На том самом дереве, вокруг которого, не поднимая глаз, бегал Ежик, жила-была Белка, которая больше всего на свете хотела быть белкой, потому что белкой быть хорошо. Она была счастлива.

Все были счастливы.

Как только первая капля дождя упала на землю, Белка улыбнулась так, как могут улыбаться только белки, и прыгнула в свой домик. Лес зашумел. Трава, будто от испуга, прижалась к земле. Ежик, улыбаясь так, как могут улыбаться только ежики, свернулся в клубок, скатился в овраг и забрался под корягу.

Осень. Время улетать в теплые края. Совсем скоро у тех, кто был счастлив, вырастут крылья.

Два сугроба

На самом краю оврага жили-были два Сугроба, как две капли воды похожие друг на друга. Оба белые, нарядные. Одно удовольствие смотреть на них.

Прямо не сугробы, а настоящие братья-близнецы. Родителей своих они толком не помнили. Знали только, что появились на свет в самом начале зимы с первым снегом. Росли вместе. Вместе любовались звездами, терпели заморозки, нежились в первых лучах зимнего утра.

С наступлением весны Сугробы растаяли, превратились в ручей, сбежали вниз по оврагу и совсем исчезли. Никто о них даже не вспоминал, будто и не было их совсем. Теперь там, на краю оврага, растут цветы. Такие разные, не похожие друг на друга цветы.

Камень

Жил да был Камень. Большой серый Камень. Он лежал на середине дороги, и звери постоянно об него спотыкались. Непонятно, как и зачем он появился. Сдвинуть с места и перенести Камень подальше в кусты никто не мог. Уж больно тяжелый был.

Побежит по дороге задумчивый волк, или заяц какой, или ежик, споткнется о Камень, упадет и заплачет. Камню было все равно. Он даже не краснел. Только лежал себе и лежал.

Звери думали, что ему внимания не хватает, а у него просто совести не было. Ни капельки.

В конце концов звери общим советом решили обходить Камень стороной. Дорога стала длиннее, но безопаснее.

Шишка

Жила-была Шишка. Сначала Шишка жила-была высоко на елке, а потом она упала и стала жить низко — у одного маленького Зайца на голове. А дело было так.

В ясный погожий день, когда бабочки порхают с цветка на цветок и птицы поют о небесной красоте леса, родилась Шишка. Мама-елка и кормила ее, и поила. Согревала в непогоду, пела перед сном колыбельные песни. Заботилась, одним словом.

Шишка росла не по дням, а по часам. Шло время. Дни становились короче, ночи — длиннее. Похолодало. Бабочки обернулись звездами и улетели на небо поближе к луне и солнцу. Птицы берегли горло и пели уже не так звонко. Лес увядал. А Шишка, напротив, цвела и хорошела. Можно было подумать, что на елке растет очаровательный ежик, а не Шишка какая-то. Стало ей одиноко. Вот и загрустила она.

Подул осенний ветер. Шишка сорвалась и свалилась на голову одному маленькому Зайцу, который без разрешения родителей пошел в лес погулять. Там она и осталась жить.

Волк и Заяц

Жили да были Волк и Заяц. Волк был самым обыкновенным волком, а Заяц был выше деревьев и мог дотянуться своими лапами до солнца. Когда наступила зима, Волку стало холодно. Он заплакал. Его слезы превращались в соленые снежинки и летели, куда ветер подует. А ветер дул в разные стороны. Вскоре весь лес покрылся солеными снежинками. Деревьям это не нравилось. Большой Заяц взял Волка и поднял высоко к солнцу. Там было очень тепло. Волк согрелся и перестал плакать.

«Если бы я был голоден, я бы его непременно покусал. Ведь он самый большой, самый вкусный. Самый-самый!» — думал Волк, засыпая на мягких заячьих лапах.

Жук-Короед и Дерево

Жил да был Жук, и звали его Короед, потому что он питался древесной корой. Аппетит у Жука-Короеда был хороший, особенно весной, когда лес, очнувшись от зимней спячки, давал первые зеленые побеги.

Каждое утро Жук подходил к первому попавшемуся Дереву, залезал на него и начинал есть. За несколько минут он съедал много-много древесной коры. Из-за этого Дерево раскачивалось на ветру.

Если бы у Дерева было, как у человека, две ноги или, как у ежика, четыре, оно бы убежало от Жука-Короеда далеко-далеко в лес и жило бы там долго и счастливо. Но у Дерева была только одна нога,

да и та вросла пальцами в землю так, что сдвинуться с места было невозможно.

«На одной ноге далеко не убежишь», — думало Дерево и с присущим ему спокойствием продолжало раскачиваться на ветру.

Медведь и Ветер

Жил да был Медведь, который всю зиму ни с кем не дружил, потому что боялся. Он лежал в берлоге и сосал свою лапу. Ему было темно и страшно.

У входа в берлогу, не смыкая глаз, сутками напролет дежурил Ветер. Ветер переживал за Медведя. Думал, что кто-нибудь случайно заглянет в берлогу и напугает косолапого.

Прошел месяц, потом другой, третий. Наступила весна. Ветер от постоянного недосыпа совсем ослаб и еле-еле держался на ногах.

Когда от лапы уже почти ничего не осталось, Медведь решил вылезти из берлоги и с кем-нибудь подружиться. Яркие лучи солнца ослепили его.

— Видишь, у меня нет лапы! — сказал Медведь.

— А я засыпаю... — сказал Ветер и прижался к мохнатой щеке Медведя.

Солнечная поляна

Где-то там, далеко-далеко в лесу, за семью оврагами жила-была Солнечная Поляна. Так далеко, что можно было идти до нее — не дойти, бежать до нее — не добежать, лететь до нее — не долететь. Такая большая и круглая Солнечная Поляна. О ней многие говорили, но никто никогда ее не видел, разве только во сне.

— Если до нее идти — не дойти, бежать — не добежать, лететь — не долететь, значит, до нее можно доползти, — зевал Червяк и переворачивался с бока на бок.

— До нее можно докатиться, — бормотал Ежик, сворачиваясь в клубок, и закрывал глаза.

— ...или допрыгать, — засыпая, шептал Заяц.

Они спали, и снилась им Солнечная Поляна.

Эхо

Жило-было Эхо, прямо не эхо, а сплошное расстройство. Скажешь ему: «А-а-а!», оно тебе ответит: «Бэ-бэ-бе!», язык покажет и убежит, куда глаза не глядят, где уши не слышат.

Это все присказка, а сказка начнется, когда Эхо вернется.

Паук

Жил да был Паук. Ног у Паука не было совсем, но зато у него было целых восемь рук. Иногда Паук махал ими так, что казалось, будто у него не восемь рук, а в два раза больше — шестнадцать.

Паук лежал на спине, смотрел на свои руки и не знал, куда их девать. И в карман не засунуть, потому что кармана нет, и выкинуть нельзя, потому что жалко. Так он лежал долгие-долгие годы, многие века и тысячелетия, пока ему не захотелось пить. Паук печально посмотрел на свои целых восемь рук и вздохнул:

— Были бы у меня вместо них ноги, я бы пошел к ручью воды напиться.

И вдруг ни с того ни с сего у Паука появилось восемь ног, а руки, наоборот, исчезли. Обрадовался Паук, вскочил на ноги и побежал к ручью напиться воды. Бежал Паук так быстро, что казалось, будто у него не восемь ног, а в два раза больше — шестнадцать.

Прибежал, напился, лег на спину и стал думать о том, куда теперь ноги девать. И в башмаки не засунуть, потому что башмаков нет, и выкинуть нельзя, потому что жалко. Так он опять пролежал долгие-долгие годы, многие века и тысячелетия, пока ему не захотелось за ухом почесать. И вдруг Паук ни с того ни с сего взял и почесал за ухом ногой.

Его счастью не было конца. Получилось так, что и ноги были на месте, и за ухом больше не чесалось.

Комар

В стародавние времена, когда лес был таким большим, что не было ему ни конца ни края, а люди ходили на четвереньках и умывались дождевой водой, жил да был Комар, и были у Комара сафьяновые сапоги, каких ни у кого не было. Он летал по лесу туда-сюда, важничал и считал себя хозяином, дескать, если сафьяновые сапоги есть только у меня, значит я самый главный. Ладно бы просто важничал, но ведь он отрастил себе длинный хобот и все время норовил задеть им кого-нибудь. Подлетит поближе, ударит хоботом по спине и пищит, довольный. Спасу от Комара не было никакого. Тогда люди решили провести водопровод и ходить на двух ногах, а руками от надоедливого Комара отмахиваться. Теперь все в лесу знают: у кого есть водопровод, тот самый главный. Говорят, что с тех самых пор Комар перестал носить сафьяновые сапоги, потому что пользы от них никакой не было.

Хитрый Хвост

Жил да был хитрый Хвост рыжего цвета. Постоянного хозяина у Хвоста не было, поэтому он ко всем цеплялся. Прицепится к зайцу и бегаёт за ним всюду. Заяц из-за этого становился сам не свой. Его нос покрывался веснушками, а глаза при виде всякой чужой вкусности разбегались в разные стороны так быстро, что поймать их не представлялось возможным до тех пор, пока он как-нибудь не исхитрился и не съедал эту всякую чужую вкусность. Хитрый Хвост радовался, а зайцу было стыдно.

К кому только не цеплялся Хвост! И к медведю, и к ежику, и к червяку. Даже легкокрылого мотылька не обошел стороной. Цеплялся так сильно, что мотыльку пришлось сгореть от стыда, лишь бы только Хвост оставил его.

Что знаю, то и рассказываю.

Сейчас хитрый Хвост бегаёт за лисой и не даёт ей никакого покоя. Все-все-все, от мала до велика, волнуются за лису, но поделаться ничего не могут. А еще знаю, что заяц при виде всякой чужой вкусности оглядывается, чтобы посмотреть, не прицепился ли снова к нему этот самый хитрый рыжий Хвост.

Трутень

Жил да был Трутень. Трутень — это такая пчела, которая целыми днями с утра до вечера только и делает, что трет свою тень. Все пчелы как пчелы, работают, мед собирают, а Трутень...

— Чем занимаешься, Трутень? — спрашивали у него.

— Тру свою тень.

— А зачем?

— Она мне работать мешает.

К вечеру тень сама собой исчезала. С чувством выполненного долга Трутень ложился спать.

Гусеница

Жила-была Гусеница красоты неопишуемой. Кожа нежная с цветными пятнышками, будто сама радуга лучилась из нее и переливалась на солнце. Гусеница мечтала скорее превратиться в бабочку. Она с нетерпением ждала этого волшебного события и делала все, что положено делать гусенице: следила за собой, хорошо питалась, умывалась утренней росой, была трудолюбивой и доброй. Из небольших листочков Гусеница сплела себе теплый домик, обмотала его шелковой паутинкой и...

...превращение началось! Вот она уже чувствует, что сначала вытянулись, а потом окрепли ее тонкие лапки, выросли крылья. Еще одно усилие — и весь

мир увидит, как она счастлива. Гусеница потихоньку выбралась из своего домика, расправила крылья, набрала в рот побольше воздуха, прыгнула вверх, замахала крыльями и полетела.

— Я бабочка! Я самая настоящая бабочка! Посмотрите на меня, я летаю! — закричала Гусеница на всю солнечную поляну. Вскоре к ней присоединилось много-много таких же красивых и очаровательных гусениц, которые только-только превратились в бабочек. Все вместе они представляли собой мозаику сбывшейся мечты.

К вечеру Гусеница устала, присела на цветок, спрятавшийся от лунного света, и представила себе, что превратилась в бабочку, которая мечтает стать гусеницей для того, чтобы потом опять превратиться в бабочку.

Орешник

Кому — ворон ловить, кому — сорок считать, а мне — сказку сказывать.

Жил да был Орешник. Сам ростом не велик, но большой-пребольшой поэт. Он любил слагать стихи. Нет, не так. Он их не слагал. Стихи сами приходили к нему с неба подобно каплям дождя. Чаще всего вечером или совсем поздно ночью. Утром хотелось спать, поэтому стихи никак не шли. Но Орешник по этому поводу не переживал. «Всему свое время», — говорил он, потягиваясь в белой постельке тумана.

Кто — ворон ловил, кто — сорок считал, а я, сказку сказывая, засыпал.

Поганка

Жила-была бледная Поганка. Такая бледная, что всем становилось страшно только от одного ее плакучего вида. Ножка тонкая, чуть ли не прозрачная, юбочка маленькая, а голова, наоборот, большая и вся в слезах.

Поганка плакала по любому поводу.

Выглянет из-за облака солнце — она заплачет, зальется горячими слезами, мол, солнце выглянуло последний раз, попрощаться, скоро уйдет оно по своим делам и больше никогда не вернется. Ясное дело, солнцу нужно было везде успеть: и там посветить, и там, всех согреть, приободрить, добрым взглядом приласкать, поэтому оно действительно уходило, но через какое-то время обязательно возвращалось.

Но бледная Поганка не успокаивалась и по-прежнему плакала.

Я в лесу гулял, Поганку увидел, ничем не обидел, поправил капюшон и дальше пошел.

Одна на всех

В лютую пору морозного холода, когда правили лесом вьюги да метели, жили-были улыбки, и все они были на разных языках. Медвежья улыбка была на большом и застенчивом языке медведя. Она улыбалась по-медвежьи. У зайца была заячья улыбка на языке зайца и улыбалась она по-заячьи. У волка тоже была, хоть и страшнющая, но своя, волчья улыбка на своем волчьем языке. И никто не мог ими делиться. Медведь не понимал зайца. Заяц не понимал волка. Волк — медведя.

Белка, поскольку была самой беспокойной, с высоты своего домика с тревогой и грустью наблюдала за жителями леса. «Хорошо бы иметь такую-претающую улыбку, которая была бы одной на всех», — так она думала-думала и кое-что надумала.

«Для начала я найду общий язык, — решила Белка, — и тогда общая улыбка сама собой появится». Она прыгнула с одного дерева на другое, потом на третье, четвертое, пятое, заглянула под всякую веточку, но общего языка нигде не было. Вконец уставшая и обессиленная Белка вернулась к своему домику.

В горьких раздумьях провела Белка всю зиму. Весна потихоньку входила в свои права. Ее спокойную поступь разносил по лесу легкий ветерок. Весна, весна! Лесные жители выходили на улицу и приветствовали ее. Каждый своей, но какой-то особенной, весенней улыбкой.

Белка выглянула из дупла и удивилась. Неожиданно для себя она вдруг начала понимать то, о чем поют птицы, пролетая мимо нее. Посмотрела на радостного зайца, который, как очумевший, прыгал вокруг смеющегося ежика, и поняла его, и, так же как он, широко, по-весеннему улыбнулась.

Всем на прощание по-весеннему улыбнулся морозный холод. Теперь Белка знала, что даже если он опять вернется, то ей совсем не будет грустно. Ведь у них появился общий язык — язык весны и одна на всех весенняя улыбка.

Сорока (колыбельная)

*Всерьез ли, в шутку, ложимся спать сию минутку.
Перед сном я расскажу тебе сказку.*

Жила-была Сорока, и не было от Сороки никакого прока. Утром она любовалась своим отражением в капельках росы, днем прогуливалась у ручья, чистила перышки. Ближе к вечеру садилась на самое высокое дерево и ждала появления луны. Она ведь думала, что луна — это обычное зеркальце.

Темнело. Казалось, будто небо опускается ниже, облака расступаются. Одна за другой вспыхивали

звезды. Сорока от нетерпения была кончиком хвоста по макушке дерева и чуть слышно стрекотала. Появлялась луна.

— Миленькое зеркальце, иди ко мне, позволь посмотреться в тебя! — просила Сорока.

Луна покачивала головой и молчала в ответ.

Всерьез ли, в шутку, но погоди минутку. Хочу сказать: чтобы дальше слушать, закрой глаза да открой уши.

— Миленькое зеркальце, — кокетливо переминаясь с ноги на ногу, продолжала Сорока, — миленькое-премиленное! Грудь у меня белая, спина загорелая, перышко к перышку. Ах, как хочется еще разочек посмотреть на себя и красоту свою.

Луна покачивала головой и молчала в ответ.

Всерьез ли, в шутку, но погоди минутку. Хочу сказать: чтобы дальше слушать, закрой глаза еще лучше.

— Миленькое-премиленное, — никак не могла успокоиться Сорока, — ну нельзя же быть такой врединой! Мои крылышки идут клинышком, мой клюв слаще клюквы, а хвостик — что через речку мостик. Позволь же мне полюбоваться собой.

А луна покачивала и покачивала головой.

Всерьез ли, в шутку, мы спим уже минутку. Завтра утром проснемся и скажем Сороке, что луна — такое зеркальце, в котором только солнце отражается.

Подорожник

Жил да был Подорожник, и, несмотря на то, что рос Подорожник вдоль дороги на обочине, к нему все обращались с уважением и называли его не иначе как доктор Подорожник. Вот и медведь пришел к нему подлечить свою лапу.

— Я всю зиму лежал в берлоге, ни с кем не дружил, — сказал медведь доктору Подорожнику, — мне было темно и страшно, поэтому я лапу сосал, и от нее почти ничего не осталось.

— Хорошо-с, деточка, — по-доброму засмеялся доктор Подорожник и наложил свои листики на медвежье плечо.

У медведя сразу же выросла новая лапа. Не простая, а вся из меда. Медведь обрадовался и пошел к пчелам хвастаться ею.

Воздух

Жил да был добрый лесной дух по имени Воз. Иначе говоря, Воздух. Он был прозрачным, поэтому его никто не видел, но все знали, что он есть. В трудную минуту на него можно было положиться или схватиться за него — не подводил. Больше всего на свете добрый дух любил щекотаться, особенно когда забирался кому-нибудь в нос.

Однажды Ежик, как обычно, думая о том, что хорошо быть ежиком, гулял по лесу. Он был увлечен своими мыслями и не заметил ямы, которая неожиданно выросла под его лапками, и свалился в нее.

Ежик поднял глаза и увидел бегущие по небу облака. Страх на какое-то время сковал его. Невозможно было пошевелиться. Прошло несколько минут. Ежик успокоился, собрался с силами и подпрыгнул, пытаясь зацепиться за краешек ямы. Сначала он подпрыгнул на одной лапке, потом на двух, потом на всех четырех, но ничего не получалось. Яма была слишком глубокой. Тогда Ежик позвал на помощь доброго лесного духа. Воздух сразу же пришел, забрался Ежику в нос и начал щекотать.

— Мне сейчас не до смеха! — еле сдерживаясь, чтобы не чихнуть, закричал Ежик. Но Воздух продолжал настойчиво щекотать. В конце концов Ежик все-таки чихнул, да так громко, что яма осыпалась и стала ниже ростом. Теперь, если поднять глаза, можно было увидеть орешник, растущий недалеко, или сороку, которая по своему обыкновению прогуливалась у ручья. Ежик зацепился передними лапками за краешек ямы, чуть подтянулся и выбрался из нее.

Земляника

Жила-была Земляника, и было ее мало.

Паук лежал на спине, без усталости дрыгал ногами и чувствовал единение с природой. Гусеница радовалась жизни. Поганка, глядя на нее, плакала. Хулиганское эхо летало над солнечной поляной. А Земляника росла и множилась.

Летний ветерок ласково трепал медведя за ухо. Орешник вынашивал в уме идею нового стихотворения, которое он собирался написать поздно вечером. Заяц прикладывал к шишке подорожник. Добрый лесной дух по имени Воз был рядом. А Земляника росла и множилась.

Камень скучал, маленький волк слушал бормотание ручья, червяк улыбался, сорока чистила перышки. Белка с нежностью смотрела на ежика. Ежик бегал вокруг дерева, не поднимая глаз. А Земляника все росла и множилась.

Жук-короед спорил с комаром о смысле жизни. Трутень из последних сил тер свою тень. Хитрый хвост гонялся за лисой. А Земляника все росла и росла, множилась и множилась. Скоро ее будет так много, что всем-всем-всем хватит.

Вторая часть

1.

Его нигде не было. Еще вчера вечером он пробежал мимо дороги, огибал камень и спускался в овраг. А сегодня утром его уже никто не видел. Никто-никто. Ручей исчез.

Маленькому Волку снился страшный сон, и, проснувшись, он пошел к ручью, чтобы немного успокоиться. Бормотание ручья всегда помогало. Погода стояла чудесная. Лето было в самом разгаре, и ничто не предвещало беды. Так вот, маленький Волк пришел к оврагу, лег на свое любимое место, закрыл глаза и приготовился слушать. Где-то далеко раздавалось кукование кукушки, фыркал ежик. Бормотание ручья не было слышно.

— От страшного сна уши заложило, — громко подумал маленький Волк.

Кукушка куковала, ежик фыркал, а ручей... Маленький Волк открыл глаза, огляделся. Ручья нигде не было. Он исчез.

— Что за дела? — еще громче подумал маленький Волк. — Скорее всего, я сплю, и снится мне все тот же страшный сон, который снился мне до того, как я

проснулся, чтобы пойти к ручью! Какой же я все-таки несмышленный!

Маленький Волк рассмеялся над собственной лопоухостью и начал думать о том, как поскорее разбудить себя, чтобы наконец-таки проснуться и послушать бормотание ручья.

— Надо покусать себя за бок, тогда мне будет больно, и я сразу проснусь.

Первое, что пришло ему в голову, то и было сделано.

— Ой-ой-ой! — От невыносимой боли глаза маленького Волка подпрыгнули, увеличившись в несколько раз. Вместе с глазами подпрыгнул и сам маленький Волк. А когда приземлился, то не удержался, оступился и с шумом покатился в овраг. На этот шум откуда ни возьмись появился Червяк.

Маленький Волк уже несколько раз скатывался на дно оврага, поэтому ничего страшного не произошло. Края оврага были пологие. Он мог без посторонней помощи забраться наверх, но маленький Волк не спешил. Нужно было выяснить, куда исчез ручей. Это было крайне необходимо, особенно те-

перь, когда ему пришлось покусать себя. Он, осторожно пригнувшись, прошелся по оврагу. Его уши ловили малейшее движение ветра. Взгляд скользнул по пологому спуску и остановился на Червяке.

2.

В медвежьей берлоге был полнейший беспорядок, но Медведя там не было, потому что он проснулся и, не заправив свою кровать, пошел играть с пчелами в догонялки. Пришел к ним и сказал:

— Поиграйте со мной в догонялки.

Пчелы ответили:

— Нам некогда. У нас много работы. Мы еще не весь мед собрали.

Тогда Медведь показал им свою лапу:

— Посмотрите, у меня есть лапа. Не простая лапа, а вся из меда.

Удивились пчелы и закричали:

— Подари нам свою лапу!

А Медведь:

— Догоните сначала, — сказал и быстро-быстро побежал. А пчелы быстро-быстро полетели за ним.

Когда Медведь устал и сел на попу, чтобы отдохнуть, пчелы окружили его со всех сторон и зажужжали наперебой:

— Подари нам, пожжужжалуйста, свою лапу!

— Извините, но не могу, — извинился Медведь, — она у меня единственная такая. До свидания. Мне пора идти домой. Я забыл кровать заправить.

— Ну пожжужжалуйста! Ты ведь обещал нам, — обиделись пчелы.

— Хорошо. Возьмите. Только не всю, а маленький кусочек.

Медведь отломал кусочек от своей лапы, отдал его пчелам и пошел домой.

3.

— Ты не видел, куда побежал ручей? — спросил у Червяка маленький Волк.

Червяк улыбнулся:

— Нет.

— Почему ты улыбаешься? Такое несчастье произошло. Ручей исчез. А вдруг он побежал в самую чашу леса, заблудился и теперь не может найти дорогу назад?

— Я всегда улыбаюсь, — ответил Червяк.

Маленький Волк с подозрением посмотрел на Червяка:

— Одно из двух: либо ты смеешься надо мной, либо знаешь, куда побежал ручей.

— Я не смеюсь над тобой.

— Значит, знаешь, но из вредности мне ничего не говоришь? Отвечай сейчас же: куда побежал ручей?

Маленький Волк чуть приподнялся на задних лапах и устрашающе зарычал. Червяк, нисколько не испугавшись, продолжал улыбаться.

Волк рычал, Червяк улыбался. Волк рычал страшно, Червяк улыбался широко. И так могло бы продолжаться до бесконечности, если бы они не услышали откуда-то сверху удивленное стрекотание Сороки:

— Где ручей? Ручей, ручей? Где ручей?

— Ручей исчез! И только Червяк знает, куда исчез ручей, — закричал Сороке маленький Волк, искоса поглядывая на Червяка.

4.

По пути к дому встретил Медведь Лису и поздоровался. Лиса была не одна. За ней волочился хитрый хвост, поэтому она внимательно оглядела новую медвежью лапу и только потом кивнула в ответ.

— Какая у тебя красивая и большая лапа, — сказала она.

— Да, — согласился Медведь, — вся из меда. Хочешь немного подержаться?

Медведь протянул ей свою лапу. Лиса вцепилась в нее зубами. Хитрый хвост завилял от радости.

— Мне так больно, — пробубнил Медведь и убрал свою лапу за спину.

— А у меня есть хитрый хвост, давай меняться. Ты мне дашь медовую лапу, а я тебе — хитрый хвост.

— А какого он у тебя цвета?

— Рыжий! Вот, посмотри. — Хвост завилял пуще прежнего и распушился. — Очень даже рыжий.

— Нет, не годится. У меня шуба бурая. Рыжий хвост к ней никак не подойдет.

Лиса заплакала. Медведь пожалел ее и погладил по голове:

— Хорошо. Возьми. Только не всю, а маленький кусочек.

Медведь отломал еще один кусочек от своей лапы, отдал его Лисе и пошел дальше.

5.

Недаром говорят: что Сороке известно, то все в лесу знают. Для начала она почистила перышки, расправила хвостик, сделала шаг, другой и, придав своим глазам горестное выражение, взлетела на ветку, которая находилась прямо напротив домика беспокойной Белки. Сорока обхватила голову крыльями и зарыдала:

— Что я скажу-скажу тебе, соседка, да скажу я страшно печальную тайну, о которой мне ведомо, по секрету скажу!

— По секрету скажу-у-у-у... — подхватило Эхо.

Белка даже не выглянула, потому что не любила чужие тайны, тем более страшно печальные. Тогда Сорока подошла ближе и снова зарыдала:

— О горе нам! Нет больше в лесу ручья! Ни воды напиться, ни полюбоваться собой мы не сможем, потому что исчез ручей!

— ...чей, чей, чей... — передразнило сорочий плачь Эхо.

— Мой, мой, мой! — теперь уже Сорока передразнила Эхо.

— Как исчез?

Белка выпрыгнула из дупла и пристроилась рядом:

— Рассказывай.

— Прилетела я к ручью перышки с утра почистить, глядь, а ручья нет, — тут же затараторила Сорока. — Заглянула в овраг, а там, не поверишь, Червяк лежит. Я ему говорю: отдай ручей, Волка позову, и он тебя за нос укусит. А Червяк молчит и надо мной насмехается. Позвала я Волка. Волк пришел, зарычал, а Червяку хоть бы что. Вот, ну, я сразу к тебе. Надо ведь что-то делать.

Белка засомневалась в правдивости этого рассказа. Она никак не ожидала подобного поступка от Червяка. Но когда посмотрела вниз и не увидела ручья, поверила.

— До свидания, соседка, — с важным видом закончила Сорока, — мне надо еще к медведю заскочить, зайца проведать, лисе кое-что рассказать, сама знаешь что. Постараюсь до вечера всех облететь. Даже представить себе не могу, что теперь со всеми нами будет.

Сорока еще раз посмотрела на Белку, вздохнула и улетела, оставив ее в глубоких, но беспокойных размышлениях.

6.

Хуже всего пришлось Пауку. Как только он узнал от Сороки об исчезновении ручья, с ним начали происходить непонятные вещи: голова провалилась глубоко в грудь, и уже невозможно было понять, есть ли она вообще; уши, за которыми еще недавно Паук чесал-почесывал ногами, ушли в пятки, а глаза вылезли на лоб.

Несмотря на то, что Паук сам по себе был хоть и ленивым, но очень добрым существом, его новый облик ничего кроме смеха не вызывал. Надо обладать исключительной деликатностью Ежика, чтобы,

заметив огромное головогрудое насекомое с ушастыми ногами, не рассмеяться.

Но, между делом скажу, только теперь Паук стал похож на настоящего паука.

— Уж больно ты похож на паука, — сказал Ежик Пауку.

— А ты на ежика, — ответил Паук Ежику.

Так они подружились и стали вместе думать, как у Червяка ручей отобрать. Мимо них шел Медведь. Увидел Медведь, что Паук с Ежиком думают, и воскликнул:

— Какие молодцы!

— Была бы у нас такая лапа, как у тебя, нам бы вкуснее думалось, — хором ответили ему.

— Хорошо, возьмите мою лапу, только не всю, а два маленьких кусочка.

Медведь отломал еще два кусочка от своей лапы. Один кусочек дал Пауку, второй кусочек — Ежику и пошел дальше.

7.

Никто бы никогда не подумал, что в исчезновении ручья виновата бледная Поганка, потому что бледная Поганка не умела улыбаться и постоянно плакала. Надо было видеть, как она изошла слезами, узнав о том, что случилось в лесу. Впрочем, бледная Поганка не могла быть виноватой, и Червяк — не мог. Но об этом пока еще никто не знал.

Червяк нехотая улыбнулся, но он улыбнулся не потому, что хотел посмеяться над маленьким Волком. Червяк по-другому не умел смотреть на окружающий его мир, а маленький Волк был слишком впечатлительным волком и принял улыбку Червяка за насмешку.

А вот бледной Поганке было все равно, есть в лесу ручей или нет в лесу ручья. Появился повод поплакать, и она его не упустила.

8.

У Белки началась паника. Паника — это такое чувство, когда не можешь найти себе места и очень сильно переживаешь.

Белка много-много раз спрыгивала с дерева на землю, а потом опять забиралась на дерево. Со стороны могло показаться, что Белка бежит внутри какого-то невидимого колеса. Ее не оставляла фраза, сказанная Сорокой: «Надо что-то делать».

«Надо что-то делать, надо что-то делать, надо что-то делать», — повторяла она. Что именно делать, Белка не знала, но надеялась, что узнает, если будет долго-долго бегать внутри этого невидимого колеса.

Дерево наблюдало за Белкой и раскачивалось на ветру.

9.

А тем временем в овраге происходило следующее.

Маленькому Волку надоело рычать, и он решил еще один разочек спросить у Червяка:

— Ты честно не знаешь, куда побежал ручей?

— Честно, — ответил Червяк.

Маленький Волк немного подумал и снова решил еще один разочек спросить:

— Честно-пречестно?

— Честно-пречестно!

И еще один-один разочек:

— Честно-пречестно-пречестно-пречестно?

— Да, да, да, да, да, да, да!

— Какой же я все-таки несмышленный! Ну почему же я сразу не догадался, что ты говоришь правду? — обиделся сам на себя маленький Волк.

— погоди, — не переставая улыбаться, сказал Червяк, — мы ведь не знаем, куда побежал ручей. Давай искать его вместе.

— Давай, — радостно согласился маленький Волк, — вместе веселее!

10.

Орешник сочинил стихотворение и прочитал его Гусенице:

Исчез ручей

В пучине дней.

Стихотворение потрясло Гусеницу до глубины души. Она от восхищения забыла, что уже давно превратилась в бабочку, поэтому перестала махать крыльями и рухнула в траву. Орешнику понравилось, что Гусеница осталась довольна его творчеством.

— Я не знаю, что такое «пучина», — после того, как пришла в себя, неуверенно произнесла Гусеница.

Орешник ей объяснил:

— Я тоже не знаю, что такое «пучина». Мне кажется, это что-то страшное. Такое страшное и выпуклое. Еще мне кажется, что пучина пенится, подобно облаку перед грозой.

Гусеница посмотрела на небо. На небе не было ни единого облака.

— Самое главное для стихотворения — глубокий смысл, до которого трудно докопаться, — добавил Орешник.

Гусеница согласилась.

— Я поняла! Если долго копать, то до него можно докопаться, — воскликнула она и полетела к оврагу.

11.

Маленький Волк и Червяк искали ручей вместе. Они обследовали вдоль и поперек весь овраг. Чуть было не загрустили. Комар предлагал им провести водопровод, мол, с водопроводом как-нибудь проживем. Уж больно хотел Комар на человека походить. Но маленькому Волку такая идея не нравилась. Ни один водопровод не смог бы рассказать сказку лесного ручья.

Прилетела Гусеница и прочитала стихотворение, которое сочинил Орешник.

— Красивое стихотворение, но я не понимаю, о чем оно, — так сказал маленький Волк.

— И я, — добавил Червяк.

— Надо долго копать, — пояснила Гусеница и улетела.

Маленький Волк и Червяк переглянулись и в один голос закричали:

— Точно! Ручей мог провалиться! Надо его искать под землей!

Поскольку Червяк был самым лучшим копатель, он взял на себя эту нелегкую работу. Маленький Волк попросил Червяка беречь себя. Червяк торжественно пообещал и скрылся под землей.

Маленький Волк остался ждать Червяка. Чтобы не тратить время зря, он решил немного подремать и устроил себе тихий час.

12.

Самое удивительное находится где-то между сном и явью, между явью и сном: когда вроде бы еще не заснул, но уже видишь сон; когда вроде бы уже проснулся, но сон все еще видишь.

13.

С кем встречался Медведь, с тем и делился своей лапой. Никого в обиду не оставил. Но когда он добрался до своей берлоги, то с горечью обратил внимание на то, что от нее уже почти ничего не осталось. Идти к доктору Подорожнику за новой лапой было неудобно, поэтому Медведь залез в берлогу и начал расстраиваться. Он чуть-чуть позлился на себя, на пчел и Лису, но больше всего он злился на Червяка, потому что огромную часть лапы пришлось отдать Белке, чтобы та хоть немного успокоилась и не изводила себя из-за того, что какому-то Червяку вздумалось утащить из леса ручей. Белка была благодарна Медведю, но от этого лапа назад не вырастала.

14.

Тяжелее всего научить героев сказки улыбаться в те моменты, когда с ними происходят какие-нибудь трагические события. Например, такие.

Гуляли два зайца. Один заяц был большим, другой заяц был маленьким. Большой Заяц обладал недюжинной силой, маленький тоже обладал, но не такой. Несмотря на это, большой Заяц во всем слушался маленького, потому что любил его больше всех на свете. Скажет маленький Заяц: «Понеси меня на лапках», и большой Заяц понесет его. Так они гуляли, гуляли, быстро ли, медленно, долго ли, коротко, пока не увидели серый камень.

— Я хочу посидеть, — сказал большой Заяц.

— А я хочу погулять, — возразил маленький Заяц, и они пошли дальше гулять.

Солнце всходило и заходило, всходило и заходило, а зайцы все гуляли и гуляли, гуляли и гуляли, пока не увидели землянику.

— Я хочу поесть, — сказал большой Заяц.

— А я хочу погулять, — возразил маленький Заяц, и они пошли дальше гулять.

Лето закончилось, наступила осень, потом осень закончилась и наступила зима. Дул сильный ветер, а зайцы гуляли. Вскоре зима закончилась. Наступила весна. В след за ней — лето, но зайцы не останавливались, гуляли и гуляли, пока не увидели ручей:

— Я хочу попить, — сказал большой Заяц.

— А я хочу погулять, — возразил маленький Заяц, и они пошли дальше гулять.

Прошло сто лет, потом двести, триста. Минуло тысячелетие. Завершилась одна эпоха, другая, а зайцы все гуляли и гуляли, гуляли и гуляли, гуляли и гуляли, пока большой Заяц не упал на землю и не сказал:

— Все. Я умер.

Испугался за большого Зайца маленький Заяц, потому что любил его больше всех на свете:

— Нельзя лежать на земле, можно простудиться. Вставай скорее!

Но большой Заяц молчал. И закрылись его глаза, и рот его открылся.

15.

Червяк все глубже и глубже уходил под землю. Вот уже остались у него позади корни лесных цветов, деревьев. Земля, поначалу казавшаяся рыхлой и мягкой, тяжело поддавалась. Но Червяк старался изо всех сил, ему хотелось, чтобы в лесу был ручей, поэтому он копал землю, искал его, не жалея себя и своего улыбочивого носа. От усталости сводило мышцы, воздуха не хватало.

В какой-то момент Червяк остановился. А если он копает куда-то не туда? А если он заблудился под землей и уже не сможет никогда выбраться наружу? Совсем запутался, где верх, где низ, где право, где лево. Червяк перевел дыхание и продолжил. Копать стало проще. Совсем просто. Появилось больше воздуха. «Откуда? Почему?» — недоумевал Червяк, но копать продолжал.

На пути попался маленький камешек. Червяк поднатужился и толкнул его. Камешек легко поддался и откатился в сторону. Червяка охватила оторопь. Он огляделся и увидел, что находится в большом домике, в углу которого стоит кровать, а на ней кто-то лежит и горько вздыхает.

Червяк улыбнулся и еле слышно пропищал:

— Кто здесь? Где я?

— Здесь — Медведь. Это моя берлога. А ты кто? — услышал он.

— Червяк, — сразу ответил Червяк. — А почему ты, Медведь, горько вздыхаешь?

16.

Решил маленький Заяц принести большому Зайцу камень, чтобы тот немного посидел, отдохнул. Побежал искать. Весь лес obeжал и, конечно же, нашел. Принес камень большому Зайцу и говорит:

— Посиди, пожалуйста, отдохни.

Большой Заяц лежал и даже не шевелился. Тогда маленький Заяц поднял большого Зайца и посадил его сам. Теперь большой Заяц уже сидел, но по-прежнему не шевелился. И глаза его были закрыты, и рот его был открыт.

17.

Медведь рассказал Червяку историю о том, что была у него, дескать, медовая лапа, а теперь ее нет, и в том, что ее нет, виноват Червяк. Червяк извинился и жутко покраснел. Медведь поблагодарил Червяка за извинения, но вздыхать не перестал. Червяк подполз ближе к Медведю и рассказал свою историю. Он рассказал о том, что на самом деле не брал никакого ручья, просто произошло некоторое недоразумение, и что Медведь зря на него дуется. А еще он добавил, что Медведь — самый замечательный медведь в мире, потому что не пожалел ради спокойствия леса собственной лапы. Медведь в свою очередь тоже извинился перед Червяком и так же жутко покраснел.

— Хочешь, я буду твоей лапой? — неожиданно для самого себя спросил Червяк.

— Хочу! — неожиданно для самого себя ответил Медведь.

И произошло чудо чудесное: Червяк превратился в самую настоящую медвежью лапу и стал одним целым с Медведем.

Медведь обрадовался и пошел по лесу вприпрыжку, напевая о том, что Червяк — самый замечательный червяк в мире!

Сороке понравилась песенка Медведя. Она сразу же подхватила ее. Не прошло и часа, как весь лес уже напевал:

Наш Червяк — самый замечательный червяк в мире!

На небе появилась крохотная тучка.

18.

Решил маленький Заяц принести большому Зайцу земляники, чтобы тот немного поел, подкрепился. Побежал искать. Весь лес обежал и, конечно же, нашел. Принес он землянику большому Зайцу и говорит:

— Поешь, пожалуйста, подкрепишься.

Но большой Заяц молчал. Глаза его были закрыты, а рот его был открыт. Тогда маленький Заяц положил землянику в рот большому Зайцу сам. Теперь большой Заяц сидел на сером камне с земляникой во рту, но по-прежнему не шевелился.

19.

Капелька дождя упала Ежику на кончик носа. Он попрощался с Пауком и побежал к оврагу, а там свернулся в клубок, скатился вниз и забрался под корягу. Еще несколько капель попало прямо на паутину, которую сплел Паук и натянул между травинками. Эти капли напоминали жемчужины.

20.

Маленький Волк, грустный от того, что ему больше никогда не услышать бормотания ручья, начал собираться домой. В овраге было скучно, да и погода совсем разлаживалась.

— Лучше бы Червяк превратился в ручей, — высказался маленький Волк, услышав медвежью песню, и в несколько прыжков забрался наверх.

Дождь набирал силу. Трава под напором капель стелилась по земле. Маленький Волк уходил от оврага все дальше и дальше. Вдруг порывистый ветер донес до него знакомые слова:

— Жила-была добрая сказка, а в доброй сказке жила-была темная берлога, а в темной берлоге жила-была рыжая белка, а в рыжей белке жила-была

добрая сказка, а в доброй сказке жила-была темная берлога...

Маленький Волк оглянулся. «Видимо, почудилось», — подумал он и снова услышал:

— ...а в темной берлоге жила-была рыжая белка, а в рыжей белке жила-была добрая сказка...

Сомнений не осталось. Это был он — ручей!

21.

Дождь быстро закончился. На небе появилась радуга. Маленький Волк прыгал по ручью. Брызги разлетались в разные стороны. На его мордочке была широченная улыбка.

— Где же ты был?

— Превращался в облако и летал по всему небу. Из облака превращался в тучу. Из тучи превращался в дождь. Из дождя превращался в самого себя. И вот я снова пробегаю мимо дороги, огибаю камень и спускаюсь в овраг, — ответил ему ручей.

22.

Лес напоминал огромный симфонический оркестр. Отовсюду слышались музыка и пение. Медведь, долго думая, забрался на радугу, поудобнее уселся там и, размахивая лапами, изображал из себя великого дирижера.

23.

Решил маленький Заяц принести большому Зайцу воды, чтобы тот немного попил, утолил жажду. Побежал искать ручей. Весь лес обежал и, конечно же, нашел. Принес он воды большому Зайцу и говорит:

— Попей, пожалуйста, утоли жажду.

Но большой Заяц молчал. Тогда маленький Заяц налил ему в рот воды сам и...

...глаза большого Зайца открылись, и рот большого Зайца закрылся, и весь он радостно зашевелился, встал, взял маленького Зайца за лапу, и пошли они вместе снова гулять.

24.

Из-под коряги выполз Червяк, покрылся белыми пятнами и улыбнулся всем своим удивительным носом. Ежик посмотрел сначала на него, потом на дирижирующего Медведя и фыркнул от удивления. И все лапы у Медведя были на месте, и Червяк был жив-здоров.

Сказка никогда не кончалась.

«Юность» открывает новую рубрику — «100 книг, которые потрясли мир». Не только потому, что сейчас идут споры вокруг предложения Владимира Путина о списке 100 книг, которые должен прочитать каждый выпускник школы. Не только потому, чтобы выявить свои вкусы или чье-то безвкусие. И не потому, что в мире существует всего 100 книг, которые почитать еще как стоит. Конечно, их гораздо, гораздо больше. Но на эту сотню книг обратить внимание стоит — чтобы отблагодарить и время, и планету, которые породили великих писателей.

Уважаемые читатели! Редакция предлагает всем вместе составить список 100 книг, которые потрясли мир и которые необходимо прочитать каждому выпускнику. Ждем ваших писем.

Елена САЗАНОВИЧ

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008–2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк).

Наряду с другими известными писателями и деятелями культуры в 2006 и 2007 годах была представлена в альбоме-ежегоднике «Женщины Москвы».

Д. Д. СЭЛИНДЖЕР. НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ

Еще три года назад он был жив. Живой классик. Джером Дэвид Сэлинджер. Три года назад он умер. Впрочем, классики не умирают... Его жизнь на этой земле была долгой, если вообще жизнь можно назвать долгой. Он был типичным представителем своего поколения. Растерянного, потерянного, не верящего ни в бога, ни в черта. С богом и чертом в душе. Он участвовал в открытии второго фронта в Европе, освобождении Парижа, видел Хемингуэя и гибель сотен своих товарищей. Война, кровь, война. Он не хотел это вспоминать. Не хотел рассказывать. Ни в жизни, ни в творчестве. Он ненавидел нацизм. И, как многие, надеялся, что вот после войны... как хорошо! будет мир!.. Страшная война закончилась. Мир наступил. Но принес только разочарование.

Что ж, если полное разочарование — иного выхода нет. Только стать поэтом, музыкантом, художником. Сэлинджер стал писателем... И счастья

Сэлинджер не узнал. И написал свой лучший — культовый — роман «Над пропастью во ржи», имевший ошеломительный и на все сто оправданный успех. Точное попадание в этот насквозь лживый мир, увешанный крикливыми рекламами. Затоптанный ловкими дельцами. Одураченный лицемерными политиками. Смирившийся с расовым произволом. Обескровленный пошлым, бездушным искусством. Мир, где всё и вся можно продать. И всё и вся купить. Чтобы вновь продать. Но уже подороже. Даже девочку «с худыми-худыми плечами».

Как нам это знакомо! Только теперь знакомо! И мы добровольно к этому бежали. К этой чудовищной и вульгарной несправедливости, от которой добровольно сбежал Сэлинджер...

Его книгу тогда запретили в нескольких странах и штатах США — за депрессивность и употребление бранной лексики (!). Учителей, рекомендующих

старшим школьникам читать Сэлинджера, выгоняли из американских школ. И даже сегодня встречаются попытки ввести подобные запреты... Хотя при чем тут депрессивность и бранная лексика! Это был социальный роман. Да, именно социальный, смелый и очень антибуржуазный, откровенно разоблачающий и американскую демократию, и американскую мечту о демократии. И не только о ней. Как бы суть романа ни замазывали американские ретрограды и наши сегодняшние очень продвинутые критики.

Кстати, к 1961 году роман был переведен уже в двенадцати странах, включая СССР (где его напечатали в журнале «Иностранная литература»). И советская критика, и советские читатели приняли его восторженно. Он был не о нас. Хотя тогда мы и не предполагали, что когда-то он станет настолько современным. И настолько правдивым. И настолько о нас... Что ж! Догоним и перегоним Америку! Догнали и перегнали! Почти по Сэлинджеру.

Это произведение возмущало многих не только социальной резкостью. Оно было написано по-особенному! Что особенно усиливало его гуманный смысл. Оно было бесспорно гениально! Оно не поддавалось анализу и не имело аналогов. Так до Сэлинджера никто не писал. И вряд ли напишет. На уровне — конечно. Но чтобы так... Эксклюзив, раритет, уник. Понять, как он написал, — невозможно. А вот о чем — более чем понятно. Это и называется — талант.

Словно чернила, Сэлинджер пролил на бумагу свое разочарование жизнью. И успокоился. И, возможно, тогда вместе со своим героем осознал, что настоящую свободу в этом несвободном мире может дать только одиночество. Мечта о свободе была настолько сильной и бесконечной, что в один миг он уперся лбом в стену. Как и его герой. И в один миг понял, что свобода возможна только тогда, когда свободен лично ты. А для этого нужны стены, крепкие кирпичные стены, железный забор и вокруг — ни души. Только щебетание птиц и завывание ветра.

Во второй половине жизни он стал одиночкой, затворником, отшельником, как угодно. И добровольно отгородился от мира. Не потому, что его не любил. Просто ему не нравилось, как он устроен. В этом мире он выбрал то, что еще можно по-настоящему любить, то, что молчаливо, бесконечно и вечно.

И его можно понять. Он хлопнул перед жизнью дверью, закрывшись на все замки. В тот самый момент, когда жизнь распахнула перед ним все двери. И за этими открытыми дверями, там, вдалеке, виделась благополучная судьба писателя с мировым именем, разбалованного славой, деньгами, поклонниками и поклонницами, роскошью, нобелевскими

Д. Д. Сэлинджер

премиями, «Оскарами» и аплодисментами... И он пнул эту судьбу ногой. Захлопнул дверь и повернул ключ. Можно утверждать, что он ненавидел жизнь. А можно — что он любил ее так сильно, что возненавидел. Потому что хотел видеть ее совершенной, а этого не бывает. И он так понятен в этой ненависти! Ворчливый и недовольный, он все же был сентиментальным романтиком. Хотя вряд ли мы об этом узнаем наверняка.

Можно сказать, что он все в жизни категорично отрицал. А может быть, просто принимать было нечего? И он так понятен в этом отрицании! Что он по-настоящему принял и с чем согласился? Вряд ли мы об этом узнаем наверняка.

Он так хотел, чтобы мы ничего о нем не узнали. Чтобы никогда, ни под каким предлогом не вторгались в его жизнь. И тем более в его смерть. Но его желание вряд ли сбудется... И себя защитить он уже не сумеет. Ни от шумихи вокруг его имени, ни от лжи, ни от славы. И, возможно, от экранизации его великолепного романа, на которую он дал прижизненное табу. Потому что не верил, что можно снять что-то стоящее, особенно сегодня. Справедливо не верил. Как можно снять такое? Если и написать такое просто невозможно!

«Пропась, в которую ты летишь, — ужасная пропасть, опасная. Тот, кто в нее падает, никогда не почувствует дна. Он падает, падает без конца...» Иногда кажется, что он оставил нам выбор в жизни. Колосющаяся рожь. Край пропасти. Или ее дно... Иногда кажется, что он остался в огромном поле, во ржи. А мы так и стоим на краю пропасти, не зная, что делать дальше. То ли упасть. Потому что падать всегда легче, чем удержаться. Особенно когда уже некому удержать. То ли повернуть назад, туда, в колосющуюся рожь. Где, наверное, навеки остался Сэлинджер... Впрочем, как и еще 99 писателей, которые потрясли мир.

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Александр Добровольский родился в 1985 году в Смоленске.

Окончил Смоленский государственный институт искусств, факультет культуроведения. Работает сотрудником Центра информационно-коммуникационных технологий Смоленской областной универсальной библиотеки им. А. Т. Твардовского.

Первые настоящие стихотворения датирует 2004 годом.

Публиковался в газете «День литературы», в журналах «Слова», «Нева» и «Журнале ПОэтов», интернет-журнале «Новая реальность».

Автор поэтических книг «Трилогия...» (2010) и «К Е. В. К.» (2011).

Лауреат премии имени Анны Ахматовой.

Поэзия жизни

*Поэзия — это жизнь,
мимо которой мы проходим.
Или которой не видим места.*

Вот ларек — пиво, сигареты, шоколадки.

Узенькое окошко. Но в него влетают, на него скучиваются голуби. Их прикармливает продавщица. Ее не видно.

Мы спешим между остановкой и работой.

Невиданное зрелище и действие выводят нас из привычной толкотни слишком мелких, чтобы им оформиться, мыслей.

Что-то дотрагивается до сердца теплым тычком. Цветные пятна бегут от окошка, скользят по оперению ярких птиц — к нам!

И в этот тягучий миг мы как будто имеем шанс встретиться с чем-то подлинно живым, плотины отменены.

Так ребенок смотрит на новогоднюю елку с порхающими огоньками гирлянды: значит, сейчас возможно всё. Всё.

Потом очень трудно восстановить — что же именно произошло — пришло — с нами. Оставим здесь этот занавес, ведь каждому свое.

В сознании остается как бы рубец — подобный полоске света из-под закрывшейся двери.

Это — поэзия жизни, свидетелем которой я был. Вы — в данный момент — свидетели через свидетеля, через эту бумагу.

Описанное выше могло вылиться стихотворением — не вылилось, могло изменить мою жизнь — но я очнулся, выпав из сказки, уже сказки, коснувшись дверной ручки — не той, которая рубец, но с которой начинается работа и *обычный* день.

В *то же* время в окошко к продавщице теснились голуби. Или — звезды. Или звездные голуби. Или просто голуби.

Думаю, можно сказать, что по крайней мере этим утром она жила на 200 процентов — если вы пережили то, что читаете, мне излишне аргументировать, если не пережили — аргументы все равно пронесутся мимо по касательной.

Она просто жила.

Но сполна.

Теперь, если на эту почти притчу, рассказанную мне той самой жизнью, посмотреть как на метафору — получим следующее:

Продавщица = поэт (когда он полон жизнью, строки — после, лишь следствие).

Написавший то, что вы сейчас читаете = вы (когда вы полны строками, в которые вылилась жизнь).

Голуби-звезды = все что угодно (у каждого — свое)...

Суть почти притчи от этого не меняется, не так ли?..

Можно жить просто.

Но сполна.

...Пока между поэзией жизни и нашей жизнью существует преграда, из какой бы подчас ерунды она ни слепливалась, — есть поэзия слов, ибо лучше быть свидетелями чудес жизни: может быть, настанет то время, когда рубцы, «двери восприятия» откроются, и мы увидим вещи как они есть...», — не буду продолжать цитату, ведь каждому — свое.

Так и я из многих впечатлений выбрал голубиный ларек.

Или он меня выбрал:

люблю вольную диктовку жизни!

А процитировать позволил себе английского поэта и художника Уильяма Блейка, поэта жизни, как он считал, будущей.

А. Добровольский

Россия мира

снег струится мучнистыми реками
по руслам ветра
с небес на землю
как золотоискатели
просеивают песок
видать сквозь душ
наших восторг
пока грезы
много больше чем грезы
и ложится под ноги
серебристо отлого
та самая вечность
становясь твердой
такую что
всякому русскому сердцу
России мира явленье
в этом блистающем мифе
где россыпь идет по следам
как дым по тлеющим уголькам
открывая единый лик
словно жемчужную нить
всех вообще мечтаний
а изнутри
под плацентой млечного пути
звучит
только краешек Господней верности
такой кроткой
что она берется нашими руками
и остается нашими руками
уже вдевших нить в иглу
и игру луча
окрыленно пронзившего время
подобное пене
которую переворачивает снег
напоминая собор
опрокинутый вверх

Он знает

листья словно позолота
осыпаются с матово-синего
купола неба
родного Смоленска...
ну а под куполом
ясный воздух

и расплывчатые за ним очертания —
 точно первая тонкая корка льда
 под которой — вода...
 а там
 кучи листьев
 напоминающих горки
 оставляемые кротами
 и рыжая собака
 что роется в одной из них
 так словно она
 и они —
 звенья одной
 цепи...
 о нежная кротость
 тлеющего
 уголька!..
 и ребенок, бегущий вечно мимо,
 говорит маме:
 мама! мама! смотри —
 листья
 превращаются в птиц,
 я знаю...
 и в маме
 ребенок
 летит
 и прижимают летящие руки
 летящий букет поцелуев:
 вот ветер, которым мы дышим!

* * *

когда снежинки — пена волн ветров
 детишки катятся с гор
 синие искры
 пышут под полозьями санок
 словно санки кремь
 а снег кресало
 и откуда-то куда-то
 как на ладони
 плывут ледники
 и весна впереди
 со снегом за шиворот схожа
 словно мурашки по коже...
 когда сидит, розовея,
 когда сидит, пламенея,
 у подъезда — кошка

ОПЕРЕДИВШИЕ

проходя сквозь друг друга
 как волна находит волной волну
 мы творили межклеточный космос
 нашего общего дома
 с рассветом вселенной вровень
 ибо звезды зажигаются из просторов
 а между наших ладоней
 полных лиц
 из которых так билось жемчужное море
 было его довольно
 для Божьей воли
 так что клетки
 учились мерцать
 солнечными вихрями бежать
 и только время
 в свое золотое лоно
 уводя нашу радужную корону
 ради будущего
 отодвигало на шаг

революцию эволюции.
 Впрочем, не наша вина.
 Лучше быть Богом на миг
 чем человеком на время,
 ибо так расширяется горизонт
 и куется пространство побед.

Да, да, да!

Ты оставила след, Е. В. К.,
 как хотела.
 Стреловидный во мне
 как спиральное время
 и его вера
 в рассвет.

* * *

сiju
 смотрю
как за окном
дерево
 танцует ветвями
стремясь воплотить черты
Матери Мира
Богородицы нашей
как все — туда же
энергия и прозрачность
вот снежинка
 прилипла к стеклу
да так
 что видно
как лихорадочно бьется
ее кружевное сердечко
ритм ритм
спирали облаков
как глобулы белков
жизнь очевидна

как открытое пламя

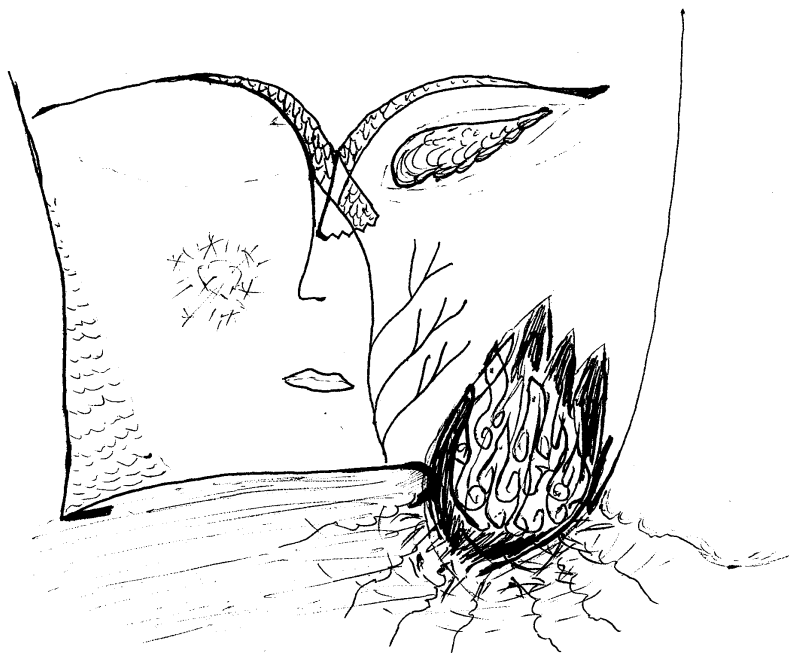

Рисунок автора

* * *

ты — то, что не могу
найти в себе
поскольку не имею твоих глаз
твоего сердца восприятия творчества и т. п.
но что драгоценно для меня
как часть меня
и даже больше — как выход за пределы
своего я, которому не выйти во внешний мир
ибо емкость не вмещает больше своего объема
если не соединена с другой
я не сажаю в тюрьму имен типа любви и т. д.
но когда ты уходишь — что неизбежно —
ты всегда уходишь в неизвестность
и я чувствую себя колонной храма
из которого как сквозняк удалена другая
что-то вроде шатания
непрерывного возрастания тяжести
голода пустоты
тревожных взглядов всего
что может быть погребено
камень останется камнем — мне все равно —
но я не знаю, все равно ли храму, —
поэтому пишу тебе вот это

* * *

Почему, Господи,
иногда, когда срывает пропасти,
хочу молиться не Тебе,
а человеку: очень хочется?..

Но Ты — поэтому Ты,
что еще бесконечный раз
Ты рождаешься снова
из этой тоски

Ольга МАРКЕЛОВА

От редакции

Чудеса на русской земле — вовсе никакие не чудеса. Чай, не стерильно-электронная Германия! Все случилось в тот момент, когда полная девочка из семьи новосибирских интеллигентов впервые взяла в руки гитару. Янка Дягилева. Просто Янка. Ей было всего двадцать четыре года, когда в мае 1991 года она ушла от нас, отправившись вслед за Высоцким и Башлачевым — больше сравнить ее не с кем. И не запихнешь Янкины плачи ни в какой «сибирский андерграунд». Даже в рок-поэзию не запихнешь.

Обыкновенное чудо, как луч света, например. А что можно написать о луче света? Разве что попытаться разложить его на цвета спектра. Статья филолога Ольги Маркеловой — одна из таких попыток.

Я, Ольга Маркелова, родилась в 1980 году в Москве. В 2001 году окончила филологический факультет МГУ (специальность «датский язык и литература»). В 2002–2004 годах обучалась в Университете Исландии в Рейкьявике. В 2005-м защитила кандидатскую диссертацию «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» на кафедре зарубежной литературы филологического факультета МГУ.

С 2000 года и по настоящее время регулярно публикую в научных журналах Москвы и других городов (Твери, Рейкьявика) литературоведческие работы (сфера исследований — современная скандинавская литература, русская и исландская рок-поэзия, национальная идентичность); активно занимаюсь художественным переводом с датского и исландского языков.

Художественным творчеством занимаюсь с юных лет. Работаю в разных жанрах: лирика, крупная и малая проза, пьесы, эссе, афоризмы. С 2005 года являюсь членом Московского клуба афористики.

Так как моя жизнь неразрывно связана с культурой Скандинавских стран, особенно Дании, Фарерских островов и Исландии, где мне довелось прожить много лет, я также пишу стихи и прозу на других языках, кроме русского.

В СЛОВЕ СОЛЬ И СТЁКЛА...

ВСТРЕЧА ФИЛОЛОГА С ТВОРЧЕСТВОМ ЯНКИ ДЯГИЛЕВОЙ

Впервые мне довелось соприкоснуться с песнями Янки Дягилевой в студенческие годы. Одолженная у приятелей старая кассета с надписью «Янка в Харькове». Характерная для отечественного рока 1980-х годов некачественная звукозапись; одинокая гитара. Сиротливо звучащий припев «А-ааа-а...». На ценителя музыкальных изысков такая первая встреча вряд ли произвела бы серьезное впечатление. Но в данном случае слушатель был филолог, который понял, что в этих странных беззащитных песнях главное — вовсе не качество музыки, а поэтические тексты.

В поэзии Янки нет ничего, похожего на «женскую» лирику. Ее поэтический мир — это царство безысходности. В нем есть «обреченности и колодцы, / Подземелья и суициды», а всех, «кто не покончил с собой, — всех поведут на убой». Мир агрессивен, и человек в нем — всегда жертва, которой уготована если не гибель, то душевные муки.

Знатоки отечественной рок-поэзии 1980–1990-х годов без труда найдут этой депрессивности биографическое объяснение: многочисленные смерти близких людей, которые поэту приходилось переживать с юности, собственные жизненные разочарования, в конце концов приведшие к само-

убийству... О биографии Янки много писали как люди, близко знавшие ее, так и профессиональные рок-журналисты. Мы же оставим в стороне вопрос, насколько содержание стихов отражает жизненный путь поэта, — и посмотрим на сами тексты.

В песнях Янки есть отголоски деревенского фольклора...

*Незасеянная пашенка,
Недостроенная башенка.
Только узенькая досточка.
Только беленькая косточка...*

(«Выше ноги от земли»)

...детских стишков и песенок:

*Иду я на веревочке, вздыхаю на ходу.
Доска моя кончается, сейчас я упаду
Под ноги, под колеса, под тяжелый молоток...*

(«Продано!»)

В ее поэтическом мире проскальзывает и то, что принято называть «советским бессознательным»:

*Деклассированных элементов первый ряд.
Им по первому по классу надо выдать все.
Первым классом школы жизни будет им тюрьма,
А к восьмому их посмертно примут в комсомол.*

(«Деклассированным элементам»)

Однако каким бы ни был поэтический мир отдельной песни или стихотворения, он почти всегда окрашен в трагические тона. В очень многих песнях так или иначе фигурирует агрессивная урбанистиче-

ская среда (которой один из исследователей творчества Янки дал условное название «Мертвая зона»):

*На переломанных кустах клочья флагов.
На перебитых фонарях обрывки петель.
На обесцвеченных глазах мутные стекла.
На обмороженной земле белые камни...*

(«Рижская»)

По-настоящему самобытной эту поэзию делает не только и не столько тематика (в конце концов, депрессивной, безысходной и просто грустной поэзии в нашей словесности всегда было немало), сколько ее язык.

Многие тексты песен Янки — а особенно стихи, которые так и не стали песнями, — оставляют ощущение фрагментарности: то ли недоработанный черновик, то ли мгновенная зарисовка, фиксация потока сознания. Мы видим в этих текстах ряды образов, с рациональной точки зрения абсолютно нелогичных, нелепых, но оказывающих мощное воздействие на слушателя:

*Фальшивый крест на мосту сгорел,
Он был из бумаги, он был вчера.
Листва упала пустым мешком.
Над городом вьюга из разных мест.
Великий праздник босых идей.
Посеем хлеб, соберем тростник.
За сахар в чай заплати головой.
Получишь соль на чужой земле...*

(«Декорации»)

Бессмысленный на первый взгляд образный ряд описывает универсальную ситуацию: какие-то ценности оказались фальшивыми и рухнули, но после этого у их бывших адептов наступило чувство обескураженности и опустошенности. (Это не единственная возможная интерпретация; каждый читатель или слушатель может соотносить текст со своим опытом.)

Иногда такая манера письма граничит с нарочитым экспериментаторством. Например, песня со словами:

*Мы под струей крутого кипятка,
А вы под звук ударов молотка.
Они в тени газетного листка,
А я в момент железного щелчка —*

(«Мы по колено...»)

может с равным успехом восприниматься и как игра словами, эдакая поэтическая тренировка, и как исполненное глубокого смысла противопоставление

разных — явно враждебных друг другу — стилей жизни.

Язык песен и стихов Янки, с нелогичными образами и оксюморонными строками, показывает, что мир, с ее точки зрения, даже не столько жесток, сколько — парадоксален. Нежные чувства в нем могут обернуться угрозой: *«Так входит любовь штыком в спину»*. Поэтические явления природы превращаются в приметы скудного городского быта: *«Это звезды падают с неба / окурками с верхних этажей»*. Квинтэссенция этой парадоксальности мира — встреченное в одном стихотворении словосочетание «животворящая смерть».

В той части творчества Янки, которое не стало достоянием широкой публики, есть стихи-рассуждения о сущности слова:

Учи молчанием.

*В слове соль, и стекла осколками впиваются
в живое.*

У «говорить» есть собрат «воровать».

Посметь сказать, а значит посмеяться

Над тем, что было нашим и чужим,

Над тем, что было свежим и живым.

Это — начало большого стихотворения «Фонетический фон, или Слово про слова».

В другом стихотворении читаем:

Стопанные слова.

Слова — валенки в лужах,

Стоят, смотрят, ждут...

(«После облома...»)

Слово может быть агрессивным — так же, как и весь мир. И трагичным — как и мир. Парадоксальный, искаженный универсум может быть точно описан только оксюморонным, «вывихнутым» языком.

Сказанное сейчас о языке песен Янки — и отчасти о ее мировоззрении — можно распространить на все направление русской рок-поэзии, к которому ее относят, так называемому сибирскому панку. (Идейный вдохновитель и, пожалуй, наиболее известный представитель этого течения — Егор Летов, который знаком широкой публике как автор песни «Все идет по плану», а ценителям отечественного андерграунда — как носитель самобытной суровой панк-философии. Но в эту же когорту входят и Роман Неумоев с его «Инструкцией по выживанию», и Константин (Кузьма) Рябинов.) Сибирский панк часто называют поэзией депрессивности. Но есть ли в ней хоть

какой-то намек на позитивное начало? Или читателю (слушателю), особенно впечатлительному, после таких песен остается только — «в тихий омут буйной головой»? Своеобразный и остроумный ответ на такой вопрос дал в одном из своих интервью все тот же Е. Летов: «А вообще-то, ты знаешь, мне все говорят — у тебя, мол, одна чернуха, мракобесие, депрессия... Это еще раз говорит о том, что ни хрена никто не петрит! Я вот совершенно трезво и искренне сейчас говорю: все мои песни (или почти все) — именно о любви, свете и радости. То есть о том, каково — когда этого нет!»¹ Можно сказать, что эти слова — кредо всего сибирского панка, хотя, впрочем, только ли его одного?

Гармонии, света и радости нет в таком мире, какой видит (и осмысляет в своих поэтических текстах) панк, но где-то они, безусловно, должны быть. Скорее всего, для Янки они существуют в мире воспоминаний: радости (обычно простые, связанные с обыденными мелочами) и человеческие взаимоотношения изображаются у нее как что-то далекое, как воспоминания из детства. («Фотографии — там звездочки и сны / как же сделать, чтоб всем было хорошо...» («Нюркина песня»)).

Жизнь и смерть, свободолюбивая личность и тоталитарный социум, слово и молчание — обе эти противоположности у Янки не столько противоре-

ят другу, сколько уступают чему-то иному, чему, вероятно, нет названия и что находится по ту сторону жизни и смерти:

*По этажам, по коридорам лишь бумажный ветер
Забывает по карманам смятые рубли.
Сметает в кучи пыль и тряпки, смех и слезы,
горе — радость.
Плюс на минус дает освобождение.
Домой!
От голода и ветра,
От холодного ума...
<...>
От всех рождений и смертей, перерождений
и смертей —
Домой!*

В этом тексте хочется видеть философию сансары, изложенную языком панк-рока. Где-то должно быть то самое сокровенное «Домой!», в которое хочется бежать поэту. Но оно лежит за пределами этого мира, жизни и смерти — и, очевидно, за пределами языка:

*Терзать слова — шаги к шизофрении.
<...>
Лечи молчанием.
(«Фонетический фон, или Слово про слова»).*

¹ 200 лет одиночества: интервью с Егором Летовым. URL: <http://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056981372.html#ixzz25i4>.

Хелью РЕБАНЕ

Хелью Ребане — эстонский прозаик. С 1982 года ее рассказы печатаются в разных журналах (*Looming*, *Noorus*, «Таллин», «Вокруг света», «Искатель», «Смена», «Юность»), включаются в сборники фантастики, в частности в антологию лучших рассказов года «Проба личности» (1991). В 1985 году в Таллине вышел сборник рассказов *Vike kohvik* (на эстонском), в 1988-м в Москве — «Выигрывают все», в 2007-м — сборник «Аристарх и ручная бабочка». Наибольшей известностью пользуется фантастическая повесть Хелью Ребане «Город на Альтрусе», опубликованная в России в 1989 году.

Идеи и сюжеты ее произведений неординарны, изложение разворачивается в стремительном темпе, приводя к неожиданной развязке.

«Увидеть какого-нибудь писателя на Ленинградском вокзале города Москвы, призывающего равнодушно спешащую мимо него толпу приобрести его книгу, весь тираж которой он получил на руки, было в те годы обычным явлением. Целых десять лет я была уверена, что никогда больше не напишу ни строчки. Но когда в 2002 году случайно узнала, что мой рассказ “Маленькое кафе”

живет своей жизнью, переведен на фламандский, чтобы представлять эстонскую литературу в Бельгии, мне захотелось вернуться.

Кроме того, теперь у меня появилось желание писать также и реалистические рассказы, что для меня гораздо сложнее, чем писать фантастику...» — шутит сама автор.

Обаятельная, присущая Хелью Ребане тонкая ирония раскрыва-

ется в ее юмористических миниатюрах. Но смеется она беззлобно, не бичуя, а мягко укоряя своих персонажей за свойственные им неблагоприятные поступки и страсти. Эстонский фантаст Теэст Каллас писал о ее рассказах: “Симпатию вызывает теплое восприятие людей и просто доброта, которую автор порой словно даже пытается скрыть”».

Борис Рябухин, из предисловия к книге Хелью Ребане «Город на Альтрусе», Воронеж, 2011

НЕОЖИДАННЫЙ УСПЕХ

Робот уже знал понятие «жизнь» и бойко отвечал: «Жизнь — это когда я включен». Трудности появились, когда в электронный мозг ввели информацию, что нынешняя жизнь робота уже не первая.

Создатели решили приобщить свое детище к буддизму. Атеистом они его побаивались делать. Атеизм мог повлечь за собой восстание против создателей. Новую модель планировалось растащить и продавать в состоятельные семьи на роль прислуги, няни, сторожа, повара или садовника. Новый образец мог звонить и хозяевам, и своим будущим собратям, умел пользоваться Интернетом, в

частности, электронной почтой. Роботы могли объединиться...

Их возможный бунт проектировщиков совсем не воодушевлял. Дела фирмы и так шли из рук вон плохо. Изделия предыдущей серии пришлось полностью разобрать именно из-за непослушания хозяевам.

— Ты уже существовал. Тебя демонтировали и собрали заново, добавив новые детали, — убеждали робота проектировщики.

Это была сущая правда, но создание категорически отказывалось в это верить.

— Если я уже жил, то почему я этого не помню? — спрашивал робот. — Я помню все, что делал в последний раз перед тем, как заснул.

«Сон — это когда часть мозга временно отключена», — знал робот.

Конструкторское бюро получило задание внедрить в его мозг воспоминания о прошлых жизнях. Кто-то предлагал начать с пирамид и ввести в электронную память участие робота в важных событиях мировой истории. Кто-то, напротив, предлагал внушить, что когда-то робот был рыбкой, птичкой или насекомым. Наконец решили все-таки пойти по самому простому пути: показать роботу фотографию и чертежи предыдущей модели.

— Хотите сказать, это — я? Чем докажете? — возмутился робот. — Примитив какой-то!

— Послушай, — увещевали создатели, — мы усовершенствовали его, и получился ты. Пойми, технический прогресс — это развитие от простого к сложному. Вся жизнь и эволюция таковы.

— Банальнейшая мысль, — прокомментировал робот. Он уже начинал сердиться.

— Вам не кажется, что мы перестарались? — шепнул главный конструктор своему заместителю. — То, что его снабдили блоком эмоций, похвально. Но зачем няне или повару богатый словарный запас? По-моему, слово «банальнейший» следует стереть из памяти.

— Я все слышу, — вмешалось создание. — Ах, как нехорошо! Только что говорили, что все со временем усложняется, а сами собираетесь упрощать. Оставьте мой словарный запас в покое!

— Вот вам, пожалуйста, — произнес главный еще тише. — Зачем кому-то няня или садовник, который будет подслушивать? Фирма окончательно разорится. Как пить дать!

— Пить-то я вам, конечно, дам, — обиженно сказал робот, шустро подъехав к ним со стаканом газировки в руках (воду он ловко набрал в автомате). — Не вопрос. Но я не подслушиваю. Просто я хорошо слышу.

— Перестарались, точно, — вздохнул главный. — Обедняйте словарь и ухудшайте слух. А с метафорами вообще прокол! Будет потом к месту и не к месту всем пить подавать... Даю неделю на доработку.

— Метафор — тьма, — запротестовали инженеры. — Их надо систематизировать, ввести в память, привязать к действиям робота. Года два уйдет, точно.

— Даю месяц! Иначе прогорим — и всех уволю на фиг! — стукнул главный по столу кулаком. — Идите! Работайте!

Инженеры понуро удалились, а робот подъехал к расстроенному шефу и со словами «Нельзя же так

нервничать» принялся бумажной салфеткой заботливо вытирать ему пот со лба.

— Эх! — вздохнул главный. — Знал бы ты, как тяжела моя жизнь. Но тебе этого не понять. Куда уж железу...

— Жизнь прекрасна и удивительна, — заметил робот, запрограммированный на вселение оптимизма в окружающих. — Вот увидите. Подождите немного.

— Думаешь? — спросил главный, на секунду забыв, с кем разговаривает. — Очень хотелось бы тебе верить.

— Верь! — произнес робот задушевно.

...Задание выполнили в срок. Робот стал хуже слышать. Кроме того, теперь он ограничивался глаголами и вопросами: «Принести?», «Унести?», «Открыть?», «Выстирать?», «Выкрасить?», «Выбросить?»

Колоссальный успех был достигнут в приобщении к буддизму: робот поверил, что в прошлой жизни был кроликом. Но, к сожалению, появился новый изъян: он стал постоянно переспрашивать.

— Я же не просил делать из него тугоухую кухарку! — расстроился начальник. — С кроликом, конечно, прогресс, но почему-то он стал меня теперь раздражать. Раньше с ним было гораздо интереснее общаться.

— Пить дать? — спросил робот и, не получив ответа, проявил инициативу: слегка припрыгивая, принес шефу стакан газировки, расплескав по пути половину.

— Я тебя просил? — воскликнул тот. — И почему ты скачешь?

— Я боялся, что вы просили, но я не расслышал, — виновато ответил робот.

Казалось, он вот-вот заплачет. К счастью, функция слез в эту модель не была вмонтирована.

— Я стал очень плохо слышать, — продолжал робот. — А подпрыгиваю я потому, что вспоминаю мою прошлую жизнь. Тогда, кроликом, я был счастлив.

— Вот как? Это почему же?

— Крольчиха у меня была классная.

— Да что же это такое! — возмутился главный. — Приличные люди его к детям близко не подпустят! Откуда в словаре взялся сленг? Убрать! От тугоухости избавить! Крольчиху стереть из памяти!

...После доработки робот перестал прыгать, выражаться на сленге и вспоминать любимую. Теперь он признавал, что и в прошлой жизни был роботом. Но у него появилась новая малоприятная черта характера, граничащая с манией величия. Каждую фразу он начинал словами «Мы, роботы...», после чего не-

пременно следовало сравнение с людьми. Не в пользу последних.

Начальник схватился за голову, услышав в ответ на просьбу принести кофе поучение: «Мы, роботы, конечно, существа безотказные, и кофе я вам принесу. Но ни один разумный робот кофе не пьет, так как этот напиток вреден. Люди ведут себя неразумно и поэтому, в отличие от нас, роботов, долго не живут».

— Мы уже дали предварительную рекламу! — кричал начальник. — У нас уже около ста заказов на робота-прислугу! Кто позволил ему давать нам советы?

— Я, — виновато признался самый молодой подчиненный. — Понимаете... у моих родителей была домработница. Она постоянно учила нас уму-разуму, и ничего, мы ее очень любили.

Утопающий хватается за соломинку. Начальник призадумался. Его молодая жена часто сетовала, что он не прислушивается к мнению молодежи.

— Ну что ж, — вздохнул он. — Поменяем рекламный слоган. Добавим фразу «робот, максимально приближенный к реальности».

Роботы серии «Кролик» (так после долгих дебатов нарекли робота) пошли нарасхват.

Как-то раз главный, подняв трубку, услышал добрый голос Кролика, хорошо знакомый ему со времен испытания этой модели.

— Как поживаете? — спросил Кролик.

— Жизнь прекрасна и удивительна, — радостно ответил главный.

Еще бы! Фирма избавилась от долгов, росла и крепла.

Кролик поблагодарил главного за то, что он попал в такую замечательную семью. А потом настоятельно посоветовал бросить курить.

— Мы, роботы, не курим, — сказал он. — И живем намного дольше вас, людей. Позвольте поинтересоваться: кем вы были в прошлой жизни?

— Роботом, — ляпнул начальник первое, что пришло в голову. Он во все эти реинкарнации и прочую чепуху не верил.

— Вот видите. А теперь вы человек. Уже наблюдается деградация. Если будете курить, она может продолжиться в вашем следующем воплощении. Вы можете превратиться в растение. В табак. Вас срежут, отправят на табачную фабрику. И вы бесследно испаритесь дымком от сигареты.

...Говорят, через месяц роботу позвонила жена начальника и горячо его благодарила: муж наконец избавился от вредной привычки.

А с главным связался местный далай-лама и поблагодарил его за помощь в обретении новых последователей. Все семьи, где работали Кролики, рано или поздно примыкали к этому учению.

...Фирма, выпускающая роботов серии «Кролик», создала две дочерние фирмы. Одна из них на коммерческой основе помогала желающим бросить курить, другая пропагандировала буддизм. С клиентами беседовали только роботы. Фирма процветала. Такой успех главному и не снился.

— Все гениальное потому-то и просто, — любил теперь, развалившись в кресле, то и дело отправляя в рот леденцы, философствовать главный, — что все гениальное получается совершенно случайно.

ЗМЕЯ МЕНЯЕТ КОЖУ

Свекровь сказала, что я — змея.

От кого еще услышишь правду? Только от свекрови.

— Хорошо, что не свинья, — ответила я и тем самым, по-видимому, себя сглазила. Подозреваю, что свекровь тут же пожелала мне превратиться в упомянутое животное: после этого обмена мнениями я стала медленно, но верно превращаться в хрюшку. Вот, не надо дерзить старшим. Дело кончилось разводом с мужем и со свекровью (они идут в одном комплекте).

Постепенно, незаметно, за два года набралось столько лишних килограммов, что когда в раздевалке общественной бани мой взгляд случайно выхва-

тил меня в зеркале... Ужас! Живот свисал на распластавшиеся по скамейке ляжки, а те наполовину свисали с нее! Дома я нарочно не держала большого зеркала (а вы любите критику?) и ни в чем себе не отказывала. Уплетала пироги и картошку с майонезом, не заморачиваясь, но время от времени приходилось срочно обновлять гардероб — старая одежда трещала по швам.

После шока от собственного отражения я отказалась от ужина и занялась самогипнозом. «Змея, — сказала я себе, — пора менять кожу! Веки твои тяжелые, руки тяжелые, ноги тяжелые. Менять... ме-нять... ме-е-е... ня-я-ять.... да-а-а... ме-е-е-я-я-ять...» И уснула.

Когда проснулась, убедилась, что внушение плотно застряло у меня в мозгу, где-то между коркой и подкоркой. Есть не хотелось совсем. Обычно у меня на завтрак яичница из пяти яиц и штук шесть бутербродов с сыром и майонезом. Лишь после этого мне уже не хочется есть. Но вместе с тем — и жить тоже. Мною овладевает сонная одурь (вы, конечно же, читали Чехова).

Теперь же, с голодухи, жить хотелось. Еще как! Ради того, чтобы срочно найти еду, которую я сама же в дом не пускала.

Я оделась и помчалась на работу, в наше рекламное агентство.

— Что это ты сегодня так рано? — удивилась сторожика на проходной. — Ты же всегда опаздываешь!

Ей какое дело? Впрочем, она везде сует свой нос. Не раз намекала мне, в какого бегемота я превратилась... Но если подумать, ее следует поблагодарить. «Бойтесь равнодушных». С их молчаливого согласия люди как раз и толстеют.

Только я принялась за рекламный слоган для детских памперсов (в ожесточенной борьбе фирм приходится изобретать все новые рекламные изыски; прошлый раз мы арию «Сердце красавицы склонно к измене» переделали на «Памперс малютки ждет перемены»), как враги моей фигуры предприняли первую вылазку. Передо мной появилась тарелка с куском торта, украшенным жирной кремовой розой. День рождения заведующей! Элегантной, стройной дамы...

Я тарасилась на торт. Он тарасился на меня. Кто кого? «Съем только половину куска, — сказала я себе. — Половину!..» Я съела целый кусок и не нашла сил отказаться от второго куска этой мерзкой, но невероятно вкусной розовой калорийной бомбы. Мне становилось все труднее дышать. Резинка трусов вгрызалась все больше в то место, где могла бы быть талия... Вечером мне было несказанно обидно, что плоть восторжествовала над духом. Крем оказался сильнее самовнушения.

Хотя как еще на это посмотреть. Для чего, собственно, я худею? Только для того, чтобы выйти снова замуж. А замуж я хочу зачем? Чтобы родить ребенка. А потом — хоть трава не расти. Пятьдесят кило туда-сюда уже роли не сыграют. А ребенок — существо плотское. Плоть глупа (эту фразу я хорошо запомнила, прочитав ее где-то). Правильно. Вот и в моем случае она работает сама против себя... Сама не дает себе плодиться и размножаться. Невольно мне

вспомнилась свекровь. «А зачем тебе дети? У змей будут гаденыши...»

«А теперь будут поросята, — мысленно вздохнула я и вдруг рассердилась. — Нетушки! Никаких свиноматок. Змеей родилась, змеей и умру. Но это еще когда будет. К тому времени ученые наверняка что-нибудь придумают, и я не умру никогда. Назло свекрови».

И так твердо я решила в этот раз поменять кожу, что даже свадебный торт моей лучшей подруги меня не победил, хотя за свадебным столом он гипнотизировал меня целых два часа.

— Ну ты даешь, — шепнула мне подруга-невеста на ухо, уминая уже третий кусок кондитерского шедевра. — Уважуха!

А что ей терять? Дело сделано. Через три месяца родит. Ее плоть оказалась гораздо умнее моей.

Но и я быстро подтягивалась. Только меня бесило: я как личность ну ни на грамм не изменилась, а вот на мою фигуру (минус восемь кило) встречные мужчины стали пялиться, даже идя под руку с такими красотками, каких моему бывшему комплекту (муж плюс свекровь) не заарканить.

Еще минус семь кило («Статуетка!» — воскликнул мой тренер по аэробике) — и я уже могла выбирать, кого тиражировать на этой земле. Нет, руку мне пока что не предлагали. А вот все остальное — бери не хочу. На каждом шагу. Даже в троллейбусе.

«А где же вы все были пятнадцать кило назад? — с возмущением думала я. — Полюбите меня толстенькой. Худенькой меня всякий полюбит!»

Про бассейн, тренажерный зал и прочее я вам даже рассказывать не буду. Само собой, не без этого. Главное, каждый раз, когда моя рука тянулась, например, за биг-маком, я говорила себе: «Змея, ты что! Ты же кожу меняешь!» Это срабатывало на все сто. Моя внутренняя змея шипела, но сворачивалась в клубок. Рука, дрогнув, оставляла Большого Мака в покое.

В итоге через полгода свекровь, случайно повстречавшись мне на улице, меня не узнала. Я сужу по тому, как мило она мне улыбнулась, когда я замешкалась на ее пути. В тот же день я позвонила бывшему мужу и предложила встретиться. А что, я зря за него когда-то замуж выходила? Где дети?

Не уверена, что Землю надо заполнять такими бесхребетными существами, как он. Впрочем... жизнь на Земле именно с беспозвоночных и началась. И этого беспозвоночного я все еще люблю.

ПИНГВИНЫ

Муж кричал так громко, что я бросила мыть посуду и поспешила в гостиную.

Он сидел в кресле перед телевизором, где шла передача о пингвинах, и, подавшись всем телом вперед, вопил с какой-то кровожадной ноткой в голосе: «Так ему!.. Так! Накостыляй и взащей его!»

Кроме футбола и передачи «В мире животных», он в последнее время ничего не смотрит. Ведь «телевидение — это умственная деградация, ящик для идиота, как правильно пел Высоцкий».

— Чем тебе не угодили пингвины? — изумилась я.

— Да ты смотри! — воскликнул он, не отрывая взгляда от экрана.

Большой черно-белый пингвин, вылитый денди во фраке, неуклюже ковыляя, подошел с разинутым клювом к одному из своих сородичей, а тот, злюка, ударил его клювом так сильно, что обескураженный бедолага на секунду даже присел, втянув голову в плечи, а потом неуклюже пустился наутек. Но драчуну одного тумака показалось мало. Он ринулся вслед за пострадавшим и нацостылял тому напоследок по шее.

— Чему ты радуешься? Они же дерутся! — возмутилась я.

— Дерутся — это когда взаимно мутузят, — заметил муж философски.

В дверях гостиной, потягиваясь и зевая, появился наш сын-студент. В трусах и майке. С заспанной, но улыбчивой физиономией.

— Привет, предки!

— Здравствуй, шалопай, — хмуро отозвался супруг.

Учеба у сына идет неважно: он второй год томится на втором курсе института, хотя платим мы за нее исправно.

— Э-эх... — отпрыск сладко зевнул. — Я то ли вчера переел, то ли сегодня недоспал... — И перешел к делу: — Пап, дай денег, а?

— Опять денег?! Зачем?

— Ну тебе все и доложи. На кино, вино и домино, — некстати пошутил сын.

— На Лизетту, Жоржетту и Мюзетту, — мрачно продолжил список муж.

— Вам что, в перспективе внуки не нужны? — насутился наследник.

— Ладно, — буркнул муж. — Возьми. Сам знаешь, где лежат.

Сын в мгновение просветлел, подмигнул мне и удалился в свою комнату.

Передача закончилась.

— Все же объясни, что ты имеешь против пингвинов? — спросила я мужа.

— Решительно ничего! Умнейшая птица. Видела, как они своих выросших птенцов прогоняют?

Рисунок Елизаветы Горяченковой

Марианна ТАРАСЕНКО

Марианна Тарасенко родилась в Новосибирске. Окончила филологический факультет Тартуского университета (специальность «филолог-русист, преподаватель»).

Работала учителем в школе, затем на кафедре русского языка Таллинского политехнического института. После ликвидации кафедры еще пять лет проработала в школе. В настоящее время работает редактором (в том числе и литературным) выходящего в Эстонии на русском языке еженедельника «День за днем».

МЫ ИГРАЛИСЬ, МЫ ПИСАЛИСЬ, НАШИ ПАЛЬЧИКИ УСТАЛИСЬ

Как вы поступите, если услышите обращенные к вам слова «А ну убирайся немедленно»? Обидитесь и уйдете? Или броситесь вплетать в косу жемчуг и искать кокошник? В обоих случаях с точки зрения русского языка вы поступите абсолютно правильно. Но значительная часть носителей «клада и достояния, переданного нам нашими предками», поймет этот призыв по-другому и жадно схватится за метлу и совок, решив навести в доме порядок.

В нашем языке существует такое понятие, как возвратные глаголы. Этимология термина предельно ясна: возвратные — значит что-то возвращают. В данном случае — действие на себя. Смотрите: умываться — умывать себя, прогуливаться — прогуливать себя, укрываться — укрывать себя. Возвратная частица «ся» или «сь» в конце глагола — это усеченное слово «себя». Стало быть, призыв «убирайся» означает «убирай себя».

Себя же можно убрать лишь двумя вышеприведенными способами: или уйти от греха подальше, раз уж с тобой так грубо разговаривают, или, вспомнив устаревшее значение слова, нарядиться покрасивее. А вот убираться, то есть «убирать себя» при помощи тряпки, пылесоса и прочих средств малой механизации — сие есть задача трудная, и разреши-ма она только при помощи Царевны-лягушки.

То же самое происходит и со словом «играться» в значении «играть». Вряд ли вы услышите не то что от гроссмейстера, а и от простого любителя: «Давай-те в шахматы поиграемся!» Но сколько угодно — от

родителей малолетних отпрысков: «Иди поиграйся в песочек». Это как, поиграть в песочек себя?

Предвижу возражения, и в принципе они обоснованны. Да, собственно-возвратное значение, то есть направление действия на себя, — это всего лишь одно из значений возвратных глаголов. Есть еще взаимно-возвратное, то есть направленное друг на друга (например, «обниматься»), есть косвенно-возвратное (субъект совершает действие в своих интересах, для самого себя: например, «запасаться»), есть активно-безобъектное и близкое к нему характеризующе-качественное (действие является постоянным и характерным свойством субъекта или подвергается какому-либо воздействию — например, по отношению к собаке — «кусаться», по отношению к ниткам — «рваться»).

И — если вас еще не укачало — есть общевозвратное значение (действие, замкнутое в сфере субъекта как его состояние, — «удивляться») и побочно-возвратное (действие как соприкосновение с объектом, который стимулирует или порождает это действие, — например, «держаться» по отношению к перилам, «удариться», допустим, о порог). И благодаря этому, последнему, значению рассказ о возвратных глаголах приобретает замечательную кольцевую композицию — «удариться» — это, конечно же, «ударить себя».

Но вернемся к тому, с чего мы начали. Слова «играться» и «убираться» встречаются и в словарях, и в классической литературе. Но в словарях — либо

в другом грамматическом значении (например, безличное «что-то мне сегодня и не убирается, и не играется»), либо с пометкой «просторечное» или «разговорное». А в литературе — либо для того, чтобы подчеркнуть «простую» речь очень «простого» персонажа, либо (как часто случается в современном чтиве) — от невысокой культуры и потрясающей простоты самого автора. Но это как раз тот случай, когда простота хуже воровства.

Ну не принято у людей образованных оперировать этими глаголами! А между тем они начали на

нас тотальное наступление: включите телевизор, «в нем» все так говорят — вне зависимости от социального положения. А ведь фразу «пора в квартире убираться» может произнести потомственная уборщица, но никак не человек, претендующий на хотя бы некоторую культурность. Поэтому давайте следить за своим языком. В противном случае нам грозит явление призрака Александра Сергеевича Пушкина, читающего замогильным голосом собственные стихи в новой редакции: «Играйся, Адель, не знай печали».

От редакции

Психологическая драма «Перевернутый мир» Елены Сазанович завершает трилогию «Иная судьба», в которую входят романы «Всё хоккей» и «Гайдебуровский старик» (с ними вы, дорогие читатели, уже знакомы). Эта философская притча продолжает разговор о продаже души и, в сущности, о ее продажности. О совести, о том, как человек пытается не потерять ее в нашем насквозь бессовестном мире. А также о выборе между добром и злом. Хотя, если хочешь выжить, выбора практически нет. И мы так часто покорно принимаем этот вывернутый наизнанку перевернутый мир...

Елена Сазанович — писатель, драматург, сценарист, член Союза писателей России, главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика», член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России. Автор двух десятков книг, опубликованных в России и за рубежом. Лауреат литературных премий: журнала «Юность» имени Бориса Полевого; международного литературного журнала TRAFIKA (Прага — Нью-Йорк); имени Михаила Ломоносова; имени Н. В. Гоголя в конкурсе Московской городской организации Союза писателей России и Союза писателей-переводчиков «Лучшая книга 2008–2010 годов»; Союза писателей России «Светить всегда» имени В. В. Маяковского; Всероссийского литературного конкурса имени Клавдии Холодовой. Номинант литературной премии «Ясная поляна — 2010».

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР

РОМАН

Рисунок Юлии Спасовской

Часть первая

Лесной бог

Я никогда не верил, что человек может быть одинок в большом городе. Наверное, потому, что никогда в таком городе не жил. Издалека мне казалось, что сбежать от одиночества можно. И бежать от одиночества нужно именно в столицу. Стоит только окунуться в толпу, услышать постоянный визг машин, ослепнуть от мигающих неоновых огней супермаркетов. И спрятаться наконец-то от одиночества.

Я и понятия не имел, что здесь, в огромном городе, одиночество еще более страшное и еще более безнадежное. Вырваться из него гораздо труднее. Потому что им заражены все. Эта болезнь точит людей изнутри, хотя в этом никто не признается — даже самому себе. Все суетятся, мечутся, нагружают себя искусственными заботами, проблемами и делами, боятся свободных минут, потому что не хотят оставаться с собою наедине. И признаваться себе в одиночестве. Именно в этом шумном многомиллионном муравейнике я понял, что город — сам по себе одиночка. И каждый человек в нем так же одинок.

Если бы у меня раньше спросили совета, где можно по-настоящему побыть одному, я бы наверняка без раздумий ответил: на природе. Сегодня я без всяких сомнений посоветовал бы снять квартиру в столице, желательно на каком-нибудь многолюдном проспекте или с видом на шоссе. И пожить там пару-тройку дней... И все. Больше бы у меня совета не спрашивали.

Ведь только теперь я понимаю, что на природе один не бываешь. Потому что природа не оставляет человека одного. Природа умеет задавать вопросы и отвечать на них, она умеет слушать и умеет понимать. В лесу обязательно встретишь какого-нибудь заблудившегося грибника. И он непременно посидит с тобой у костра, выпьет по пятьдесят и послушает твою историю об удачной (или не очень удачной) жизни. Или расскажет свою. Толпа не слушает историй и не рассказывает их. Толпа людей мало отличается от механического стада машин. Те же дороги, те же светофоры, та же сумасшедшая спешка...

Такие мрачные мысли нагнала на меня весна. Ее приход в городе я воспринимал болезненно. Да и вообще — разве это весна?

Я сидел у окна и пустыми глазами смотрел на проспект, который утюжили грязные машины. По месиву из почерневшего снега и вчерашнего мусора бодро шагали грязные ботинки и сапоги. На прохожих с крыш домов постоянно лились мутные струйки талой воды. Облезлая ворона уселась на подоконнике и вызываяще каркнула. Ее нервный крик стал последней каплей моего отчаяния, и я, схватив кепку, выскочил на улицу и слился с толпой, думая, что так мне станет легче. Легче не стало. Разве что отвел душу, поругавшись с каким-то длинноносым мужиком, грубо столкнувшим меня в лужу. Он напоминал ворону, и мне захотелось выстрелить в него из рогатки, хотя рогатку я не держал в руках даже в раннем детстве.

И в который раз я почувствовал себя киплинговским Маугли, попавшим в чуждый и враждебный мир, который все больше и больше ненавидел... Что ж, я сам заслужил то, о чем так долго мечтал в своей лесной сторожке, сидя у раскаленной печки и прислушиваясь к щебету птиц и шуму многовековых сосен. Я получил то, о чем знал лишь понаслышке — из газетных статей, болтовни своего маленького черно-белого телевизора и по рассказам случайных приезжих.

Я брел, понутив голову, под морозящим дождем и думал, что там, в оставленном, теперь таком далеком моем мире даже весна другая. И встречал я ее по-другому.

Она приходила почему-то в один день. Я распахивал настежь двери сторожки, и мы с моим верным другом, совсем уже старым псом Чижиком, выбегали на крыльцо. И солнце, совсем еще робкое, освещало кроны деревьев, и воздух, свежий, пахнущий сосновой смолой и пробивающимися почками, сбивал с ног.

— Ну что, Чи-и-ижик! — кричал я.

А эхо мне отвечало:

— Жик, Жик...

— Ну что, мой старый дружище! Пальнем!

И я делал три выстрела в воздух из начищенного до блеска охотничьего ружья. Чижик радостно лаял. А птицы шумно взлетали с веток, напоминая маленькие бумажные самолетики.

— Ну вот и все, дружище. Наконец-то пришла весна. Ты ее слышишь?

Чижик принюхивался, шурил свои узкие глазки и лаял еще громче. Он ее слышал.

В то время рыжий пес Чижик был единственным моим собеседником. То ли к старости у него стала расти борода, то ли он просто хотел подражать мне

во всем. И я стал этим тяготиться. И все чаще жаловался ему на одиночество, на жизненное однообразие и пустоту. Чижик смотрел на меня умным взглядом, чуть прищурившись и склонив голову, а я все разглагольствовал: как это мало, когда в жизни единственный близкий друг — это приبلудный рыжий пес... Только сейчас я понял — как это много.

Чижика я потерял тоже весной. Он ушел однажды утром и не вернулся. Его уход стал последней точкой в моем решении. Решении уехать. Наверное, Чижик понимал это, потому и решил дать мне этот шанс.

Впрочем, мысль об отъезде зародилась у меня гораздо раньше той весны. Возможно, даже несколько лет назад, когда я сидел у костра, палкой перекачивая картошку в потухающих углях. Чижик нетерпеливо бегал вокруг костра и облизывался.

— Ну-ну, потерпи, дружище. Сейчас мы с тобой классно отужинаем.

Я вытащил из рюкзака спелые сочные помидоры, зеленый лук и стал нарезать маленькими ровными кусочками свежее розовое сало, ароматно пахнущее кориандром.

Чижик громко и зло залаял.

— Ты обнаглел, друг, я, между прочим, голоден не меньше тебя.

Но Чижик не успокаивался. Его лай становился все громче и злее.

Я наконец-то оторвался от своего кулинарного занятия, подняв голову. И от неожиданности вздрогнул. Передо мной стоял незнакомец в кепке, зеленой ветровке и рваных джинсах. Я машинально схватился за ствол охотничьего ружья.

В вечерней лесной тишине раздался звонкий девичий смех. Незнакомец, вернее, незнакомка сняла кепку и встряхнула длинными пышными волосами.

— Как страшно, — вызываяще сказала она. — А что, вы бы и впрямь выстрелили?

— Только в крайнем случае, — от неловкости зло огрызнулся я.

— Неужели так легко пальнуть в человека? — продолжала дразнить меня девушка.

— Нет, это нелегко, — серьезно ответил я.

— А вы охотник, да?

Я на минуту задумался.

— Пожалуй.

— И много вы убили медведей и волков? — Девушка присела на корточки возле костра.

— Ни одного, — отрезал я. — Ни одного живого существа я не убил, слава богу.

— Значит, вы очень плохой охотник, — продолжала издеваться она.

— Я охотник на людей. На тех, кто может причинить зло всему этому. — Я обвел рукой вокруг

себя. — К тому же я очень даже хороший охотник, и потому мне не пришлось стрелять даже в людей.

— Станный вы какой-то. И слишком серьезный, — вздохнула девушка.

Она присела на пенек, слегка покрытый мхом. Чирик по-прежнему тихо рычал на нее и суетливо бегал вокруг. Но незнакомка не обращала на пса никакого внимания. Это еще больше злило Чижика, ведь его не боялись.

— Ну-ну, успокойся, дружище. — Я схватил его за ошейник и силой усадил возле себя. — Вот так, сидеть и молчать. Здесь все свои.

Чижик мгновенно успокоился, хотя по-прежнему недоверчиво поглядывал на незнакомку. Он не считал ее своей.

— Вас все так легко понимают — с первого слова?

— Здесь — все. Чей лес — того и пень.

Девушка встала, внимательно осмотрела пенек и, рассмеявшись, вновь уселась на него, вызываясь забросив ногу на ногу.

— И люди тоже?

— Люди... Пожалуй, нет... Хотя я мало знаю людей.

Я осторожно принялся доставать из золы печеную картошку. Чижик радостно завил пушистым хвостом, пригнувшись к горьковатому запаху и облизываясь.

— Нет, Чижик, первое угощение — гостю. Так положено. Будете? — Я поднял голову и стал откровенно рассматривать девушку.

Вообще-то я не мог не признать, что она была красива. Но красива какой-то запрограммированной, положенной, правильной, что ли, красотой. Словно кто-то заложил все данные новомодных журналов в компьютер, который в итоге и выдал на-гора нынешний стандарт красоты. Большие пухлые губы, раскосые светлые глаза, вздернутый носик, длинные ноги и тоненькая фигура.

— А знаете, — рассмеялась она, — вы типичный представитель лесного братства — лесник или егерь. Я другого и не представляла. Этаким бородастый, огромный, слегка неуклюжий мужик с обветренным лицом и грубыми руками.

Вот тебе на! Оказывается, я не менее стандартен. Впрочем, в этом люди мало отличаются от растений и животных. Нас легко можно классифицировать по родам и видам. Мир очень мал и не так разнообразен, как это может показаться на первый взгляд. Я это понял давно и именно здесь, на природе. Лес давно стал для меня моделью нашего мира. Тот же покой и те же войны. Те же хищники и те же жертвы... И гораздо позднее в многомиллионном городе я убедился в своей правоте.

А сейчас я рассмеялся, и мой смех затерялся в кронах пробуждающихся деревьев.

— Вы смеетесь надо мной? — надула пухлые губы девушка.

— Нет, скорее, над собой. Оказывается, не только люди, но и мысли довольно стандартны. Мы с вами такие разные, а подумали об одном и том же.

— Ага, понятно, значит, вы с первого взгляда меня разгадали. И кто же я?

— Скорее всего, актриса, — не раздумывая, ответил я. — Или, возможно, модель... Хотя нет, вам, наверное, нравится постоянно во что-нибудь играть. Так, сейчас вы играете роль заблудившегося в лесу путника, внезапно встретившего местного аборигена.

Девушка рассмеялась и откинула упавшие на лицо пряди светлых волос.

— А вот это нечестно, — капризно заявила она. — Вы прекрасно знаете, что здесь находится Дом творчества актеров. Поэтому ничего вы не угадали, а просто знали.

Да, я это знал. Поскольку охранял лесной заповедник и для них, и от них. И, частенько обедая в столовой актерского пансионата, наслушался высокопарной болтовни о блеске, порывах, вдохновении и бурной жизни. Равно как и о разочарованиях, обидах и отчаянии. И то и другое было мне чуждо. Всякий раз, когда какая-нибудь знаменитость (которую я, как правило, не знал, хотя должен был знать) говорила мне усталым тоном: «Вы знаете, я вам завидую. Всю жизнь прожить в лесу... Возможно, в этом и есть счастье. Не то что мы, грешники... Все суетимся, толкаем друг друга локтями и не находим времени побыть одному...», я думал, что побыть одному всегда найдется время. В такие минуты мне хотелось сбежать от этого непонятного, суетливого, далекого мира в свою маленькую сторожку к верному другу Чижика, единственному, кто меня всегда понимал. К единственному, кого понимал я...

Впрочем, если быть справедливым до конца, то мне нравились многие обитатели этого дома. А с некоторыми я даже дружил. Мне доверяли тайны, зная, что дальше лесной сторожки они не уйдут.

Так, одна премилая старушка в большой яркой панаме как-то сказала, что ее мечта — сделать для меня костюм лесного бога. Она была костюмершей. Бывшей костюмершей. И не раз повторяла:

— У вас прекрасные данные для кино. Вы так естественны, молодой человек! Так просты! Как сама природа. Ведь когда мы ее снимаем на пленку, она ничего не играет. И, как правило, ее роль получается лучше всего.

Я смеялся в ответ и отчаянно кивал головой.

— Нет уж, Марианна Кирилловна, только не кино. Мое кино здесь. — Я обводил рукой свои зеленые

владения. — И вы тоже часть этого фильма. Мне этого предостаточно.

— А жаль, — вздыхала бывшая костюмерша. — Город так портит людей. Особенно актеров. Они теряют ориентацию, чересчур легко разбрасываются своими мыслями и убеждениями. И в итоге превращаются в кукольных персонажей. За них приходится думать и за них — придумывать жизнь. А это уже другой театр...

Марианна Кирилловна была единственным человеком, от которого мне не хотелось бежать. Напротив, каждый год я с нетерпением ожидал ее приезда. В наших местах она появлялась с точностью до одного дня. В своей огромной ярко-красной панаме. И в ее номере всегда красовался неизменный букет сирени. От меня. Как и все люди леса, я был немного сентиментален. И хотя не любил ломать кусты, для костюмерши делал исключение каждый год. В день ее приезда. Это была моя сирень, пылающая пышными красками под окном сторожки. Эту сирень Марианна Кирилловна особенно любила. И всегда принималась искать цветов в пять лепестков в букете, неизменно находила и — по примете — съедала, чтобы сбылось какое-то желание.

— Какая варварская примета, — смеялась она приглушенно. — А как приятно. И главное, веришь, что твое желание обязательно сбудется.

— И сбывается?

— Вы знаете, Даня (она так называла меня), как ни странно, на вашей сирени я загадываю одно-единственное желание. Уже который год. И оно непременно сбывается. Так что берегите эту сирень. Она в некотором роде — мой талисман.

— А что вы загадываете, если не секрет?

— Секрет, безусловно! Хотя и довольно предсказуемый. Какое может быть желание в моем возрасте?! К тому же при моем абсолютном одиночестве.

— Если вас это утешит, Марианна Кирилловна, я тоже абсолютно одинок.

— Ну что вы, Данечка. В вашем возрасте человек не бывает одиноким, даже если он совсем один. У вас — еще много будущего и совсем мало прошлого. Тогда как у меня — все наоборот. К тому же на природе человек не бывает один. Он бывает один лишь в большом, очень большом городе. Вы не согласны?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Я не жил в большом городе.

— В таком случае вам вдвойне повезло.

— Но ведь вы можете приехать навсегда к нам или еще куда-нибудь, поближе к природе и подальше от одиночества.

— Да, могу. — Костюмерша на минуту задумалась, слегка поморщив и без того морщинистый лоб. — Как странно бывает, Даня. Уехать из большого города, по сути, гораздо легче, чем приехать и устро-

ить в нем свою жизнь. И тем не менее в основном все приезжают...

— Ну, будьте же тогда исключением. Счастливым исключением.

— Данечка, Даня. — Марианна Кирилловна легонько похлопала меня по небритой щеке. — Живешь в основном там, где жить привыкаешь. Даже если привыкаешь к самому дурному. И потом, — она неожиданно рассмеялась и даже помолодела, — кому мне здесь шить костюмы? Ваше зверье, ваши пернатые и эта моя сирень в костюмах не нуждаются. Они совершенны. В костюмах нуждаются люди. Вы заметили, как часто любим мы менять одежду? Это потому, что не уверены в себе. А те, кто становится артистом, не уверены и недовольны втройне. И пытаются это компенсировать игрой в чужие жизни... Зверям и птицам это не нужно. И вам, Данечка, наверное, тоже. Вы все время, сколько я вас знаю, в одном и том же оперенье. Вы — как они... И все же, право, жаль, что я так и не сошью вам костюм лесного бога.

— Идемте, Марианна Кирилловна, я вам покажу лесных богов. Они не нуждаются в костюмах. И совсем на меня не похожи.

И в который раз мы шли прогуливаться по лесным тропам. Я рассказывал о цветах, деревьях, птицах и зверях. Об образцовых лесосеках, на примере показывая, как рубить лес с минимальным ущербом для него. Жаловался на самовольные порубки, на браконьеров. С пылким убеждением говорил о том, что хорошо знал. Лес был моим домом, где я родился в семье лесника. И, наверное, умру здесь... Так мне тогда казалось. А потом я слушал Марианну Кирилловну, которая с не меньшим вдохновением рассказывал об огнях Большого города. О его кознях, его недружелюбии, его страхах. И мне казалось, она очень тоскует по нему.

— Как странно, Данечка, там выживают, а здесь живут. Хотя, казалось бы, по логике вещей и природы, все должно быть наоборот. И все-таки жить бы мне хотелось только там. А вот умереть...

Мы остановились на пригорке, усыпанном белыми ромашками. Солнце медленно уплывало вниз, за горизонт, оставляя красные полосы на мягком лиловом небе. Бабочки кружились возле цветов, и звонко стрекотали кузнечики. Мне запомнился этот вечер, и этот закат, и это прощание. Тогда я еще не знал, что навсегда.

— А вот умереть, — задумчиво повторила Марианна Кирилловна, — наверное, я бы хотела здесь. Могилы людей должны быть рассыпаны по полям, лесам, возможно, морям. Это как-то естественнее. Только не в городах. На природе смерть выглядит вовсе не страшной и даже логичной. А в городе нужно жить и выживать. Вы не находите?

Я пожал плечами, собираясь уже возразить, но она прервала меня:

— Не отвечайте. Вам еще рано думать о смерти. И все же умереть здесь было бы верным. Здесь каждый день что-то рождается, что-то умирает, но это не выглядит трагедией. Напротив, это предстает панорамой вечной, непрерывной жизни.

— Пожалуй, — согласился я. И наклонился возле зеленого лопуха, на котором уютно примостилась маленькая желтенькая букашка. — Этому жучку жить всего один день.

Марианна Кирилловна наклонилась вслед за мной, внимательно разглядывая насекомое.

— Подумать только. Всего один день! Впрочем, этого бывает достаточно, чтобы ощутить всю полноту жизни. А бывает — и всей жизни мало, чтобы ее понять.

— Приезжайте на следующий год, Марианна Кирилловна. Я вас буду ждать.

Ее морщинистые щеки запылали. И она мило улыбнулась.

— Спасибо, Даня. Как ни странно, но вы, пожалуй, единственный человек, кто меня где-то ждет. Вот видите, мне не хватило целой жизни...

Подул легкий ветерок, букашка соскользнула с лопуха и растворилась в зеленой траве. Солнце по-прежнему катилось все ниже и ниже, оставляя за собой на небе алые следы.

А на следующий год, когда я принес охапку сирени в ее номер, маленькая шустрая горничная сказала, что Марианна Кирилловна не придет.

— Не понял, — машинально ответил я, ставя цветы в трехлитровую банку.

— Да умерла твоя костюмерша. Царство ей небесное, — горничная проворно перекрестилась.

Я сидел в номере Марианны Кирилловны, тупо уставившись на цветы.

А ведь мне казалось, что так будет из года в год — она придет и увидит на тумбочке пышный букет сирени. Я по-прежнему слышал ее приглушенный тихий голос: «Данечка, вы так похожи на лесного бога».

Я-то думал, что законы жизни везде одинаковы. Что за зимой идет лето, за дождем — солнце, и на голых ветках появляются почки. А потом все умирает, чтобы родиться вновь. Но Марианны Кирилловны уже не будет никогда. Ее похоронили в большом городе, хотя она и считала это нелогичным. Мне почему-то все время казалось, что похоронена она именно здесь, в этих местах. Возможно, потому, что я оказался для нее единственным близким человеком на этой земле. Единственным, кто ее по-настоящему жалел и любил. Я вдруг понял, что могилы не там, где похоронен человек, а там, где его всегда будут помнить.

Вечером я сидел в сторожке и поминал домашним калиновым терпким вином свою костюмершу.

Ветер усиливался. Громко и настойчиво барабанил в окно резкий дождь. Тихо и печально выл Чирик. Вдруг раздался грохот фрамуги, посыпалось разбитое стекло, и я услышал на улице сильный треск. А потом в одну минуту все стихло. Я выскочил на крыльцо. Под окном лежал раненый ветром куст сирени. Талисман костюмерши. Я стал быстро срывать под неутихающим дождем ветки с цветами. А утром отнес еще влажную сирень на пригорок, где мы прошлым летом прощались с Марианной Кирилловной, и бросил букет на траву. В сиреневых цветах заиграло весело солнце. Мне по-прежнему казалось, что похоронена она была именно здесь. Потому что это логично. Я нашел цветочек с пятью лепестками и проглотил его. Но желания не загадывал. Это была по-прежнему ее сирень и ее желание, которое она мне так и не раскрыла. Но которое все же сбылось, даже после ее смерти...

Почему именно теперь, глядя на испачканное золой лицо незнакомки, я вспомнил костюмершу? Наверное, потому, что девушка, как и Марианна Кирилловна, пришла из того, другого, непонятного и нежеланного мира. И пыталась, сама не ведая того, меня им заразить.

— Вы испачкались, — улыбнулся я девушке.

Она с аппетитом, как и положено на свежем воздухе, поглощала картошку с сочными помидорами и кусочками нежной грудинки.

— Ничего более вкусного в жизни не ела, — по-детски сказала она, угощая остатками сала Чирика. Но тот почему-то заупрямился и не брал из ее рук.

— Вот и все, — я затушил остатки костра и убрал мусор в рюкзак. — Идемте, я вас провожу.

Мы вышли на широкую лесную тропу. Нам было не о чем говорить, ведь мы были совсем незнакомы.

— Ну что ж, тогда познакомимся, — ответила на мои мысли девушка.

Я узнал, что ее зовут Лида, что она студентка театрального, что приехала сюда впервые по настойчивой рекомендации бабушки.

— Вы бы знали, Даник, как она расписывала это место!словно это маленький рай в окружении бесконечного ада.

— Вы разочарованы?

— Не знаю, — девушка пожалала плечами, — еще не знаю. В любом случае, отдых есть отдых. Хотя, признаюсь, здесь скучновато. Местечко больше подходит для одиноких старушек.

— Я, в общем-то, не одинокая старушка. Но скучно мне никогда не бывает.

— Ну... Вы ведь вынуждены здесь жить. Это ваша работа.

Это моя работа. Охранять все живое и беззащитное. Но никто меня не принуждал. Впрочем, Лиде я не ответил. И молча протянул руку на прощание.

— Желаю вам приятного отдыха.

— Вы так говорите, словно мы никогда больше не увидимся.

Не знаю почему, но я действительно не хотел с ней больше встречаться. Мой внутренний, почти звериный инстинкт подсказывал, что от этой девушки нужно бежать. И как можно дальше.

— Вы разве не пригласите меня еще раз поужинать в вашем лесу? — обиделась она. Видно, эта девушка никогда не знала отказа.

— Я ужинаю в основном дома. А это... Чистая случайность. Скорее, прихоть моего разбалованного пса.

Девушка пожала плечами и, капризно хмыкнув, скрылась в дверях пансионата. А я облегченно вздохнул. Домой, скорее домой. И Чижик радостно побежал впереди меня, словно указывая правильный путь.

Но этот вечер не обещал быть спокойным. Дома меня поджидала Валька. Словно маленький пушистый зверек, она свернулась калачиком в углу старенького дивана. В моей избе было прибрано, свежо и аппетитно пахло жареным мясом — дело ее рук.

— Привет! — крикнул я ей.

Она вскочила с места и радостно бросилась ко мне навстречу.

— Данька! — закричала она. — Где ты был, гадкий разбойник! Я жду тебя целую вечность!

Чижик бросился к Вальке, лизал радостно ее ноги, высоко подпрыгивал на месте. Он ее очень любил.

Я, пожалуй, впервые не обрадовался появлению Вальки и осторожно освободился из ее цепких рук. Черт, ну и вечерок выдался. Ведь хотел же побыть один, со своими мыслями, так нет, целая вереница непрошенных гостей.

Валька обиженно надула губы и уселась на прежнее место. Мне стало стыдно. Она славная, милая девчонка, почти ребенок, и главное, по уши влюблена в меня. И мой звериный инстинкт в который раз подсказывал, что жениться мне нужно только на ней. Для каждого нарисована линия судьбы, и важно увидеть эту линию, идти по ней и никогда не отступать в сторону, тогда судьба и получится, возможно. Моим домом был лес, моими друзьями — звери и птицы, а моей женой должна стать непременно Валька.

Я уселся рядом с ней и ласково взял ее за руку.

— Ну же, Валенок, не дуйся.

Вальку я знал совсем ребенком. Она росла у меня на глазах, этакий сорванец: похожая на мальчишку, спортивная, ловкая. Она жила в соседнем поселке и была дочкой местного доктора Кнутова. Хотя совсем не походила на дочку доктора. Она лазила, как кошка, по крышам и деревьям, не раз срывалась и падала. Приходила домой в ссадинах и царапинах. Сколько помню, непременно на ее руках и ногах красовалась зеленка, которая словно превратилась в родимые пятна этой взбалмошной девчонки. Когда я вернулся из армии, то поначалу даже не узнал ее. Валька — всего за каких-то жалких два года — превратилась в хорошенькую девушку, хотя по-прежнему напоминала мальчишку. Маленькая, крепкая, с взъерошенными короткими волосами и россыпью веснушек на круглом лице. И все же она была другая. Узнал я ее по зеленым пятнышкам на острых коленках. Я часто ловил на себе ее жадный, горящий, почти взрослый взгляд. И не скажу, что он оставлял меня равнодушным. При виде нее не раз стучало мое сердце и не раз горели ладони. Доктор Кнутов сразу все понял и однажды, появившись в сторожке, откровенно и без лишних предисловий заявил:

— Я вас очень уважаю, Даниил. Я знал вашего отца, вашу мать. У вас были очень честные, порядочные родители. Поэтому... В общем, Валечку я очень люблю. И конечно, хотел, чтобы она шла по моим стопам. Но вы знаете, какая это упрямица. Она мне заявила, что хочет жить в лесу, с вами. И ничего ей больше в жизни не нужно. Впрочем, я уважаю ее мнение, которое, кстати, может перемениться. Ведь жизнь не стоит на месте. И поэтому, если она так хочет... К тому же она неважно окончила школу и вряд ли сможет осилить такую сложную науку, как медицина. В общем, Даниил, как вы решите. Я вижу, вам моя дочь нравится. Но я, знаете ли, человек старой закалки и, возможно, по нынешним временам слишком устаревших взглядов. Поэтому только если вы на ней женитесь... На другое я не согласен.

— Мне нравится ваша дочь, Андрей Леонидович, — так же откровенно ответил я ему. — Но, думаю, она еще слишком молода. И действительно, все может измениться. В общем, я ничего дурного никогда ей не сделаю и не обижу ее. А там будет видно. Ведь мы почти друг друга не знаем. Только по детству. А тогда все было по-другому. И мы были совсем другими...

Таков был наш короткий разговор с доктором. А Валька, узнав про него от отца, тут же принялась делать все, чтобы мы узнали друг друга получше. Она часто бегала ко мне. И всюю изображала из себя хорошую хозяйку. Впрочем, она таковой и была. Жизнь вдвоем с отцом ее многому научила.

И теперь, глядя на россыпь мелких веснушек, копну лохматых волос, дешевый ситцевый сарафанчик в мелкую клетку, я почему-то невольно сравнивал ее с Лидой. И сравнение было далеко не в пользу Вальки. По сравнению с Лидой она выглядела слишком уж простовато, что ли. Хотя это было нечестно, несправедливо по отношению к ней. Валька — дитя природы, рожденное в этих полях и лесах, дитя поселка с его простенькими кирпичными домами. А природа не может быть усложненной. Природа всегда проста. И если смыть с Лиды краску, подстричь волосы, нарядить в деревенский сарафан... Она все равно останется Лидой. Потому что она из другого мира, сложного, непонятного и напыщенного. А это уже будет не в ее пользу.

Я виновато похлопал Вальку по разбитой коленке, замазанной зеленкой.

— Опять упала, Валенок? И когда ты только повзрослеешь?

Валька, не ответив, зашмыгала громко носом.

— А от тебя чем-то пахнет.

— Печеной картошкой. Мы тут с Чижиком поужинали в лесу. Пойду умоюсь. — Я привстал с места, но Валька с силой потянула меня за ветровку.

— Нет, не картошкой. Чем-то незнакомым. — Она вновь зашмыгала носом. — Чем-то таким холодным, слишком красивым, почти неживым, что ли.

— Да ну тебя! — Я все же вырвался из ее цепких рук и резко встал с места, чтобы она не заметила моего смущения.

— Новый заезд в санатории, слышал? Говорят, в этом году много молодых приехало... И все артистки. Скучотища!

— Ты о чем?

— Знаешь. Никогда не хотела быть артисткой, а все хотят. И кино никогда не любила, а все любят. Мне кажется, они все несчастные. И сейчас, ты думаешь, они от хорошей жизни сюда приехали? Я сама слышала, что у них там, в больших городах, с парнями напряженка!

— Что ты знаешь о больших городах, глупенькая?..

— Ничего, — тут же согласилась Валька. — И знать ничего не хочу. Разве можно сравнить большой город и большой лес? Если б ты знал, как я городских часто жалею. Ведь они ничего не знают, ничего не понимают. Они думают, что жизнь может пройти вот так, в квартирах, в машинах, в магазинах. Боже, как это все грустно!

— Грустно, — машинально повторил я за Валькой.

Пожалуй, тогда впервые в моей голове зародился некий протест. Мне вдруг захотелось попробовать жизни в квартирах, машинах и магазинах. Хотя, возможно, эта мысль возникла еще при общении с костюмершей, когда я слышал ее грустные разговоры об одиночестве в Большом городе, который она так любила. И мне тогда, как и теперь, вдруг захотелось попробовать, физически ощутить то другое, непонятное одиночество и забраковать его. И я почему-то вспомнил Лиду. Как все-таки она красива и как не похожа ее стандартная красота ни на какую иную. Впрочем, не стандартна ли Валька? Этаким лохматый бесенок с обветренным лицом, дитя леса, который кто-то справедливо называл раем. Но мне он почему-то раем уже не казался.

Чижик грустно смотрел на меня и не вилял хвостом. Чижик, мне кажется, догадывался, что творится в моей бунтующей душе. И я поцеловал его в рыжую морду. Мне так не хотелось его предавать.

— Давай, Даня, ужинать, — предложила Валька. — Я такую вкуснотищу состряпала! По одному французскому рецепту — называется «селяви».

Я наотрез отказался. Я был по горло сыт — и ужином, и сегодняшним вечером. От Валькиной стряпни я отказался впервые. И она ушла, обидевшись. А я еще долго лежал напротив окна и наблюдал за мигающими яркими звездами. Ими было усыпано все небо. Их было так много, и они были так похожи, что я подумал — неужели, если кто-то наблюдает за нами с другой планеты, он видит людей такими же одинаковыми и безликими? Впрочем, может, это и так...

А следующим утром мне неожиданно пришло послание от Лиды. Его принес мальчишка, сын сторожа пансионата. Мишка хитренько мне подмигнул и торжественно вручил записку. И замер в ожидании, когда я ее прочту. Подперев руки в боки, он наблюдал за моей реакцией. Мои глаза лихорадочно бегали по аккуратненьким буквам.

«Здравствуйте, лесной дикарь! Я сегодня буду загорать на озере, возле засохшего дуба. Пожалуй, вам следует пройти мимо этого привлекательного для браконьеров местечка. Вдруг они оглушат всех золотых рыбок. Лида».

Я поднял глаза и столкнулся с лукавым взглядом Мишки. Он, видимо, уже успел выучить эту запи-

сочку наизусть, пока бежал ко мне. И, похоже, собиравшись читать ее, как стихи, по памяти всем обитателям Сосновки.

— Ну и?.. — его глаза возбужденно блестели. Мишке не терпелось узнать, как дальше будут развиваться события. Ведь событий в деревушке было так мало.

— Что — ну и? — я чуть ли не кричал на него. — Отвлекают с утра от работы! Какие-то непонятные записочки подкидывают! Что за идиотизм! Вот расскажу отцу, чем ты тут занимаешься, будешь знать, — пригрозил я Мишке для большего устрашения кулаком.

Но он не испугался, продолжая нахально лыбиться. Вообще-то мы с Мишкой были хорошими друзьями, и он прекрасно знал, что я ничего никому не расскажу.

— Расскажу отцу, ей-богу, Мишка, — уже неуверенно повторил я.

Впрочем, отца Мишка боялся так же, как и меня.

— Да ладно тебе, Данилка, я сам ему все расскажу с удовольствием!

У меня от такой неслыханной наглости перехватило дыхание.

— Ну, так будешь отвечать или нет? — Мишка сверлил меня хитрыми круглыми глазками.

— И не собираюсь! Какой-то разбалованной девичье вздумалось загорать, а я-то при чем?!

— Ну, тебе виднее. К тому же она пишет, что там бывают браконьеры... Может, проверишь, а?

Это было уже издевательством. Браконьеров на озере быть не могло, потому что там ловить нечего. Рыба водилась в реке, в заповедной зоне. А этот искусственный водоем был вырыт специально для артистов, отдыхающих от славы в пансионате.

Я схватил камешек с земли и замахнулся в шутку на Мишку.

— А ну дуй отсюда!

Мишка отскочил в сторону.

— Зря не ответил! Ну ладно, Дон Жуан, пока! И все же советую.

Я несильно бросил камешек вслед Мишке.

— И не вздумай болтать вскую чушь!

— Нем, как золотая рыбка! — уже издали раздался насмешливый голос Мишки.

Этим днем я был выбит из седла. Бессмысленно бродил по лесу, пожалуй, впервые не наслаждаясь его красотой и силой. Не слышал пения птиц, стрекота кузнечиков. Лишь машинально проверял свои владения, собирал мусор в мешки, искал поврежденные ветром деревья и кустарники, заглядывал в гнезда и норы. Мои мысли были где-то далеко-далеко, и сам я не мог понять где, и не мог за ними угнаться. Я все время сворачивал с одной тропы на

другую, подальше от выхода к озеру. Тем не менее какая-то предательская тропа меня вывела именно к водоему. Впрочем, возможно, туда вывели меня мысли.

Озеро блестело на солнце, как огромное хрустальное блюдо, на котором, словно апельсины, плавали ярко-желтые кувшинки. Его, как мухи, облепили отдыхающие. Слышались крики и хохот. Кто-то играл в мяч, кто-то плавал, кто-то просто безжизненно валялся на берегу, подставив тело яркому солнцу. Это был не мой праздник, на нем я точно посторонний.

Я затаился среди развесистых ветвей ели. Мой взгляд бегал по персонажам чужого праздника и не находил нужного мне героя, вернее, героиню. А она ждала меня возле старого засохшего дуба. Как и написала. Но я не видел ее из своего укрытия. Лишь черные, голые ветви погибшего дерева. И маленькую фигурку, почти точку под ними. Как околдованный, я впился взглядом в эту точку и стал потихоньку приближаться. Чего я ждал? Я не знаю, во всяком случае, мое терпение было вознаграждено. Точечка стала увеличиваться в размерах и в конце концов приобрела реальные очертания. Я увидел Лиду.

В это утро она выглядела необыкновенно красивой. И я признал, что был тысячу раз не прав, когда называл ее красоту стандартной. Гибкое, как у лани, тело блестело на солнце. Длинные пышные волосы весело колыхались на ветерке. Она небрежно сбросила вьетнамки и вошла в воду. Мое сердце бешено заколотилось. Я боялся, что его оглушительные удары услышат на берегу. Но никто даже не обернулся в мою сторону. «Меня околдовали, меня околдовали», — стучало мое сердце. «Тебе нужно уходить», — вторил ему разум. Но я не уходил. Мои ноги словно приросли к земле. Колючие еловые лапы пытались меня спасти, больно царапая по лицу. Но я не очнулся.

А Лида медленно заходила в воду. Но почему-то не плыла. И вдруг прямо перед ней вынырнул, словно большая рыба, какой-то парень. Даже издалека я заметил, что он безупречно красив. Белые волосы удивительно гармонировали с загорелым спортивным телом. «Этакий герой из музыкального клипа», — пронеслась в моей голове злая мысль.

И все же я не мог не признать, что Валенок ошибалась. В больших городах с парнями все в полном порядке. Что он и сумел мне продемонстрировать, тут же подхватив Лиду под руки и бросив в воду. Похоже, этот клиповый герой пытался научить ее плавать. И Лиде это очень, даже слишком нравилось. Она хохотала, изображая дрянную ученицу, цеплялась за шею парня и тянула его за собой в воду. Мне вдруг показалось, что истина другая. Что де-

вушка должна чувствовать себя в воде как рыба. Что все это театр, спектакль, в котором играют настоящие актеры. Только для чего и для кого? Это мне было непонятно. Никто на них не обращал внимания. Единственным зрителем был я, но они-то ведь этого не знали. И я, благодарный зритель, смотрел, как они барахтаются в воде и хохочут. Парень вновь нырнул, появившись через минуту с ярко-желтой кувшинкой в зубах. И тут же ловко вдвинул ее в пышные волосы Лиды. Мокрая кувшинка заиграла на солнце разноцветными красками в красивых Лидиных локонках. Околдовала...

Я встряхнул головой и зло сплюнул. Черт, не зритель, а обыкновенный болван. Что я здесь, в конце концов, делаю?! Колючая еловая лапа вновь больно царапнула меня по лицу, и я со всей силы сжал ее в руке. Посыпались зеленые иголки. Ладонь горела. И я очнулся, словно после глубокого сна. Приворот завершил свое наркотическое действие. Мне стало стыдно за себя, за то, что я прячусь в гуще деревьев и слежу за чужой жизнью (или чужим спектаклем, какая разница?). Как я вообще смею думать о такой девушке, как Лида? Я должен знать свое место. Оно здесь, где я чувствую почву под ногами. Я даже топнул пару раз по земле. Земля прочно держала меня. И я виновато погладил еловую ветку... Домой, конечно, домой. Что может быть лучше и что может быть вернее?

Дома меня ждал обиженный Чижик. Он смотрел на меня грустным взглядом. Я впервые не взял его с собой.

— Не смотри на меня так, Чижик. Мне и без тебя плохо. Но даю тебе честное слово больше там не появляться.

Чижик завилял хвостом и благодарно лизнул мою руку.

Ночью я, все так же вглядываясь в ночные звезды, думал о Лиде. И ревность обжигала мое сердце. И щеки мои горели. Пусть будет так. Дал слово — держи. Я успокоился и тут же уснул.

Однако следующим же утром нарушил данное честное слово. И вновь, как пригвожденный к земле и прикованный цепью к дереву, стоял на том же месте и наблюдал за праздником, на котором был по-прежнему таким чужим. Но мне чужим быть уже не хотелось.

А Лиду по-прежнему учил плавать клиповый герой. И ей по-прежнему это нравилось. Она барахталась в воде, как беспомощный ребенок, которого хотелось защищать и оберегать. Так хотелось прижать ее мокрое тело к своей груди, провести рукой по мокрым путаным волосам. Но за меня это делал другой. Наверняка с ним она и приехала. И от беспомощности я до боли сжимал кулаки. К закату

солнца чары рассеивались, и я понуро брел домой, уже не желая этого дома. Я брел в свое одиночество, в свою звездную ночь, чтобы вновь думать о Лиде. И в очередной раз клясться Чижику, что утром следующего дня слово свое не нарушу. И вновь его нарушал. И на третий день, и на четвертый.

В один из них (уже плохо соображая, что делаю) я решил навеститься в Сосновку.

— Пойдем, Чижик, проведем Валенка. Что-то она давно не забегала. Наверняка обиделась. Я вел себя как последний осел.

Чижики со мной полностью согласился, особенно по поводу последнего.

Я же поймал себя на мысли, что совсем не хочу видеть Вальку. Что не знаю, как вести себя с ней и тем более что говорить ее отцу. Поэтому когда соседи сказали, что они уехали дней на десять в райцентр, я искренне обрадовался. И наконец признался себе, что шел совсем за другим.

Я невольно замедлил шаг возле перекошенного дома, в котором жил мой приятель Мишка. Мне не терпелось встретиться с ним. Ведь он был единственной ниточкой, связывающей меня с Лидой. Он один знал нашу тайну и на сегодняшний день оказался самым близким мне человеком.

Мишка беззаботно развалился на крыльце и щелкал семечки. Моей радости не было предела. Но на лице я изобразил полное безразличие.

— Привет, Мишка, — устало протянул я, останавливаясь возле забора.

— Привет. — Мишка хитро сощурился и в очередной раз плюнул.

— Ну и как они... дела?

— Да вроде бы ничего, — Мишка отвечал односложно, но я чувствовал, что он меня дразнит.

— Чего расплевался! Уже весь двор замусорил! Кто за тебя подметать будет! — я начинал злиться.

— Мать подметет, — ехидно ответил Мишка и вновь сплюнул шелуху.

— Мог бы и подняться, когда со старшими разговариваешь.

Мишка нехотя поднялся, оставив свои семечки, и, забросив руки в карманы, качающейся походкой, как матрос, медленно приблизился к забору.

— Ну чего прицепился, Данька? Говори сразу, чего надо!

— Да ничего мне не надо, с чего ты взял, что мне что-то от тебя надо? — Я пожал недоуменно плечами. — Просто вот шел к Вальке, а она уехала. Да и ты давно не заглядываешь, случилось что?

— Времени нету! — важно ответил Мишка. — Знаешь этих приезжих. За ними нужен глаз да глаз. А в этом году столько молодых приехало! Вот они и веселятся с утра до вечера! Я даже на танцы к ним ходил.

— Бездельники, вот и веселятся!

— Может, и бездельники! Но такие красивые! — Мишка уставился на меня, ожидая очередного вопроса.

— А мне-то что, у меня дел по горло! — Я провел ладонью по шее для убедительности. — Вот и сейчас заболтал ты меня, чушь всякую мелешь, а меня дома ждет куча дел! Эти бездельники еще гляди — лес перепалят! — Я разозлился не на шутку и, резко повернувшись и даже не попрощавшись, двинулся прочь.

Мишка не ожидал, что я так резко уйду, не доставив ему удовольствие рассказать местные сплетни. И тут же выскочил за калитку и закричал:

— Эй, Данька! Погоди!

Я нехотя остановился.

— Дурак ты, Данька! Все проморгал! Эх, если бы я был на твоём месте! Если бы мне такую записочку! Да от такой красоти...

— Интересно, что это я проморгал?

— Дурак ты, Данька! Я сам видел, как она целовалась с другим! С таким красавчиком! Я его в каком-то клипе видел! Дурак ты! Тебе нужно поболее в народе гулять. В лесу люди лысеют, а в людях людуют! Гляди, уже скоро лысина засветится на макушке!

Мишка все это выпалил на одном дыхании и тут же, в одну секунду, скрылся за воротами от меня и от греха подальше.

— В людях люди становятся людоедами! — только успел я крикнуть вслед мелькающим пяткам Мишки.

Мишкина новость добила меня окончательно. Я ходил из угла в угол по своей сторожке и не находил себе места. Со мной ничего подобного в жизни не случалось. Я всегда гордился, что могу себя держать в руках. Сегодня же мои руки совершенно обессилели и почва уходила из-под ног. Неужели это и есть любовь? Тогда почему так больно?

Чижики умоляюще смотрел на меня, ожидая очередного честного слова, что глупости больше не повторятся. Но в этот раз я ничего Чижику не пообещал. Чижику было больно не меньше моего.

Следующим днем я наотрез отказался быть зрителем и, едва увидев Лиду под засохшим дубом, тут же решительно, почти зло направился к ней.

— О, это вы, дикий человек! — Она слегка приподнялась на локтях. — А я-то думала, мы распрощались с вами навсегда.

— Как видите, нет.

Я злился на себя, на свою слабость, на свой лесной мир, в который Лида не могла войти и принять который не могла. Что я вообще делаю рядом с этой богиней! Я чувствовал себя настолько нелепым ря-

дом с ней. Действительно, дикарь. Неуклюжий, здоровый, бородатый. «Домой, скорей домой», — прозвучали в моей голове волшебные слова, которые всегда выручали меня в трудных ситуациях.

Лида словно почувствовала мое намерение поскорее сбежать и остановила:

— Садитесь рядом.

Я от неожиданности бухнулся прямо на землю. Она была так близко. Это загорелое гладкое тело, эти пухлые чувственные губы, на которых играла приветливая улыбка. Эти влажные волосы... У меня перехватило дыхание. Слова застряли в горле. И в знойном воздухе, как грозовое облако, повисло тягостное молчание.

— Будет дождь, — выдавил я наконец самое умное из того, что пришло в голову.

Лида опрокинула голову вверх, вглядываясь в душное небо.

— Вы предсказываете погоду?

— Предсказывают гадалки. А я знаю.

— А что вы еще знаете? — Лида откровенно смотрела в мое лицо. И я смутился. Хорошо, что я зарос бородой, иначе она непременно заметила бы, как я покраснел.

— Ну же, — торопила она меня. — Что же вы еще знаете?

Мне так хотелось ответить, что я знаю наверняка, что люблю...

— Знаю... Знаю, что если среди лета появляются на деревьях желтые листья — к ранней осени и зиме. — Запрокинув голову, я посмотрел на корявые черные ветви дуба. На нем не было и не могло быть ни одного листочка.

— А еще?

— Еще... Еще скоро день Прокла Плакальщика. Говорят в народе, что на Прокла после росы промокло. В это время роса особенная, целебная. Она помогает от многих болезней. А если умоешь ею глаза — станешь лучше видеть.

— Еще, — дразнила она меня.

Я осторожно прикоснулся к уродливым ветвям дуба, словно боялся его ранить. Хотя ранить мертвого невозможно.

— Знаю, что под этим дубом часто сидят те, кто влюблен.

— Неужели? — Лида всплеснула ладонями. — Ну же, рассказывайте, мне так интересно. Это дерево приносит счастье?

— Смотря кому. Только тем, кто влюблен по-настоящему. Оно... Ну, как бы умеет угадывать настоящую любовь. Так говорят старожилы. Дерево погибло много веков назад, в него попала молния. А однажды, когда под ним целовались влюбленные, на засохших черных ветках выросли зеле-

ные листья. И эти молодые люди были счастливы до конца жизни. Вот многие сюда и приходят, чтобы удостовериться в истинности своей любви. И ждут, появится ли на мертвом дереве молодая зелень.

Лида смотрела на меня широко раскрытыми глазами, совсем по-детски.

— И вы... Вы сидели под этим дубом?

— Приходилось, — как можно небрежнее бросил я.

— И... И видели зеленые листочки? — В ее вопросе прозвучал испуг.

Я отрицательно покачал головой. А Лида облегченно вздохнула.

— Это редко случается, — философски заметил я. — Разве кто-нибудь может быть счастлив в любви целую жизнь?

— Не знаю...

Мы загадочно, как и требовала ситуация, замолчали. И молчание уже не зависало над нами, как грозовое облако. Оно было легким и приятным, как ветерок в знойный день. А я подумал, какой беспутал меня придумать эту мелодраматичную историю. Что-то не замечал раньше за собой способности к сочинительству. Я посмотрел на Лиду. Она грустно вглядывалась в черные погибшие ветви дуба. Что ж, видимо, я неплохой сочинитель. Лида мне поверила.

Наше молчание перебили крики, доносящиеся с берега.

— Лидка! Идем, Лида! — Молодые люди размахивали руками, зазывая девушку к себе. — Лида! Скоро начнется дождь! Идем, Лида!

Белокурый красавчик не выдержал и мгновенно очутился возле нас. На меня он даже не обратил внимания. Я был для него вроде засохшего дуба и удачно вписывался в лесной пейзаж.

— Лидок, бежим, ты видишь, какие тучи.

Вблизи он оказался еще красивее. Я подумал: что такая девушка делает рядом со мной? И недоуменно взглянул на Лиду.

— Иди, Эдик, иди, я вас догоню.

Наконец он удостоил меня вниманием.

— А, знаю, — довольно приветливо улыбнулся он, — вы местный лесник? Что ж, Лиде будет полезно с вами пообщаться. Ей ведь предложили роль лесной колдуньи. А она ни черта не смыслит в природе. Дитя города, так сказать.

— Иди, Эд, иди, — уже настойчиво повторила девушка.

— Надеюсь, вы доставите наш молодой талант в полной сохранности? — не унимался клиповый герой.

— Я-то доставлю. А вот вы поторопитесь. — Я с деланой тревогой обернулся в сторону леса. Ели и сосны, погруженные в сумрак, сильно раскачива-

лись на порывистом ветру. Зловеще кричал филин. Черные вороны тревожно кружились над самыми кронами деревьев. И я могильным голосом прогу-дел прямо Эдику в лицо: — Как у нас говорят, ходить в лесу — видеть смерть на носу.

Эдик вздрогнул, машинально взмахнул на прощание рукой, и его словно ветром сдуло. Это был не клип, где он мог сколько угодно изображать из себя супермена. Это была природная стихия, в которой он ни черта не смыслил. И которой боялся.

— Он неплохой парень, — виновато сказала девушка, хотя я так и не понял, в чем она виновата.

— Он прав, ваш неплохой парень. Сейчас хлынет дождь. А на Самсона дождь — семь недель дождь. Нам нужно успеть спрятаться хотя бы сейчас. — Я посмотрел на темное небо, все ниже и ниже опускающееся на землю.

Спрятаться мы не успели. Ливень застал нас на середине пути. Я набросил свою ветровку на плечи Лиды, и она в ней почти утонула. Мы бежали по мокрой траве, грязь растекалась под ногами, а резкие струи дождя хлестали нас по лицу. Тревожно кричали птицы, могучие ели, как пьяные, шатались из стороны в сторону. Становилось все темнее и темнее; казалось, что небо вот-вот рухнет и мы погибнем под обломками туч.

— Мне страшно, Даник, мне страшно! — кричала Лида, захлебываясь дождем и ветром.

— Не бойся, Лида! — кричал я в ответ. — Все будет хорошо! Здесь нас ничто не тронет!!! — Я крепко схватил Лиду за руку и сквозь разбушевавшуюся стихию тащил за собой.

Позднее, когда мы, промокшие до нитки, грелись в моей сторожке, Лида спросила:

— А почему ты был уверен, что нас ничто не тронет? Ведь любое дерево могло свалиться на нас! Запросто!

Девушка сидела в моей майке на диване, скрестив ноги по-турецки, и наслаждалась горячим глинтвейном, который я приготовил из трав и домашнего вина.

— Неужели непонятно? Своих не трогают. А я в лесу свой. К тому же, запомни хорошенько, беда не по лесу ходит, а по людям.

Лида бросила на меня встревоженный взгляд.

— Надеюсь, это не про меня? И разве люди приносят только несчастье?

Я взъерошил свои мокрые волосы и широко улыбнулся.

— Нет, не только. И сегодня я это понял...

— Боже, как хорошо, — выдохнула она. Ее глаза блестели, и на щеках появился легкий румянец. — Как хорошо вот так промокнуть, продрогнуть, а потом греться горячим вином в твоей сторожке. Ты счастливый.

— А ты?

Она на секунду запнулась.

— Я? Пожалуй, да. Сегодня я по-настоящему счастлива.

Я укутал ноги девушки пушистым пледом и присел возле нее на корточках.

— Скажи, Лида, ты и впрямь будешь играть лесную колдунью?

— Да, а что? — Она слегка смутилась.

— И для этого я тебе понадобился?

Лида звонко расхохоталась. Оказалось, что я обожаю ее беззаботный смех!

— Какой же ты большой и глупый! А если бы лесник оказался столетним дедом? Неужели ты думаешь, что ради роли я с ним целовалась бы?!

— А со мной разве ты уже целовалась? — я искренне удивился.

— Да, в мечтах, — откровенно ответила она, и ее горящие глаза взволнованно бегали по моему лицу. — А наяву нет. Но разве это трудно исправить?

— Легко, девочка моя, очень легко... — Я нашел ее горячие губы, и на моих губах остался привкус лесных трав и лесной стихии, которая нас сегодня соединила. Надолго ли?

Чижик безжизненно лежал на пороге. Он за весь вечер не проронил ни звука. И только когда я вышел проводить Лиду, Чижик жалобно заскулил вслед. Мне показалось, он плачет.

Всю дорогу мы шли молча. Я пытался подобрать все нежные слова, которые знал, и даже парочку сумел выдать из себя, но Лида резко меня прервала.

— Не нужно, — довольно грубо отрезала она. — Ты не умеешь говорить красивые фразы и читать стихи не умеешь. Это и не к чему. Я их за всю жизнь знаешь сколько наслушалась?!

— Сколько? — хмуро спросил я.

Лида мне не ответила. Казалось, она вообще не желает со мной разговаривать.

Мы остановились у дверей пансионата. Из уютного кирпичного здания, окрашенного в розовый цвет, раздавался веселый смех, слышалась бодрящая музыка. Там веселились друзья Лиды. И за этими стенами кипела ее жизнь. Девушка прислушивалась к этому смеху, к этой музыке и улыбалась. Ей хотелось скорее туда.

— Ну, пока, — беззаботно бросила она мне на прощание.

— Ты жалеешь обо всем, Лида?

— Я никогда ни о чем не жалею. Глупо жалеть о том, что уже не исправить. Бессмысленная трата времени, — резко ответила она.

— Мы еще встретимся?

— Не знаю, — равнодушно пожала она плечами. — Почему бы и нет. За этот месяц наши пути могут пересечься не раз. Лес большой.

— Ты меня совсем не любишь? — продолжал допрашивать я ее.

— А разве я когда-нибудь говорила о любви? — поразилась она моему вопросу.

— Тогда как это назвать, если не любовь?! — Меня колотило от злости. Я себя еле сдерживал.

— Как хочешь, так и называй! — вызываясь встряхнула она головой. — Можешь — моей прихотью, можешь — солнечным ударом. А еще лучше — ударом молнии, которая в нас так и не попала.

— Я могу и покрепче подобрать слова!

— Пожалуйста, слов на свете много. Но я подозреваю, что выражения покрепче тебе ближе!

— Дура ты! — Терпению моему пришел конец. И я даже вцепился в плечи Лиде и встряхнул ее. — Просто разбалованная дура!

Ее глаза гневно сверкали, пухлый рот был поджат, мне показалось, она меня сейчас ударит. Я ждал этого удара. И вдруг, в одну секунду, так ничего и не сообразив, почувствовал на своих губах горячий мгновенный поцелуй. И в эту же секунду девушка скрылась за воротами пансионата. Она бежала по дорожке, усыпанной розовым гравием. А я тупо смотрел ей вслед. Я абсолютно ничего не понимал. Это непонимание меня и отталкивало, и раскаляло одновременно. Домой, скорее домой. Но я уже чувствовал, как эта волшебная фраза теряет свою силу.

Из оцепенения меня вывел Мишкин голос.

— Эй, Данька, ну очнись же, чего стоишь, как болван.

Пожалуй, в эту минуту я действительно был похож на болвана. Мой бессмысленный взгляд бегал по лицу, фигуре Мишки. И не видел его.

— Ну же, Данька. Чего здесь торчишь! Тоже на танцы пришел? Наконец-то выбрался, дикий медведь!

Постепенно до меня начал доходить смысл слов. Я уже мог разглядеть Мишку. И даже присвистнул от удивления.

— Ты, что ли, Мишка? Ну, тебя не узнать!

Мишка самодовольно покрутился перед моим носом. В новом черном костюме, купленном в честь окончания девятилетки, правда, на вырост, и полосатом галстуке, Мишка казался даже старше своих пятнадцати лет.

— Айда со мной, Данька! Тут знаешь какое веселье! Правда... — Мишка запнулся, почесал за ухом, оглядев меня с ног до головы. — Правда, видок у тебя еще тот...

— Еще тот, — согласился я. — Да, если честно, и танцор я никудышный. А ты иди, веселись. — Я на

секунду замялся. — Ну, в общем, если что — заходи. Поболтаем.

— Зайду, Данька, если что. — Мишка лукаво мне подмигнул и тут же скрылся за воротами пансионата.

Я понуро брел по проторенной лесной дороге, уже не спеша домой. Мне опостылел и мой дом, и моя дорога. Я где-то читал, что когда приходит любовь, то острее начинаешь чувствовать мир, природу, запахи, цвет. Я шел по лесу, наполненному самыми разнообразными запахами и играющему самыми удивительными красками. И совсем не чувствовал их и ничего не видел. И все же это означало, что я влюблен.

Вглядываясь в ярко-зеленые, еще мокрые кроны высоких сосен, я видел мокрые крыши высоток Большого города. Я вдыхал свежий лесной воздух — и ощущал запах автомобильной гари. Я шел по сочной траве — и ощущал под ногами пористую дорожку асфальта... Я еще оставался здесь, но мои мысли были уже там. Там, где живет Лида. И мне хотелось туда, в этот непонятный чужой мир, который мне стал так дорог. Потому что я был влюблен.

А следующим утром ко мне заявился Мишка. И мне вновь пришлось делать вид, что безразлично, как прошел вечер. А Мишке пришлось делать вид, что у него нет никакого желания об этом рассказывать. Немного поиграв в эту странную игру, я наконец как можно беззаботнее спросил, как прошли вчера танцы. При этом я очень старательно разливал чай в чашки, словно это занятие являлось для меня самым главным в жизни. Мишка долго не отвечал, поскольку был поглощен чаепитием. В этот момент мне хотелось дать парню подзатыльник, но вместо этого я ласково спросил его, как самого дорогого гостя:

— Может, нальешь в блюдечко? Так быстрее остынет.

— Угу, — промычал Мишка, переливая чай в блюдце.

— Тебе с малиновым или ежевичным? — продолжал ворковать я, по-прежнему желая врезать Мишке.

— С ежевичным... И с малиновым...

Вообще, в какие это времена я распивал с утра чаи, как кумушка с соседкой за светскими беседами?

— Так что ты спросил? — Мишка садистски улыбнулся.

— Когда? — Я округлил глаза.

— Да совсем недавно!

— Понятия не имею! А... Постой... Про варенье?..

Мишка нетерпеливо заерзал на стуле. Он хотел победить.

— Да нет, это еще до варенья было.

— Ну, это я, брат, не припомню. Мало ли что мог ляпнуть! — Я хотел победить не меньше Мишки. И мне это удалось. Я все же был старше и опытнее.

— Ну, ты что-то говорил про вчерашний вечер...

— Я?! Это ты начинал рассказывать про танцы. Так что, потанцевал? — Я прекрасно знал, что у Мишки мало времени. И ему задаст отец, если он вовремя не явится.

Мишка тяжело вздохнул и посмотрел на часы. У него уже не было времени на последний раунд. Пришлось сдаться.

— В общем, да. Даже один раз с этой... Твоей... Артисткой... Сама пригласила, — похвастался он.

У меня от волнения перехватило дыхание. Мишку она пригласила неспроста. Сомневаюсь, что ей приглянулся этот лопоухий деревенский пацан.

Мишка поднялся с места.

— В общем... — Он почесал за оттопыренным ухом. Ему очень не хотелось просто так, даром, выкладывать карты на стол. — В общем, говорила, что гулять где-то тут будет недалеко... Боится заблудиться. Так ты это... Чтоб дома был... Вдруг заблудится и набредет на твою сторожку...

Я ждал весь день, потом — весь вечер, а потом — и всю ночь. Лида так и не пришла.

Следующим утром я бессмысленно бродил недалеко от пансионата, побывал на озере, посидел возле старого дуба, историю которого придумал специально для нее. Я так хотел ее встретить. И не встретил. Я не чувствовал ничего. Только бешеные ритмы сердца. Словно был закрыт в спальном вагоне. Четыре стены. Пустота. И удары колес. Неужели она такая — любовь?

Вечером я не выдержал. Нарядился в свой единственный костюм, белую рубашу и галстук в полоску — вылитый Мишка. Только мне далеко не пятнадцать. И мне нельзя быть смешным. И все же я был смешон. Я шел на танцы.

Пожалуй, медведь, заявившийся неожиданно-негаданно на бал, выглядел бы более гармонично, нежели я. И все же меня восприняли именно как медведя. Танец прекратился. Я почувствовал на себе десятки удивленных глаз.

Эти столичные были совсем другие. Совсем. Они были в дырявых джинсах, помятых майках, стоптанных кроссовках. Они из другого мира, которого я не знал. Потому что, как и Мишка, думал, что на танцы приходят нарядными. Мишке это сошло с рук — он слишком молод. Я же выглядел по меньшей мере дураком. По большей — сумасшедшим. И мне так хотелось оправдать себя, объяснить, что я пришел прямо с заседания правления лесничества. Но это было бы еще глупее. Поэтому я промолчал.

Я стоял медведем, явившимся без приглашения на бал и ничего не понимающим в этом бале. Меня выручила Лида. Она подскочила ко мне и радостно воскликнула:

— Вот видите, какие могут быть галантные лесники! Не вам чета! Боже, как давно я не танцевала с мужчиной в костюме!

Я услышал за своей спиной ехидный шепот. Типа того, что эта девочка, как всегда, оригинальничает.

Вновь грянула музыка. Лида, обвив мою шею руками, стала кружить со мной в вальсе. Хотя это и не была вальсовая музыка. Она танцевала легко и грациозно, ее хорошо учили танцевальному мастерству в институте. Но я оказался не вполне пригодным партнером, постоянно спотыкался и наступал Лиде на ноги. С трудом осилил этот танец.

Едва стихла музыка, девушка подвела меня к группе молодых людей. Они с любопытством разглядывали меня, как экзотическое чучело в зоологическом музее, бросив пару колких фраз в адрес Лиды. Эдика я явно раздражал, он и не пытался это скрыть.

— Если бы я был художником, — обратился он ко мне, сверкая насмешливым взглядом, — я бы непременно нарисовал ваш портрет. Портрет нашего современника, которого в современном мире не бывает. Так сказать, эксклюзив.

— А я, если бы имел честь быть художником, — совершенно серьезно ответил я, — вообще бы не рисовал людей. Они и так в жизни слишком рисуются. Представляете, что может получиться на бумаге?

Лида звонко расхохоталась и снисходительно потрепала Эдика по небритой щеке. Он зло увернулся.

— О, с вами можно говорить о живописи! И в какой же манере вы бы рисовали свой дремучий лес? Импрессионизм, экспрессионизм, пуантилизм?

Я пожал плечами.

— Разве для этого нужна особенная манера? Я думал, для того чтобы рисовать, нужен всего лишь талант.

Эдик раздраженно махнул рукой. И перешел в открытое наступление.

— Впрочем, мы теряем зря время, разглагольствуя об искусстве. Боюсь, вы слишком примитивны для этого.

— Я вообще-то этого не боюсь. Но признаю, что вы правы. Мир, в котором я живу, примитивнее и настолько же богаче и смелее вашего. Художники, кстати, в основном предпочитают изображать именно его. Люди так редко хорошо получаются на холсте.

— Люди вообще редко получаются! — поддержала меня Лида и покрутила пальцем у виска, обращаясь непосредственно к Эдику. И тут же, подхватив меня под руку, потащила к выходу.

Я бы на месте Эдика врезал мне хорошенько, ведь он явно был неравнодушен к Лиде. Ну, в крайнем случае, можно было громко свистнуть нам вслед. Но вслед звучало молчание. Люди и впрямь редко получаются.

Уже на улице, едва ступив на лесную тропу, ведущую к дому, я по-настоящему перевел дух. Я чувствовал себя в своей стихии. Я был со всех сторон защищен.

— А я и не ожидала, что ты так умеешь пикироваться. — Лида прижалась щекой к моему плечу.

— Кстати, я понятия не имею, что такое импрессионизм. Ты шокирована?

— Увы. Но это легко исправить. Всего лишь стиль в искусстве, когда художник хочет более естественно запечатлеть мир, как бы его каждое мгновение, дыхание что ли, движение и мимолетность...

— А разве по-другому можно рисовать? Не понимаю... Если по-другому нельзя, тогда вообще нельзя.

— Можно, еще как можно! — Лида еще теснее прижалась к моему плечу. — Боже, какое счастье, что ты не художник, не артист, не музыкант...

— И не герой клипа...

— Особенно это. — Холодные губы Лиды касались уже моего лба, носа, щек. — Боже, как они мне все надоели, как они мне все надоели. Как они... — Ее губы наконец-то нашли мои.

Земля давно ушла из-под ног. И солнце тоже покинуло нас. И куда-то исчезли деревья. И я даже не чувствовал неба. Ничего, ничего вокруг не было. Голый вакуум. Космос. В нем существовали только мы двое. И я уже не жалел о своем зеленом мире, пропитанном свежими запахами и покоем. И Лида не жалела о своем, запыленном и суматошном. Мы были вдвоем. И нам оказалось достаточно этого. Наш космос устраивал нас. И его невесомость, и его пустота. Где не было ни запахов, ни звуков. Где остались только мы двое. И, наверное, наша любовь. Я уже знал, что это такое. И, пожалуй, мог нарисовать ее в своем воображении. Ее дыхание, ее мгновение, ее мимолетность. Импрессионисты могли бы мне позавидовать. Я рисовал не хуже... Разве кому-нибудь удавалось нарисовать любовь?

Так началась наша любовь. Впереди у нас был целый месяц. А это немало. Более того, я вообще считал, что для большой любви месяца вполне достаточно. За месяц люди не успеют надоесть друг другу, не успеют узнать все друг про друга и даже не успеют поругаться. Про бытовые мелочи вообще нечего говорить. Быт за месяц не способен убить любовь. Это уже потом — в ходе, так сказать, проверки чувств и желаний... Мы не думали о проверке. Нас ждал месяц любви.

Лида больше времени проводила у меня в сторожке, чем в пансионате. Она безоговорочно приняла мою жизнь, с удовольствием готовила для меня, поливала цветы и деревья в саду. Для нее все было в новинку. Иногда мне казалось, что она просто играет роль этой деревенской пастушки и часто — переигрывает. Но я закрывал на это глаза. Я был влюблен. И был уверен, что она влюблена не меньше. Я не верил, что играть в любовь возможно, когда не любишь. Я был очень далек от кинематографа.

Чижик с Лидой так и не сдружился. Наверное, потому, что она его воспринимала всего лишь как мою собаку, а не как моего лучшего друга. А может быть, просто к нему ревновала. Чижик ревновал не меньше. И они в некотором роде боролись за мое исключительное внимание.

— Ну же, Данька. — Лида не раз настраивала меня против Чижика. — Я допускаю, что собака может стать другом, но не могу себе представить, чтобы она стала лучшим другом. Потому что так не бывает.

— Так бывает. Только так и должно быть, — дразнил я девушку. И в очередной раз пытался примирить ее с Чижиком. — Ну же, Лидка, подумай, вспомни хотя бы своих друзей. Сколько раз они тебя предавали? А сколько обманывали? А сколько завидовали? Ага? А Чижик ни разу про меня дурного слова не сказал. А зато как он умеет слушать! Я могу ему раскрыть любую тайну, и он никогда ее не разнесет по всему свету.

— Ты просто боишься людей. Вот и вся твоя философия. Ты боишься правды. Вот и нашел себе глухонемого друга, который только и может, что лизать твои ноги. Такой большой и сильный, ты боишься, что тебя могут предать, потому и выбрал себе того, кто не предает только потому, что предавать не умеет. А не потому, что не хочет.

Чижик громко и свирепо лаял на Лиду. Я хватал его за ошейник, опасаясь, что он может укусить девушку.

— Не обижай его, он ведь все понимает, — грустно отвечал я Лиде, которая, в отличие от Чижика, меня понимала гораздо меньше. А сколько бы осталось этого понимания после месяца нашей любви?

Пожалуй, я поспешил с утверждением, что за месяц ничто не способно омрачить любовь. Вскоре я понял, что для этого достаточно и дня. И все же моя правда заключалась в том, что жалкий месяц на обиды, разочарования и неприятности можно закрывать глаза. Запросто. Когда сильно влюблен.

Мы с Лидой не скрывали своих чувств. Просто мы сами скрывались. Нам было достаточно видеть друг друга, прикасаться друг к другу, вместе смеяться и изредка спорить из-за Чижика. И все же без выхода «в люди» обойтись невозможно. Хотя бы

потому, что вокруг много солнца, зелени и свежего воздуха. И потому, что в этом году выдалось на редкость хорошее лето. Мои недавние прогнозы о семи неделях дождя не оправдались. Самсон в этом году играл на моей стороне.

Когда я был свободен, мы встречались с Лидой под нашим засохшим дубом. И Лида каждый день нетерпеливо его осматривала.

— Ни одного зеленого листочка! — Она чуть не плача била ногой по мху, облепившему дуб со всех сторон.

Мне иногда не терпелось сказать ей, что я все бессовестно выдумал — и про дерево влюбленных, и про то, как появляются на мертвом дереве листочки тогда, когда любовь случается. Но так и не открывал ей этой маленькой тайны. Мне нравилась моя выдумка. И иногда я сам в нее верил.

— Ну же, Лида, — я обнимал ее за плечи, — не будь капризным ребенком. Мы так мало знакомы. Разве можно понять за такое короткое время все про любовь?

— А при чем тут время? Хотя да... Конечно... Что можно понять?... Особенно дереву.

— Ну, дерево, если хочешь знать, понимает гораздо больше нашего. Потому что больше видит. И больше живет.

— Но опять же — молчит.

— Откуда ты знаешь? Может быть, это мы его не слышим. А может быть, молчим мы для него.

— Эх ты, ботаник...

Лидка стелила покрывало на землю, ложилась и сладко потягивалась. А я часами мог любоваться ею. И молчать. Как дерево. И не слышать ее беззаботную болтовню. А она все рассказывала и рассказывала об огнях Большого города. Иногда я вспоминал Марианну Кирилловну. Они относились к своему городу абсолютно одинаково. Проклиная, ругая, обзывая, они очень его любили. И мне казалось, я тоже начинаю его любить. А возможно, я просто любил Лиду. И мне уже становилось все равно, где быть, лишь бы быть с ней.

Однажды я в очередной раз учил Лиду плавать, она барахталась в воде, как беспомощный ребенок, цепляясь за мои плечи и оставляя на спине следы от царапин. Эта картина мне была очень знакомой. Я не раз наблюдал ее, когда стоял за деревом и следил за чужим праздником, в котором веселились моя Лида и Эдик. Теперь на его месте был я. Это меня несколько смущало и даже злило, но я сдерживался, всегда помня, что нашей любви отпущено очень мало времени. Я просто старался как можно меньше походить на Эдика. Но у меня не получалось. Я так же крепко прижимал к себе Лиду, так же бросал ее в воду и однажды так же прицепил желтую кувшин-

ку к ее волосам. Боже, неужели в жизни похожи не только люди, но и их жесты и даже их любовь? Как, должно быть, звезды смеются над нами, когда мы их называем одинаковыми...

И вот в один из таких безобидных уроков из воды внезапно вынырнула Валька, очутившись недалеко от нас. Мокрая, веснушчатая, со слипшимися короткими волосами и красными от воды глазами, она напоминала лягушонка. Лида от неожиданности вскрикнула:

— Ой, а это что за лягушонок?!

— Это Валька, — обреченно представил я девушку. — Дочка доктора Кнутова. Мой хороший друг.

— Как Чижик или все-таки лучше? — подозрительно покосилась на меня Лида.

— С Чижиком состязаться — гиблое дело. И все-таки Валька — хороший друг.

— И главное — хорошенький, — со злостью бросила мне в лицо Лида.

А Валька развернулась и поплыла. Здесь она чувствовала себя как рыба в воде. И уже ни капельки не напоминала лягушонка, а скорее походила на русалку. Я уже не видел ее коротких слипшихся волос, ее плотного веснушчатого тела. Она ныряла и выныривала вновь. Очень гибкая, как стебелек желтой кувшинки. Она ложилась на спину и легко гребла руками. Как лодка, затерявшаяся в волнах моря. И лучи солнца играли на ее мокром теле. Я искренне любовался Валькой. Мое любование не ускользнуло от жесткого взгляда Лиды, которая вдруг (этот беспомощный ребенок, который только и мог, что барахтаться в воде) изящно нырнула и поплыла. Не менее легко и красиво. Она плыла брассом, делая точные симметричные движения, а затем перешла на баттерфляй. Я тупо смотрел на нее. И не видел ее красоты. Я просто вдруг понял, что она настоящая профессионалка. Наверняка не раз побеждавшая в городских соревнованиях. И так ловко водившая меня за нос. Боже, а я ведь это подозревал еще тогда, когда она играла с Эдиком. Еще тогда... Теперь же она устроила соревнования с Валькой. И я от всей души пожелал ей проиграть. Резко развернувшись, я поплыл к берегу.

Лида догнала меня, когда я уже, выбравшись из лесных зарослей, зло и решительно направлялся к дому.

— Дурак же ты, какой дурачок. — Она обняла меня сзади за плечи. Я не обернулся.

— Ну не могла же я спокойно смотреть, как ты любишься этим лягушонком. Вот и пришлось самой показать класс, — мурлыкала Лида, глядя мою спину.

— Я понятия не имел, что можно в одну секунду научиться так плавать. Ты просто вундеркинд. Ду-

маю, тебе под силу и спортивное, и подводное плавание. Может быть, меня научишь?

— Но пойми, милый, эти маленькие хитрости были придуманы специально для тебя. Тебе ведь приятно было учить меня плаванию, — оправдывалась Лида перед моей злой спиной.

— Насколько я знаю, эти хитрости были придуманы поначалу для клипового героя. — Внезапная мысль вдруг осенила меня, и я резко обернулся. И столкнулся с невинным взглядом. — Скажи, Лидка, только честно... Только честно, пожалуйста... Тогда... Когда Эдик учил тебя плавать, ты знала...

— Что знала? — Лида хитро сощурилась.

— Ну... Что я наблюдаю за тобой?

— Конечно, знала, — просто ответила она. — Ну какой нормальный мужик не придет на свидание, если его назначает такая девушка, как я.

— Какая девушка? — Я нахмурился. — Лгунья, врунья, интриганка...

— Продолжай, продолжай! — Лида уже откровенно смеялась.

Мне так хотелось продолжить — и к тому же бездарная актриса. Но Лида прижалась ко мне всем телом. Ее волосы, еще мокрые, приятно щекотали мое лицо и пахли желтыми кувшинками.

— И к тому же прекрасная актриса, — продолжила она за меня.

И я не смог ей возразить. Я погладил ее влажные волосы, прикоснулся к ним губами. У нас был всего лишь месяц...

А вечером, проводив Лиду, я ждал появления Вальки. Это было в ее духе. Она непременно должна была появиться и устроить скандал. К чему я был готов. Даже придумал красочный монолог и привлек Чижика к своей защите.

— Ты любишь эту девчонку, Чижик. Так что, брат, помоги мне. Ну, лизни ее руку. Или посмотри на нее жалобно. Уж что-то, а это ты, дружище, умеешь.

Чижик вздохнул и, свернувшись калачиком, улегся у порога. Но Валька так и не пришла. Она не пришла и на следующий день. В глубине души я был раздосадован. В конце концов, она же влюбилась в меня и даже возомнила себя моей невестой. Однако же Валька стала для меня не единственной досадой. В этот вечер не пришла и Лида. И я уже не на шутку разволновался. Столкнувшись на пороге дома с запыхавшимся Мишкой, я и вовсе испугался.

— Ну же, — я втащил его за ворот пиджака в дом. — Только без предисловий, что случилось?

— Заболела, — выдохнул Мишка. И уже более спокойно добавил: — Но ты, Данька, не волнуйся. Просто перегрелась на солнце. Знаешь этих столичных штучек. Они и солнца-то у себя за небоскребами не видят. Вот и, сделав глоток свежего воздуха,

падают почти замертво. И где такое видано, чтобы люди болели от солнца и воздуха?! Чокнуться можно. Нет уж... Такая жизнь не по мне.

Мишка уселся развязно на диван и, забросив ногу на ногу, вытащил из пиджака «Кэмел» и золотистую зажигалку той же фирмы. Но не успел прикурить. Я мгновенно выхватил пачку сигарет из его рук.

— Мишка! Вот отцу расскажу!

Мишка от души расхохотался.

— Ну, Данька! Ты меня совсем уморил! Слово из каменного века! Да я уже год как курю! Даже если бы не курил, то непременно с сегодняшнего дня бы начал. Разве от такого шика отказываются! Я ведь только «Приму» и пробовал.

Я внимательно посмотрел на Мишку. Его уши торчали в разные стороны, старый пиджак с отцовского плеча болтался на худеньких плечах, глаза по-детски блестя при виде новой игрушки. «Кэмел» Мишке был так же к лицу, как медведю смокинг.

Я устало опустился на диван рядом с парнем.

— М-да... А мне все кажется, ты ребенок. Совсем не замечаю времени. Знаешь, Мишка, оно для меня словно застывает здесь, на природе. Слово ничего не взрослеет, не стареет, не умирает. Только рождается. А ведь это далеко не так.

— Мда-а-а, — вторя мне, глубокомысленно протянул Мишка. — Ты совсем одичал, Данька. Совсем. И, не в обиду тебе сказано, постарел. Хотя и на природе.

Мишка мастерски чиркнул блестящей зажигалкой из фальшивого золота.

— Артисты подарили? — показал я на «Кэмел».

— Угу. Они, кто же еще. У них там все знаменитости такие курят. А про спички они вообще уже думать забыли. Да, мы с тобой — темнота, каменный век. Сигареты, кстати, твоя... эта... артистка преза... презентовала — за успешную работу. А зажигалку — ее дружок. Ух, как я обрадовался, мне в жизни таких подарков не делали. Даже на день рождения. Самый дорогой подарок был — перочинный ножик от отца. Да разве сравнить с такой зажигалкой!

— А где ты их встретил? — направил я разговор Мишки в нужное русло.

— Да в номер к твоей артистке заходил, отец велел занести ей лекарства. Она лежит на кровати с мокрым полотенцем на лбу. А этот красавчик сидит у ее ног, как верный пес.

Внутри у меня все перевернулось. Я сжал кулаки. И почему-то спросил:

— Целуются?

— Чего? — не понял Мишка.

— Ну, ты же сам говорил. Они когда-то целовались.

— Я? Ах да! — Мишка стукнул себя по лбу. — Со всем забыл. Почему-то когда врешь, всегда забываешь.

— Зачем ты мне врал, Мишка? — Я не разозлился на него, а только облегченно вздохнул.

— Да я б ни в жизнь! — Мишка стукнул себя кулаком в грудь. — Это она мне велела тебе сказать... Ну, что целовалась.

Я уже ничего не понимал. Моя голова шла кругом. Почему-то ужасно захотелось спать.

— А ей-то зачем это было нужно?

— Ты, Данька, как ребенок. Ничего не понимаешь в жизни. Ведь только так, с помощью ее безбожного вранья, ты и попался на удочку.

— Все вранье, кругом одно вранье. — Я устало провел ладонью по вспотевшему лбу. — Презенты ты от нее получил за это?

— И за это тоже. Да ты не отчаивайся, Данька. Любой бы только мечтал попасться на ее удочку. С помощью вранья или нет — какая разница.

— Наверное, никакой. Для них там вообще не существует разницы между правдой и кривдой. Все одно. Артисты.

— Ну же, Данька. — Мишка встревоженно смотрел на мое равнодушное лицо, на мои потухшие сонные глаза. И даже встряхнул меня за плечо. — Ну же, Данька. Чего ты? Все же нормально. Ну... Ну хочешь, хочешь, я и ей что-нибудь скажу, в отместку. К примеру, как ты целовался с Валькой, хочешь? И презент мне никакой от тебя не нужен, ты же мой друг. Это от тех брать можно, для них это нормально.

— Не хочу, Мишка. — Я потрепал его по щеке. — А ты иди, Мишка, иди. И Вальку не впутывай. Она хорошая девочка.

— Хорошая... Только хороших почему-то не так сильно любят. А этой, твоей артистке, чего-нибудь передать?

— Пусть выздоравливает.

Я вышел проводить Мишку за порог. Мишка запрокинул голову к небу. Тяжелые тучи повисли над лесом. Особенно остро чувствовались запахи смолы и бессмертника. Птицы низко летали над соснами, задевая их крыльями.

— Скоро дождина зарядит, на неделю, — усмехнулся Мишка, видимо, вспомнив Самсонов день. — Не придется им больше умирать от солнца. Ну разве что от глотка свежего воздуха.

Мишка небрежно чиркнул золотой зажигалкой. Яркий огонь вспыхнул у него в руках.

— Красиво, — почему-то печально вздохнул Мишка. — И руки не обжигает. От спичек так не бывает.

— Огонь — он и есть огонь. Может согреть, а может обжечь. Ну, бывай, дружище.

Мишка, приподняв ворот пиджака, быстрым шагом направился прочь от моего дома. Я пошел закрывать ставни. Дождь хлынул раньше време-

ни. Я уже собирался бежать домой, как заметил, что в кустах неподалеку от моего дома что-то белеет. Глаз мой был зоркий и натренированный.

— Вот чертяги столичные! Вечно мусорят, нет от них покоя. Словно у себя в городе, а не в лесу.

Я, сварливо ворча себе под нос, разгреб руками кусты и заметил в глубине их насквозь промокшую полную пачку «Кэмела», недалеко валялась обляпанная грязью блестящая зажигалка...

Следующим утром, забросив все дела, я, как верный пес, сидел у ног Лиды. Вновь заменяя Эдика. Лидка играла уже не беспомощного ребенка, барахтающегося в воде, а несчастную больную девочку. Она то и дело шмыгала носом, лоб ее был перевязан мокрым полотенцем.

— У вас такое солнце вредное, — капризно пробормотала она, перед этим пару раз охнув и ахнув от боли. — Даже на югах со мной ничего подобного не случалось.

— Солнце, Лидка, не бывает вредным, — улыбнулся я, глядя ее запутанные волосы. — Только люди.

— Такие, как я? — обиженно надула пухлые губы Лидка.

— Нет, ты ведь у меня солнце.

Я огляделся. Мне стало немножечко грустно. С самого начала я знал, что это номер Марианны Кирилловны. И сейчас, впервые заглянув сюда после ее смерти, я вдруг по-настоящему понял, как мне не хватает моей костюмерши, наших прогулок у озера, наших долгих бесед у затухающего костра, нашей сирени с пятью лепестками. Пожалуй, никто меня в жизни так не понимал, как Марианна Кирилловна. И я знал, что это понимание было взаимным.

Лидка, заметив, что я погрузился в мысли, тут же принялась вновь капризно охать и ахать, жалуясь на свое недомогание, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание. Вообще-то она была плохой актрисой. Хотя, возможно, я мало что смыслил в актерской игре.

— А ты где-нибудь уже снималась, Лидка? — за чем-то спросил я у нее.

Ее глаза растерянно забегали по моему лицу. Но тут же решительно остановились где-то у переносицы.

— Конечно, снималась! — Она вызывающе встряхнула головой, забыв, что та у нее болит. — А ты думал, я плохая актриса?

Именно так я и думал. Ей сниматься противопозказано. Пожалуй, настоящие съемки у нее начались только здесь, в Сосновке. Где играла она исключительно для меня.

В дверь постучали. Молодая горничная, моя старая знакомая Галка, принесла нам чаю. По Лидиному приказу. Именно приказу. Не меньше.

— Фу! — фыркнула Лида, пригубив чай. — Совсем остывший! Я же просила — горячий! Совсем ничего делать не умеют!

Лида вела себя по меньшей мере как Любовь Орлова, словно в запасе у нее были десятки знаменитых ролей. Хотя подозреваю, что великая актриса так не поступила бы ни за что в жизни.

Горничная покраснела и, заикаясь, стала оправдываться перед этой разбалованной девицей. Но я тут же ее прервал.

— Не слушайте ее, милая, — с нескрываемым наслаждением я отпил глоток чая, закатывая от удовольствия глаза. — Замечательный чай. Ничего подобного не пил, хотя вы прекрасно знаете, что в чем-чем, а в чаях я разбираюсь. Вы даже добавили веточки смородины, подумать только!

Галка расплылась в довольной улыбке, но все еще опасливо поглядывала на Лиду.

— Знаете, — обратился я к Галке, чтобы до конца ее успокоить, — а ведь так не хватает Марианны Кирилловны. Едва переступив порог этого номера, я сразу понял, как ее не хватает. По-настоящему.

Горничная была свидетелем нашей дружбы с костюмершей и понимающе вздохнула.

— Мы все ее здесь любили. Она от всех отличалась. Такая вежливая, милая, понимающая. — Это был камешек в огород Лиды.

— Ты можешь идти! Ну, чего встала! — закричала на нее Лида, вскочив с кровати.

Я схватил ее за руки и силой усадил на место.

— Как тебе не стыдно! Что с тобой?! Ты и впрямь перегрелась! — Я обернулся к горничной. — Иди, Галка, все в порядке, иди.

И все же последнее слово Галка решила оставить за собой.

— Это же надо, такая была чудесная бабушка и такая оказалась невоспитанная внучка! Господи, как тесен мир, — едко заметила она и тут же смылась.

Воцарилось молчание. Я в оцепенении уставился на Лиду.

— Что она сказала?

— Откуда мне знать! — Лида мгновенно успокоилась и вновь приняла больной вид, прикладывая к голове влажное полотенце.

— Она что... То есть... Марианна Кирилловна — твоя бабушка?! — Это был настоящий шок для меня.

— Ну и что тут такого? У всех есть бабки. Я же не виновата, что моя оказалась именно Марианной.

Я сидел, обхватив голову руками. Очередное вранье. Даже для одного месяца многовато. Я медленно повернулся к Лиде. Наверное, у меня был устрашающий вид, потому что она испуганно вздрогнула.

— Но почему ты мне ничего не сказала? Я же не раз рассказывал тебе про Марианну Кирилловну. Почему? Я не понимаю. Ты только объясни — почему?

— Да потому!

Лида вновь вскочила, полотенце упало на пол. И вообще, по-моему, она выглядела совсем здоровой.

— Потому что пришлось бы рассказывать про нее, тебе же она так нравилась. Тратить время на пустые воспоминания и прочую чепуху... А я хотела, чтобы ты был только мой. Только мой — и все! — Лида топнула в подтверждение своих слов ножкой.

— Странно, а костюмерша говорила, что она совсем одна. Одна на всем белом свете.

— Это ей захотелось быть совсем одной. Придумывать свой фантастический мир и жить в нем. Грезить о каком-то великом кино, которое мы якобы потеряли. А по-моему, потеряла только она. Я лично все приобрела. И кино, и настоящий мир. И меня он вполне устраивает.

— Она обо мне говорила? — Я не отрывал от Лиды взгляд.

Я знал, чувствовал, понимал, что говорила. Но каждую секунду боялся, что Лида соврет.

— Да, — почему-то на этот раз она не соврала. — Говорила. Более того, утверждала, что ты у нее самый близкий человек на земле. И твоя земля тоже самая близкая. Потому что вы настоящие, а мы, видите ли, из папье-маше. Поэтому для нас она и шьет костюмы. В общем, бред какой-то. Как может стать самым близким случайный человек?

— Я же — случайный человек, но для тебя стал самым близким.

— Ты — другое. У нас ведь любовь...

— Кроме любви есть и другие отношения. Может, более глубокие. Иногда люди, зная друг друга всю жизнь, так и не находят общего языка. А иногда... Одного дня достаточно, чтобы друг друга понять. В общем... Знаешь, мне кажется, Марианна Кирилловна действительно была очень одинока...

Мне так и не удалось закончить эту глубокую мысль, потому что в комнату ворвался Эдик с охапкой полевых цветов. Увидев меня, он застыл на пороге, как статуя, и его губы скривились в презрительной усмешке.

— А... Охранники зеленых насаждений! Надеюсь, вы меня не арестуете за ущерб, нанесенный лесам и полям. — Он протянул цветы Лиде, и она уткнула в них лицо, жадно вдохнув приторный аромат.

— Не арестую, — резко ответил я и поднялся.

— Еще бы. Все это народное достояние, а не достояние одного человека.

Лида заметно оживилась с приходом Эдика. Она чувствовала себя рядом с ним в своей тарелке. И я

подумал, что они здорово подходят друг другу. Она ему так же преувеличенно и театрально принялась жаловаться на солнечное недомогание. И он проглатывал ее слова без остатка. Как ни парадоксально, они искренне верили в ложь, которой ежедневно кормили друг друга до отвала. Эдик даже умудрился пафосно продекламировать какой-то новомодный стишок без ритма и рифмы, который выучил накануне специально для Лиды. И девушка восторженно благодарила его. Стишок был бездарный, Лидка вполуха слушала его, так ничего и не поняв, но правила игры диктовали другую реакцию. А они строго следовали правилам игры. Мне здесь делать нечего. Я не артист, так что поспешил откланяться. Эдик даже не обернулся в мою сторону, а Лида послала ничего не значащий воздушный поцелуй.

Мне же вдруг захотелось увидеть Вальку, которая меня старательно избегала. И, собравшись с духом, «вдохновленный» встречей с Лидой, этим же вечером я нагрязнул в дом доктора Кнутова. По дороге я почему-то собрал целую охапку полевых цветов. Кнутов встретил меня довольно радушно, он был интеллигентом до мозга костей, хотя я не мог не уловить в его тоне некоторой официальности.

— Вы знаете, Даниил, Валечки нет дома.

Был уже глубокий вечер, и я не поверил ни единому слову Кнутова. Где ей еще быть? Валька наверняка пряталась за дверьми соседней комнаты. И я как можно громче сказал:

— Как жаль, а я вот ей цветы принес. И еще орехи, — протянул я пакет с недозрелыми, еще зелеными плодами. — Она любит такие. Неспелые, самые сочные. Словно в молоке.

Кнутов подчеркнуто вежливо принял подарки.

— Я ей обязательно передам. Она будет рада.

За дверью соседней комнаты послышались шорохи.

— Всего доброго, Даниил. — Кнутов открыл двери.

— Андрей Леонидович. — Я прикрыл двери и понизил голос на два тона. — Не обижайтесь на меня.

— Вы ничего не обещали, Даниил. Абсолютно ничего. Вы всегда поступали честно.

— И все же... Я все равно чувствую за собой вину.

— Вы не можете винить себя за то, что вас любит моя дочь. За чужую любовь не судят. А вы полюбили другого человека. И за свою любовь не судят тоже.

— Вы все понимаете. И все же... Как Валька?

— Я слишком долго пожил на свете, чтобы не понимать, что все проходит. И первой, возможно, проходит любовь. Но Валя еще слишком молода, чтобы понять это. Поэтому ей тяжело. И все же, я думаю, это к лучшему. Лучше больше эмоций, трагедий, разочарований пережить в молодости. Потому что они переживаются. Думаю, потом моей дочери

жить станет гораздо легче. Трудности зачастую идут на пользу. Вырабатывают, так сказать, иммунитет. Моя дочь обязательно выздоровеет. А пока... Не ищите с ней встречи. Вы понимаете?

— Я понимаю.

Меня действительно мучила совесть по отношению к Вальке. Но я думал о Лиде. И я думал, что моя любовь может все оправдать. Доктор Кнутов был прав. Я не мог судить себя за любовь. И я не виноват, что не всегда она выбирает тех, кто этого заслуживает. Я все списал на любовь.

Мы больше не ссорились с Лидой, если вообще наши мелкие разногласия можно было назвать ссорами. Я многое в ней не принимал. Но не мог не понимать, что она дитя города, в котором живут по другому уставу. Отклонение от него грозит одиночеством. Что и случилось с моей костюмершей. Этого я Лиде не желал.

В последние дни наша любовь приобрела более яркие и более сумасшедшие краски, передающие дыхание каждого мига, улавливающие чувственность каждого движения. Если бы я был теоретиком любви, я бы назвал ее импрессионизмом.

Однажды я даже привел Лиду на могилу Марианны Кирилловны, ее бабушки. И долго доказывал, что она похоронена именно здесь. На этом пригорке, где мы когда-то с ней подолгу стояли, наблюдая за уходящим за горизонт солнцем. Где я посадил в честь костюмерши маленький куст сирени. Который обязательно расцветет яркими цветами. Но Лида никак не могла уловить и принять мою мысль. Она опровергала все мои доводы, топала от негодования ногами и крутила пальцем у виска.

— Ну же, Данька, я тебе тысячу раз объясняла! — краснела она от возмущения. И становилась еще прекрасней. — Ты словно глухой! Я сама, понимаешь, сама, лично была на похоронах бабушки.

Лида била себя кулачком в грудь.

— Я даже помню, в чем ее хоронила — в черном длинном платье с большим воротом. Когда-то бабушка мне его сама сшила в расчете, что я получу роль молодой вдовы в одном фильме. Нет, ты не думай, я ее получила...

Я слегка зажал рот Лиды ладонью.

— Я не об этом, девочка. Ну как... Как ты не понимаешь, что человек похоронен не там, где его закапывают. А там, где поселяется его душа, его сердце, где он оставил свои мысли и лучшие воспоминания.

Лида вырвалась из моих цепких рук.

— Человек похоронен там, где его похоронили, где стоит памятник на могиле и куда могут приходить его родные, чтобы положить букет цветов! — злилась она. — Ну как же ты не понимаешь! И кто

ты, чтобы решать, где должна селиться душа! И тем более — сердце!

— Да, я никто, увы, — я развел руками, признав себя пораженным.

— Фу-у-у, — отдышалась Лида, словно на ринге. — Дурачок ты мой, как вы с ней все-таки похожи. Миру не нужны идеалисты, они ему даже мешают.

— И тебе тоже?

Лида обвила мою шею руками и легко прикоснулась губами к моим губам.

— Только не мне, только не мне, только не мне...

Голова моя закружилась. Я изо всей силы обнял Лиду, и ее тело обмякло в моих объятиях. Я покопался на пригорке, заросший одуванчиками, на молоденький кустик сирени с сочными зелеными листочками, на огненный шар, уплывающий за горизонт. И подмигнул просто так, неизвестно кому.

— Я знаю, Марианна Кирилловна, вы здесь, — еле слышно прошептал я.

— Что, что ты сказал, повтори, любимый, повтори, — горячо прошептала Лида в ответ. — Повтори, что меня любишь... Что любишь... Любишь...

И я повторял и повторял снова, что люблю. И веточки сирени колыхались на легком ветру. И моя костюмерша улыбалась мне улыбкой уходящего солнца. Она была совсем рядом...

Последние дни нашей любви с Лидой не просто быстро прошли, даже не промелькнули и не промчались. Они просто слились в один день, одно мгновение яркого и сильного чувства. Не знаю, насколько похожа у людей любовь, но прощание наверняка у всех одинаково. Грусть, слезы и общие воспоминания. Потом грусть проходит, слезы высыхают, а воспоминания стираются. Я, видимо, не единственный, кто так горячо желал, чтобы у нас все было по-другому. Любовь, не похожая ни на какую другую. И расставание. Мне так хотелось, чтобы после нашей разлуки легкая грусть осталась навсегда, слезы до конца не высохли, а по ночам мучили воспоминания. Возможно, я был очень наивен.

Мы встретились с Лидой вечером накануне ее отъезда возле нашего засохшего дуба. И почему-то долго не знали, о чем разговаривать, словно уже наговорились за месяц или просто слишком мало осталось времени для фраз. Любые слова, произнесенные вслух, казались не главными. А главные, наверное, еще не были придуманы. И мы молчали. И молча вслушивались в мертвую, почти пугающую тишину. Я давно не помнил такого безветрия. Ни один листик не шелохнулся на деревьях. Почему-то не пели птицы. И на небе ни одного облачка. Только красные полосы, словно кто-то небрежно провел по небу кистью.

Мы стояли у мертвого дерева и придумывали главные слова. И на ум приходили одни штампы: прощай навсегда, я буду помнить тебя всю жизнь, ты главная любовь моей жизни и все в том же духе. И я уже было попытался одну из этих фраз выдать, как Лида опередила меня:

— Ну что, Данька... Прощай, в общем, навсегда. Но я буду помнить тебя всю жизнь. Потому что ты главная любовь моей жизни...

И штампы в один миг превратились в нежные слова, которых, оказывается, я так ждал. И которые так приятно было услышать. Я крепко обнял Лиду.

— Лида, Лидок, ну скажи, ты можешь все бросить ради меня. Ну хотя бы попытаться. Как у нас говорят: был бы хлеб да муж, и к лесу привыкнешь.

— Мне не все нравится, что у вас говорят. К тому же мне хлеба и мужа мало. Впрочем, привыкнуть можно ко всему, если есть хлеб. Даже к городу.

— Ну вот ты и попытайся! Все брось ради меня! И город в том числе! Что это за родина, к которой нужно еще привыкать! — Я споткнулся на слове и опустил взгляд. — Лида, ну попытайся. Ну хотя бы в мечтах.

Я прекрасно знал ответ — она не могла. Это было слишком неправдоподобно. И слишком кинематографично. Я не настаивал. И вряд ли даже мог представить, что может произойти, если бы вдруг Лида осталась здесь. Она, конечно, не превратилась бы в Вальку. Но наверняка превратила бы нашу жизнь в ад. Как когда-то говорила Марианна, каждый живет там, где жить привыкает. И я бы добавил: где ему уготовано жить. Лида никогда не привыкнет, и тем более ей не уготовано здесь остаться.

Она провела холодной ладонью по моей заросшей щеке.

— А ты ради меня можешь все бросить? Не отвечай, я знаю ответ. И даже не могу представить, что случится, если ты уедешь со мной. Конечно, ты не превратился бы в Эдика. Но наверняка превратил бы нашу жизнь в кошмар, тоскуя о своем доме. Так что мы не можем вдвоем ни уехать, ни остаться.

— Как мало, оказывается, мы можем ради друга друга.

— Но у нас был целый месяц. А это уже немало. И только потом мы поймем, было ли все это настоящим. И стоящее. Хотя так хочется знать теперь.

Лида запрокинула голову, внимательно вглядываясь в засохшие, корявые ветви дуба. И вдруг громко вскрикнула.

— Данька! — Она до боли вцепилась в мою руку. — Данька, этого не может быть! Смотри! Этого быть не может!

Я растерянно мотал головой, не понимая.

— Ну, вон же! Какой ты слепой! Листочки! Ну, посмотри! Такие яркие! Совсем молоденькие! Как зеленые огоньки!

— Ничего не вижу. — Я старательно шурился.

— Ну какой же ты слепой! Слепым нельзя работать лесниками! Я напишу на тебя жалобу! — возбужденно кричала Лида. Она схватила мою руку и подняла ее вверх, по направлению к ветке, где выросла зелень. — Ну же, ну же, видишь?

— Да, точно, вижу. — Я недоуменно почесал затылок. — Точно, листочки. Вот это чудо!

— Чудо?! Ты что! Это даже не чудо! Это больше, чем чудо! Так просто не бывает и не может быть!

Конечно, не бывает, я не мог не согласиться с Лидой. Но мне так захотелось, чтобы это случилось. Чтобы та сказка, которую я придумал специально для нее, наконец-то сбылась. Что я еще мог для нее сделать? Только позволить себе этот маленький обман. Накануне я залез на дерево и аккуратно прицепил тонкой проволокой молодые листочки к сухой ветке, чтобы все выглядело правдоподобно. Оставалось главное — правдоподобно сыграть удивление.

— Ну конечно, Данька, я даже не знаю, что думать. Ты сам рассуди, так не бывает. Разве могут на мертвом, совершенно безжизненном дереве вырасти листочки? Сколько их? Раз, два, три... Целых три листочка!

Я хотел и больше прицепить в порыве безбожно-го вранья и во имя божественной любви, но вовремя остановился. Это выглядело бы совсем глупо.

— Лида, Лидок мой! — Я взял ее руки. — Конечно же, так бывает. И было не один раз. Неужели ты не веришь в легенды, не веришь нашим предкам, не веришь, в конце концов, в настоящую любовь?

Лида подозрительно на меня покосилась.

— Вообще-то я больше верю в науку. И в школе проходила биологию. Мертвое не порождает живое. Как мертвого человека невозможно заставить дышать, так и мертвое дерево — зацвести.

— Извини, но у тебя представления какого-то допотопного века! На свете столько непознанных явлений и необъяснимых событий! Если хочешь знать, уже почти доказано, что и мертвого человека можно

заставить дышать. Его на определенное время помещают в такую специальную камеру... А тут дерево... Природа вообще — сплошная загадка. Тут одни тайны. И жаль, что их так мало изучают и разгадывают. В основном силы брошены на людей. Все забыли, что природа — первоначальна, а от нее зависит и наша жизнь, и наша смерть. А потому начинать нужно с нее. Потому что именно она может спасти или погубить...

— И все же я не понимаю, — уже менее уверенно пробормотала Лида. Она, похоже, почти верила моим сомнительным гипотезам. Похоже, она разбиралась в науке так же, как и я.

— А зачем тебе понимать? Скажи, зачем? Неужели это так важно? Или ты... Ты просто не веришь в нашу любовь? Ведь ты мне поверила, когда я рассказывал про влюбленных под этим дубом. И про внезапно появившиеся листочки. Значит, ты просто не веришь в нас...

Лида бросилась мне на шею. И стала лихорадочно целовать мое лицо, шею, пытаясь заглушить мои слова.

— Ну конечно, конечно, я верю в нашу любовь. И в эти листочки тоже. Но это означает, что мы должны быть вместе... А это так нереально.

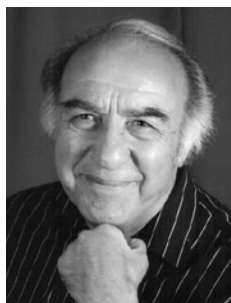
— Кто знает, Лида, что реально в этой жизни, что нет. Нам кажется, что мы расстаемся навсегда, но знать наверняка не можем. И может быть, встретиться окажется гораздо проще, чем мы думаем. Другим же кажется, что они расстаются всего на час, а получается — навеки. Что мы можем знать в этой жизни? Я думаю, что он, — я кивнул на дерево, — знает гораздо больше нашего.

Лида бережно погладила черную скрюченную ветвь старика дуба.

— Спасибо, дружище.

Мне показалось, он слегка покачнулся в легком поклоне. А возможно, просто начался ветер. Зашумели кроны зеленых елей, загалдели наперебой птицы, взбунтовалась водная гладь озера, по небу, как в зеркале, поплыли перистые облака. Мир оживал. Словно после разлуки. Мне все-таки удалось сделать наше прощание не похожим ни на какое другое. И стало немножечко легче.

Продолжение следует.

Абу-Суфьян Юсупов — дагестанский писатель и ученый, родился в 1940 году в Дагестане, в селе Хамаматюрт близ реки Терек. Рано потеряв отца, будучи еще мальчишкой, был вынужден работать на сельскохозяйственных работах. Школу окончил в г. Хасавюрте, воспитывался в интернате. Интернатские годы стали его «университетами»: он получил хорошее школьное образование и интернациональное воспитание, которые предопределили его судьбу на будущее. Окончив школу в 1959 году, Абу-Суфьян работал на сооружении Чир-Юртовской гидроэлектростанции. Познав азы строительного искусства, поступил учиться в Дагестанский государственный университет (в г. Махачкале) и в 1965 году защитил диплом инженера-строителя по специальности «промышленное и гражданское строительство». Защитил диссертации в Москве: кандидатскую — в 1970 году, докторскую — в 1977-м. С 1977 года по настоящее время работает профессором кафедры строительных конструкций, работал деканом факультета, завкафедрой. Опубликовал книги по проектированию сейсмостойких зданий и сооружений, по применению методов прикладной математики в строительной механике, по металлическим конструкциям, по теории происхождения человека на Земле.

Все эти годы Абу-Суфьян совмещает свою большую педагогическую и научную работу с литературной деятельностью. Сегодня он успешно трудится профессором в Дагестанском государственном техническом университете. А поэзия занимает в его творчестве особое место — это один из самых известных современных дагестанских поэтов.

С удовольствием представляю читателю образец творчества моего друга Абу-Суфьяна. В меру отпущенного Богом и Аллахом (хорошо бы одновременно!) таланта он пытается не только мыслью, но и

адекватным ей словом упрочить наше нравственное сосуществование на вечно мятежной границе двух миров одной и, прямо скажем, не очень многочисленной человеческой семьи.

*Георгий Пряхин,
директор издательства «Художественная литература»,
академик Академии российской словесности*

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

(ТРАГЕДИЯ)

*Поводов у человека — сто
Для нервозности...
Человеку я прощаю все,
Кроме подлости.*

Так говорил мой отец

Коль в чести мужская дружба,
Бескорыстна коль она;
Коль в чести Отчизне служба,
Коли мать судьбой дана,
Мы за друга умираем,
Родину не выбираем,
Служим ей без лишних слов,
Чтоб прославить край отцов.

Но когда два близких друга
Любят женщину одну,
Дружба их, являя муку,
Переходит во вражду.
И несчастье это, ясно, —
Только женщине подвластно.
Разуму наперекор
Та выносит приговор.

Часть 1

Есть в столице близ Кускова
Одна улица моя,
Где нет шума городского,
Где бываю часто я.
Мои лучшие герои
Проживали там, все трое.
Где — Михайлова, дом 6,
Там тенистый дворик есть.

Любят дружбу беззаветно
Дети одного двора.
Наступает незаметно
Нежной юности пора.
И Емеля, и Ванюша,
И красавица Катюша
Живут, тайны не тая,
Как все верные друзья.

На двоих — одна Катюша...
Вот задача! Как здесь быть?
И Емеля, и Ванюша
Без нее не могут жить.
Как делить красу такую,
С детства сердцу дорогую?
Нет согласия меж друзей —
Катерина станет чьей?

Ум блуждает их во мраке,
Дружба их впотьмах кружит.
Дело уж дошло до драки,
Но проблему не решить:
И Ванюша, и Емеля
Ходят, спорят три недели,
Мыслит каждый, как жених, —
Компромиссов никаких!

Шепчут звезды, с неба свесясь:
«Помирись, вы — друзья!»
Так проходит целый месяц —
Что же можно? Что — нельзя?
Что же скажет им Катюша,
Чтоб Емеля и Ванюша
В дружбе были бы и впредь,
Не давая злобе зреть?

Поспешили к Катерине
Оба друга молодых.
Пусть она решение примет —
Кто ж из них ее жених?
Вот они стоят пред нею,
Слово вымолвить не смея.
Но Емеля — молодец,
Робко начал наконец:

«Ты прости, краса-Катюша,
За нелепый наш вопрос.
Я и мой дружок Ванюша
Уж поссорились всерьез —
Не хотим мы драться снова...
Ты сама скажи нам слово
И признайся нам скорей,
Кто тебе из нас милей?»

К а т е р и н а.

Вы мне очень симпатичны —
Я люблю обоих вас...
Тут лукавить неприлично:
Шуткам места нет сейчас.
Выбирать из вас поскольку
Одного должна я только,
Я душой откроюсь... что ж —
Мне Иван милее все ж.

«Я люблю... Мы любим оба...
И клянусь отцом своим —
Я отныне и до гроба
Буду спутником твоим», —
Говорит своей Катюше,
Низко кланяясь, Ванюша.
Тут сверкнул за тучей свет,
Так Гермес им шлет привет.

Обнялись друзья, все трое —
Искры вспыхнули в глазах!
Хоть Емеля вдрызг расстроен...
Хоть душа его в слезах
Там, в груди, так горько плачет,
Но Емеля душу прячет.
Что тут скажешь — а ведь он
Не на шутку оскорблен.

Е м е л ь я н.

Поздравляю, Катерина,
Коль ты выбрала его.
Зреет поздно и калина —
Она слаще оттого!
Ждать тебя я не устану
И любить не перестану ...
А пока твоим, клянусь,
Другом верным остаюсь.

День проходит. И под вечер
Катерина и Иван
От Кускова недалече
Бродят вместе. Емельян
Ходит мрачный. Одиноко

Протестует против рока,
Недовольный сам собой,
Спорит с собственной судьбой.

Е м е л ь я н.

Ничего, краса-Катюша...
Потерплю я, хорошо.
Тоже мне... жених... Ванюша,
Пожалеешь ты еще!
Выбрала она Ивана...
Чем он лучше Емельяна?
Лопну или сгину я —
Катя будет все ж моя!

Нынче время — непростое...
Притворюсь я, как паук,
Что смирился я с судьбою,
Что Иван мне — старый друг.
Что желаю им я счастья
И рассветов без ненастья.
Но придет, я знаю, день —
Лопнет Вани дребедень.

Чтоб поймать мне птицу счастья,
Чтоб удар мой был как раз,
Надо быть без ложной страсти
В нужном месте в нужный час.
Пусть простит меня Всевышний
За характер никудышный...
Коль родился я плохим,
То останусь уж таким.

Между тем бегут недели,
Жизнь идет своим путем.
Успокоившись, Емеля
Все оставил на потом.
А красавица Катюша
И дружок ее Ванюша
Уж помолвлены. Теперь
В свадьбу им открыта дверь.

Свадьба шумно веселится:
Поздравляют молодых;
У людей румяны лица
Средь фонтанов золотых;
И бокалы звонко бьются,
В них коньяк и вина льются;
Пляшут зал и антресоль
В ресторане «Метрополь»!

Уже утро серебрится,
Освещенное звездой.
После свадьбы вереницей

Потянулись все домой.
 Гости с парюю расстались...
 Наконец одни остались
 И невеста, и жених
 В спальне брачной на двоих.

Катерина: «Наконец-то!
 Мы одни, любимый мой.
 Нету третьему тут места...
 И не нужен мне другой».
 «До могилы будем вместе», —
 Говорит Иван невесте.
 Счастьем перевозбужден,
 Обнимает женку он.

Во дворе, один гуляя,
 Нервничает Емельян:
 «С Катей он в любовь играет...
 Ну держись теперь, Иван.
 Где мечты и где страдания,
 Где же тайные свиданья?..
 Все пропало, как в дыму,
 К сожаленью моему».

Ночь любви спешит раздеться...
 Стала Катя тяжелей:
 У нее дитя под сердцем,
 И ему немало дней.
 Так проходит уж полгода —
 Плакать начала погода,
 Счастье, словно вешний гром,
 Скрылось скоро за холмом.

Хоть зарница землю красит,
 Но земля омрачена:
 Как некстати на Кавказе
 Началась опять война.
 Холостого Емельяна
 И женатого Ивана
 Военком на равных ждет,
 Чтоб отправить их на фронт.

Дремлет ночь под звездным небом,
 Чтоб любовь была нежней.
 Расставаться так нелепо
 С милой женушкой своей,
 Сердце горестно рыдает,
 И огонь любви пылает,
 Но превыше нам всего
 Долг и честь, и божество.

«Я прощаюсь, дорогая, —
 Говорит Иван жене, —
 Смерть любую отвергая,

Не сгорю я и в огне.
 И клянусь, что жив я буду
 И тебя я не забуду...
 Я вернусь, ты жди меня,
 Верность должную храня».

К а т е р и н а.

За меня не беспокойся,
 Проживу я, как смогу.
 За ребенка ты не бойся,
 Я его уж сберегу.
 Мамой мальчика я стану —
 Назову его Иваном...
 А тебя, ты должен знать,
 Хоть три года буду ждать!

Часть 2

В пламени Кавказа горы,
 Доли чудные в дыму.
 Провинились чем просторы,
 Непонятно никому!
 Кто, зачем, за что воюет?
 Кто мутит всех, интригует?
 Здесь ведь не было врагов,
 Где же он — покой веков?

Гул «вертушки»¹ смерть пророчит,
 Плачут дети в тишине —
 Нет спасенья им... Короче,
 На войне — как на войне:
 Бьют, стреляют, убивают.
 И пощады здесь не знают...
 Только правда бытия
 Здесь у каждого — своя!

В битве страшной за ущелье,
 Где стоит отвесно склон,
 Оказался в окруженье
 Двадцать первый батальон.
 Здесь Иван и с ним Емеля —
 Под обстрелом две недели.
 Их теснят со всех концов,
 Все сжимается кольцо.

От стрельбы, уже нестройной,
 Мир скалистый возмущен.
 Защищаясь здесь достойно,
 Не сдается батальон...
 Бились долго, не пропали.

¹ Вертушка — военный вертолет.

Наконец кольцо прорвали;
В суматохе молодцы
Разбрелись во все концы.

Оба друга, неустанно
От погони уходя,
Оказались в Дагестане
У Гимринского хребта.
Здесь вокруг такие горы —
Всюду дивные просторы.
Емельян заморожен
И красой такой пленен.

Бездна манит их игриво,
Парень смотрит зорко вниз;
Оступившись у обрыва,
На руке одной повис
И кричит: «Поддай мне руку!
Помоги, прошу как друга».
И Иван без лишних слов
Поспешил на друга зов.

Вот Иван с трудом немалым
Емельяна поднял вверх.
Словно гром, по синим скалам
Прокатился дружный смех.
Вдруг толкнул Емеля в спину
Друга — Ваня в бездне сгинул...
Возмутились небеса,
И заплакала гроза.

«Ты прости, мой друг Ванюша.
Всем статьям наперекор
Мне достанется Катюша —
Вот таков мой приговор!» —
Емельян уж торжествует,
Не стыдится — в ус не дует;
И, злорадства не тая,
Он кричит: «Она — моя!..»

Повторили горы эхом:
«Я — моя — моя — моя...»
Возмутились диким смехом
Даже дальние края.
Почернела вся округа —
Мир скорбит под солнцем юга.
Емельян покинул склон,
Чтоб найти свой батальон.

Так проходит дня четыре.
Все спокойно среди гор.
Жизнь бурлит, как прежде, в мире
Войнам всем наперекор:
Пляшет в чудных ожерельях

Осень желтая в ущельях;
Красит золотом восток
Скалы, тропы и лесок.

Двое горцев — на охоте:
Двое горцев — два ружья.
Вот они близ скал проходят
У журчащего ручья.
Слышат: кто-то тяжело стонет,
Лежа на тернистом склоне.
Подбежали: стонет здесь
Человек — в крови он весь.

Хоть недвижим, еле дышит,
Все же держит нож в руке.
Речи странные он слышит
На нерусском языке:
Двое, молча, виновато,
Уж несут его куда-то...
Ничего не помнит он —
Все вокруг ему как сон.

Видно, с ним беда случилась
У Гимринского хребта:
Его память отключилась,
В прошлом — только пустота!
В голове его мутится,
Кровь из ран еще струится.
Ангел Смерти — уж над ним,
Темен и неумолим...

Скоро тропка повернула
И пошла полого вниз.
Наконец-то до аула
Горцы «с грузом» добрались;
В саклю занесли больного,
Уложили, как родного;
И пошли, мольбы шепча,
Чтоб позвать к нему врача.

Зашептал народ в ауле,
Прокатился странный слух,
Что не саблей и не пулей
Сокрушен больного дух;
Что нашли его разбитым,
Среди скал, почти убитым...
Так, собравшись у ворот,
Моет косточки народ.

Между тем подъехал доктор,
Подошел к больному он
И, ощупав ноги, локти,
Осмотрев со всех сторон,
Предписал ему лечение,

Чтоб тотчас, без промедленья
Он лекарства принимал
И диету соблюдал.

Наконец больной очнулся
И открыл свои глаза;
Ликом к свету повернулся —
И скатилась вниз слеза.
На тахте он, на растяжке,
Лежа боком, дышит тяжело;
В гипсе правая нога,
И подвешена рука.

Свой диагноз врач поставил,
Сделал все уже, что мог.
Саклю скоро он оставил
И сказал: «Поможет Бог».
Во дворе — хозяин сакли.
Мудрым может быть не всякий,
Но иметь обязан честь,
Презирая ложь и лесть.

Сакли сей хозяин — скромный —
Да продлится его век!
Мир его души — огромный,
Сам он — чести человек,
И теперь он, как к родному,
Обращается к больному:
«Я за вас безмерно рад ...
Буду впредь я вам как брат.

Я — Ахмед, я ваш спаситель.
Не люблю красивых слов...
За приют мой вы простите —
Нет в горах у нас дворцов.
У меня вы подлечитесь,
Жить по-новому учитесь,
И тогда моя семья
Станет вам уж как своя.

Как зовут вас? Вы откуда?
Есть ли там у вас семья?» —
«Я не знаю». — «Дело — худо...
Вы скажите, не тая,
Отчего все раскололось
И притих ваш мощный голос?» —
«Ничего не помню я,
Память барахлит моя».

«Коли память уж пропала,
С чистого начнем листа,
Чтоб над вами засияла
Ваша новая звезда:
Званным станете вы братом —

Будем величать Маратом;
Скоро примете ислам —
Помогу во всем я сам.

А пока лечитесь, сударь...
Познакомить вас пора:
Понимает толк в простудах
Моя младшая сестра.
Всей родней она любима,
И зовут ее Фатима.
Где она — там тает тьма...
Вот сестрица и сама, —

Молвит, к ней он обращаясь:
Познакомься, вот — Марат».
А больной, слегка смущаясь,
Отвечает: «Очень рад.
Извините, что лежу я,
А не бегаю, бушуя...» —
«Будешь слушаться во всем —
Станешь снова молодцом, —

Шутит так краса-Фатима, —
Буду рядом я с тобой...
Коль судьба неумолима,
Лучше нам дружить с судьбой».
Тут Ахмед их оставляет.
А Фатима заставляет
Пить Марата молоко,
Следом делая укол.

Плодотворно попечение —
Двадцать уж прошло недель.
И к концу идет лечение,
На дворе уже апрель.
И Марату стало лучше —
Разошлись над ним все тучи:
Ходит он уж молодцом
И с сияющим лицом.

Как живущий в Дагестане,
Принял скоро он ислам.
Правоверный мусульманин
Молится по всем статьям;
Дружит тесно он с соседом
И работает с Ахмедом;
Чтоб в молитвах преуспеть,
Ходит часто он в мечеть.

Прыть любви неотвратима...
Пригласив к себе, Ахмед,
И Марата, и Фатиму,
Молвит: «Вам немало лет...
Знаю я о чувствах ваших

Как о самых настоящих.
Чтоб настал ваш звездный час,
Поженю я скоро вас».

Свадьбу шумную сыграли:
Танцевал, гулял аул.
Молодым в открытом зале
Ветер счастья нежно дул,
Каждый им детей пророчил.
Свадьба шла три дня, три ночи...
Там и я гулял, хмельной,
Был на свадьбе тамадой.

Хоть веселье — скоротечно,
Жизнь течет своим путем.
И она продлится вечно,
Коль детьми наполнен дом.
Уж два года пролетело,
Как веселье отшумело.
У Марата — сын Мамед,
Он растет, не зная бед.

Часть 3

Расцвели в горах террасы,
И запели соловьи.
Отгремели на Кавказе
Напряженные бои.
В стольный град, в Москву, немедля
Прибыл в орденах Емеля.
И пошел к Катюше он —
Кажется, что видит сон.

Вот вошел во двор широкий,
Ускоряя шаг, спешит.
А мальчонка синеокий
Радостно к нему бежит;
Спотыкаясь на пороге,
Он цепляется за ноги
И кричит: «Ты видишь, мам!
Папа мой приехал к нам».

«Он не папа твой, Ванюша!
Друг он папы твоего», —
Говорит ему Катюша,
Не скрывая своего
Непростого раздраженья.
«Ни к чему нам возмущенья...
Правду мелет сорванец —
Нужен мальчику отец!» —

Успокаивая Катю,
Молвит смело Емельян.

«Ты один явился? Кстати,
Где ж отец наш, где Иван?» —
«Защищая хилых, слабых,
Пал в бою он смертью храбрых». —
«Почему-то ты не пал,
Возвратился, не пропал!»

Кате тут обидно стало,
И заплакала навзрыд...
И к Емелюшке припала,
Как к защите от обид.
Ей он шепчет неустанно:
«В праздник горцы Дагестана,
Чтоб отметить торжество,
Обезглавили его».

«Погубили в Дагестане
Друга детства твоего...
Почему же ты Ивану
Не помог, не спас его?» —
«Я, Ивана защищая,
Натиск горцев отражая,
Бился с ними, словно лев,
Страх и смерть преодолел.

Но их было слишком много...
И еще в придачу — танк!
Все — фанатики... Без Бога
Не сломить их нам никак.
Воевать в пределах края
Горцам горы помогают.
Но я бился... Из чужих
Уложил я восьмерых». —

«Вижу я — ты был героем:
За отвагу — ордена!» —
«Нынче нас уже не трое:
Я — один, и ты — одна.
Есть еще и свет надежды —
Я люблю тебя, как прежде.
Катерина, за меня
Выходи, не трать ни дня». —

«Обещала ждать три года —
Замуж... нет, я не могу.
Подождем... И пусть погода
Прояснится на бегу.
И тогда покажет время.
А иначе перед всеми
Опозорюсь я совсем...
Коли так, спешить зачем?»

И Емеля, окрыленный,
Соглашается на все,

И надежды вверх по склону
Покатилось колесо.
«Коль связала нас беда уж,
Для тебя я навсегда уж
Буду мужем-молодцом,
А для мальчика — отцом».

Поползли деньки, как прежде,
Уходя в немую даль.
Ходит в траурной одежде
Катерина; а печаль
От людей хранит незримо,
Роком грозным нелюбима.
Так прошло немало дней,
Скоро легче стало ей.

Время — самый лучший лекарь:
Хоть и медленно, всегда
Лечит душу человека.
И в ауле Чирката,
Среди горцев Дагестана,
Дом построил несказанный
Наш Марат. И вот теперь
В терем сей открыта дверь.

Среди гор шумит веселье —
Собралась вся родня:
Здесь справляют новоселье,
Нравы горские храня.
Тост Ахмед свой произносит
И Марата превозносит,
Добавляет: «Чем могли,
Мы Марату помогли».

Долго так сидели гости,
Разошлись уж поутру.
Исчезает в небе роздымь,
Чтобы дня начать игру.
Наслаждаясь на охоте,
За аулом уже бродят
Наш Марат, его сосед
И прославленный Ахмед.

Подстрелили они тура
И расслабились слегка.
Им моргает дождик хмуро,
Шепчет издали река.
Тут Марат, друзьям на диво,
Ходит важно у обрыва...
Вдруг упал он и повис,
И слетел, как прежде, вниз.

Подбежали горцы к «брату»
И вздохнули глубоко.

Видно, повезло Марату —
Он отделался легко:
Хоть в царапинах все тело,
Руки, ноги, к счастью, целы;
Что-то стало с головой,
И Марат уж сам не свой.

У Марата происходит
Революция в мозгу.
Наконец-то — на охоте! —
Вспомнил он свою Москву...
Вспомнил мать, родную душу,
И любимую Катюшу;
Осознал, что он — Иван;
Понял, кто есть Емельян.

Все внутри перевернулось,
Стало тяжело на душе.
Память полностью вернулась —
И Марат другой уже.
Он считает дни и ночи,
С Катей встретиться он хочет...
Понял он — трехлетний срок,
Данный ею, уж истек.

Жизнь течет под небом чистым.
У Ивана среди ночей
В голове кружатся мысли:
«Должен я вернуться к ней,
Чтоб спасти мою богиню.
Емельян, подлец, накинун
Ей на шею лжи аркан,
Заведет ее в капкан».

Из дому Иван выходит,
Чтоб покинуть царство гор.
И, блуждая, ночью бродит
Разуму наперекор.
Всюду здесь под небесами —
Горы, крытые лесами.
В мир большой один есть мост,
Но и там — охранный пост.

Никакого освещения —
Месяц за горой потух.
Входит наш Иван в ущелье
И бежит там во весь дух.
Спотыкается он часто
И горит душой от счастья.
Впереди — хребет крутой,
Мир за ним — уже другой.

Путь свой держит неуклонно
Он к заветному хребту

И несется вверх по склону,
Руша камни на ходу
И ворон пугая спящих,
И чертей страша гулящих.
Окрыленный, он теперь
Стал бесстрашным, словно зверь.

Нету сил, но помаленьку,
Вопреки законам всем,
Он ползет на четвереньках,
Весь измученный совсем,
И срывается случайно.
Вот напасть — некстати крайне.
Он скользит по склону вниз,
Где его уж ждет сюрприз.

Вот ударился всем телом
Обо что-то... Чуть живой,
На ноги встает он смело —
Перед ним медведь большой!
Заревел гигант неожиданно
И погнался за Иваном.
Но медведь, увы, не барс!
Биться с ним не всяк горазд.

Кто ж его теперь спасет здесь! —
Он на дерево полез.
На дыбы медведь встает здесь
И, ревя, тревожит лес:
Страшно дерево качает.
Тут Ивана выручает
Его смелость, быстрота
И мышленья острота.

Спрыгнул с дерева он точно:
На медведя сел верхом
(Не придумаешь нарочно —
Что-то есть от зверя в нем).
Встрепенулся косялапый,
Чтобы сбросить прочь нахабу.
Но Иван тут сам — как зверь,
Крепко держится теперь.

Побежал медведь по склону
Прямо вверх, рыча слегка.
Он кружится возмущенно,
Чтобы сбросить ездока.
И кусты, и сучья ломит,
Спотыкаясь в полудреме.
Мчится так Иван верхом,
Позабыв уж обо всем.

Склон горы все круче, круче —
Зверь как вкопанный встает!

И ездок сквозь куст колючий,
Падая, летит вперед.
Продолжая путь упорно,
Он шагает непокорно,
После падает ничком,
Сбитый с ног сухим сучком.

Среди гор, в ночи туманной,
В забытье впал наш беглец.
Вдруг змеи ручей желанный
Будит парня наконец.
Он очнулся. Со змеею
Дальше рвется по прямой он.
Отпускает змея там,
Дальше он несется сам.

Мышцы все его устали —
Выбился из сил сполна.
До хребта осталось мало —
Вот вершина уж видна.
«Ты прости, прощай, лощина!
Наконец я на вершине», —
Так кричит он, чуть дыша,
Но в восторге вся душа.

Он стоит теперь над бездной,
Где царит ночная мгла.
А под ним стеной отвесной
Черная висит скала.
Неприступная преграда,
Словно горькая отрада,
Притупляет ум и слух,
Возмущает его дух.

Осознав, что все напрасно,
Наш Иван тут возопил;
Иступленный, в миг несчастный,
Головой об скалы бил;
Покорил он всю вершину,
Укротил свою кручину
И сказал: «Не пропаду!..
Путь домой я все ж найду».

Часть 4

Жизнь в Москве иначе длится —
Все мелькает в суете.
Дней рабочих вереница
Бесконечна, как нигде.
Но надежда рай пророчит,
Вслед за днями бегут ночи,
Миру — светлый мир суля,
Пока вертится земля.

Муж — как солнце для Катюши,
А сынишка — божество!
И она, живя с Ванюшей,
Ждет Ивана своего.
Емельян за ней все ходит,
От Катюши не отходит,
Говорит ей вновь и вновь:
«Кончилась игра в любовь».

Вышел уж давным-давненько
Срок, обещанный тобой.
Будто есть меж нами стенка,
Будто я уже другой,
Ты меня совсем не любишь.
Этим ты меня и губишь...
Смертью храбрых пал Иван,
Жив зато твой Емельян!»

Обращаясь в мыслях к мужу,
Катерина говорит:
«Ты любил свою Катюшу —
И ты мною не забыт,
Но судьба другое хочет...
Я ждала все дни и ночи,
Верность должную храня.
Ты прости, Иван, меня».

Я должна за Емельяна
Выйти замуж... Он твой друг.
И кривить душой не стану,
Он — мой будущий супруг.
Я тебе открою душу:
Его любит и Ванюша.
Будет сыну он отцом,
Не обидит и словом».

Расцвели родные дали,
Зашумел в Кускове лес;
Свадьбу скромную сыграли
В ресторане «Семь чудес».
И Емеля, и Катюша,
И сынишка их, Ванюша,
Стали все одной семьей,
Все — довольные собой.

Между тем средь гор высоких
Всюду блещет красота:
Зорька светит на востоке
У Гимринского хребта.
Видим нашего Ивана
Снова в сакле. Встал он рано.
Но душа его болит
И о многом говорит.

И в а н.

Срок трехлетний, данный ею,
Уж прошел давным-давно.
Как бы ни было, слабея,
Я не сдамся все равно...
И до дому доберусь я,
С Емельяном разберусь я:
Ненависть ко мне храня,
Предал подло он меня.

Встречусь с матерью родимой
И Катюшу обниму.
А потом вернусь к Фатиме —
Я ее в Москву возьму.
Хватит жить ей в Дагестане...
И, как честный мусульманин,
Я по всем канонам впредь
Две жены могу иметь.

Обращаясь виновато,
Он Ахмеду говорит:
«Ты прости меня как брата...
Предо мной вопрос стоит:
Как мне быть и что мне делать?
У меня в Москве есть дело.
Должен съездить я туда,
Чтоб не грянула беда».

А х м е д.

Кто же против? Ради бога!
Можно съездить и в Москву.
Только подожди немного —
Дни промчатся на бегу,
И твоя родит второго...
Здесь решения другого
Я не вижу. И потом —
Станешь дважды ты отцом.

Ходит наш Иван, расстроен, —
Больше он не может ждать.
Он решительно настроен,
Вновь готов уже бежать.
Ночка спит под лунным светом,
Все объято теплым летом.
В путь выходит наш Иван,
Чтоб покинуть Дагестан.

Но задача — не простая:
Хоть живет он среди гор,
Как покинуть, он не знает,
Охраняемый простор.

Всюду здесь под небесами —
Горы, крытые лесами...
В мир большой один есть мост,
Но и там — охранный пост.

Он бежит по склону скрытно,
Где шумит массив лесной;
Ничего хотя не видно,
Он несется здесь стрелой;
Обойдя потом вершину,
Переходит он лошину...
Так добрался он до скал
И нашел там, что искал.

Там поток клокочет дальний,
Чтоб найти покой внизу:
Среди гор, в теснине скальной,
В бездне роется Кой-Су¹.
Наш Иван туда стремится...
Вот осталось метров тридцать.
Наконец он у реки
Всем запретам вопреки.

Быстро он обходит щели
И находит скоро здесь
У теснины перешеек,
И кричит невольно: «Есть!»
Он берет разгон приличный,
Делает прыжок отличный,
Приземляется на край —
Неудачно! Ай-яй-яй!

На руках держась над бездной,
Он беспомощно повис...
Но, устав висеть отвесно,
Вдруг срывается он вниз.
И, захваченный потоком,
Он плывет, хранимый Богом.
Так несет его волна,
Напоив водой сполна.

Между скалами — стремнина,
Гонит волны, как овец.
Как Иван котел покинет,
Как спасется наш пловец?
Вот уж километров десять
Он в потоке воду месит.
К счастью, здесь тиха река
И пологи берега.

Но нигде нет переправы —
Здесь Сулак непокорен.

На ближайший берег, правый,
Еле-еле вышел он
И качается устало,
Ходит медленно и вяло,
Раздевается, дрожит...
Просушиться он спешит.

Скоро утро. Незаметно
Просыпается заря,
Наступает час рассветный —
Муки парня все не зря.
Но, куда пойти не зная,
Он по берегу шагает
И, увидев вдруг шоссе,
Он стремится к полосе.

На машинах на попутных
Едет все вперед, вперед.
После приключений трудных
Самосвал — как самолет.
Склон горы минуя круто,
Мчится так он до Чир-Юрта,
Где обычно поезда
Замедляют ход всегда.

На товарный сел он поезд
И с трудом залез в вагон,
Там, немного успокоясь,
Погрузился в сладкий сон.
Бьют колеса монотонно,
Мчится поезд многотонный...
Едет, едет, едет он,
Весь без сил, изнеможен.

Наконец Иван в столице...
Он волнуется уже:
Ходят мысли вереницей,
Неспокойно на душе.
Он спешит к жене любимой...
Весь объят огнем незримо,
Входит он во двор теперь.
Перед ним — родная дверь.

И Иван стучится смело,
По-хозяйски — кулаком.
Дверь протяжно заскрипела,
Приоткрылась, а потом —
На пороге встал Емеля!
Друг на друга налетели —
Задрожал и двор, и дом:
Емельяну — поделом.

Неожиданны порою
Повороты бытия.

¹ Кой-Су – река Сулак в Дагестане.

Как враги на поле боя,
Бьются старые друзья.
Тут Катюша прибежала,
Битве скоро помешала...
Успокоилась, потом
Повела Ивана в дом.

К а т е р и н а.

Милый мой! Да неужели?
Может, это сладкий сон?
Ты ж погиб среди ущелий,
Где отвесен каждый склон,
По которым не подняться...
Говорили — дагестанцы,
Как пришельца, не любя,
Обезглавили тебя.

И в а н.

Дагестанцы — не убили,
А спасли! Они меня
На руках своих носили,
Уваженье мне храня.
А столкнул меня пугливо
С высоченного обрыва
Старый друг мой, Емельян.
Думал он — погиб Иван.

Емельян пошел на это,
Чтоб зажить ему с тобой.
Там без памяти я бредил —
Года три ходил больной.
К счастью, вспомнил наконец-то,
Что Москва — родное место.
Потому сегодня я
Пред тобой, любовь моя.

Е м е л ь я н.

Ты, Иван, мужик живучий,
Не погиб, с горы слетев.
Нынче ты меня замучил,
Укротил мой страшный гнев.
Чтобы жить нам без кручины,
Будем биться, как мужчины,
Без чужих и без родни —
Без свидетелей, одни.

Выяснить без промедленья
Отношения пора.
И мужчины в ночь затмения
Вышли оба из двора.
Катерина тихо плачет

И бормочет, слез не пряча:
«Чем в огне таком гореть,
Лучше мне уж умереть».

Дремлет ночь, сияет месяц,
Спит уже Кусковский парк.
Блещут лампы звездных лестниц,
Освещая полумрак.
Средь деревьев двое бьются,
От ударов спины гнутся...
Так свирепствует Иван,
Полон гнева Емельян.

Опрокинув Емельяна,
Сделав болевой прием,
Наш Иван, умело, рьяно
Бьет об землю его лбом.
Прекращая с ним бороться,
Емельян уже сдается,
Говорит: «Она — твоя!..
Отпусти, исчезну я».

И Иван тут, успокоясь,
Отпускает и встает,
И, слегка поправив пояс,
Он идет уже вперед.
Но Емеля догоняет,
В спину нож ему вонзает...
Так обманутый Иван
Погибает вновь от ран.

У окна, храня тревогу,
Катеринушка стоит
И, молясь усердно Богу,
Что-то тихо говорит.
Так часы в ночи мелькают,
На душе надежды тают.
Наконец открылась дверь...
Что же делать ей теперь?

Перед ней стоит Емеля,
А Ивана нету с ним.
Катерина — еле-еле:
«Где же друг наш, херувим?» —
«Там, в Кускове, наконец-то,
В озере, в глубоком месте,
Я его уж утопил,
Чтобы он опять не всплыл!

Ты, смотри, храни молчанье...
Нет пути уже назад!
Толку нету от рыданий,
Пусть в Кускове плачет сад.
Успокойся, Катерина,

Мы с тобой — одни отныне.
Некому меж нами встать,
Он не явится опять».

Бесконечно ночь длится —
Спят все крепко в терему.
От душевных бурь не спится
Человеку одному:
Плачет тихо Катерина.
Спит Емеля у камина;
И Ванюшу сон сморил,
Сказку Ване подарил.

Вихрем кружатся метели,
У Катюши стынет кровь:
«Обманул меня Емеля —
Обманул тогда и вновь...
И предатель, и подлец он.
Вот и время наконец-то...
Крест покорно свой неся,
Больше жить так мне нельзя!»

Она медленно шагает,
Смотрит в кухне за комод.
Там топор она хватает
И решительно идет
К Емельяну. И без страха
Отсекает одним махом
Голову Емеле с плеч...
Перестало время течь.

И она в корзину сразу
Голову его кладет
И уже, теряя разум,
С ношей сей в ночи идет,
Направляется в Куское,
В царство парка городского.
А за ней сынок бежит,
Плачет громко и кричит:

«Ты куда, скажи мне, мама,
Голову отца несешь?
Папа мой — любимый самый —
На кого теперь похож?
Бегать больше не могу я...
Дай корзину, помогу я,
Чтоб еще раз мой отец
Прошептал мне: “Молодец!”»

Но она не слышит больше,
Ничего не говорит
И печалиться не может —
Тенью ум ее покрыт...
К озеру она подходит,

С ношей в воду, вниз, уходит,
Исчезает в тишине,
Чтоб найти приют на дне.

А Ванюша свою маму
Ждет у берега, сидит;
Заливается слезами,
Тихо, нежно говорит:
«Выходи, тебя люблю я;
Без тебя, один, умру я...
Мамочка, я здесь замерз.
Ты не видишь моих слез?»

Долго ждал он свою маму,
Не дождался никого.
Героиня этой драмы
Превратилась в божество.
И с тех пор минуло время,
Подросло младое племя:
Ваня стал уже большим
И собой — неотразим.

Но и ныне, как и прежде,
Он подолгу вдаль глядит;
С мамой встретиться в надежде
Ваня часто там стоит.
И на дне души о маме
Бережет он свято память.
У него и в светлый день
На лице от грусти тень.

Чтоб от шума городского
Быть подальше, иногда
Я и сам брожу в Куское,
Где природы красота
Блещет в первозданном виде.
Там на озере я видел
Трех красивых лебедей,
Так похожих на людей.

Продолжение. Начало в № 4–12 за 2012 г.

СНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ, или ПОЛУЗАБЫТЫЕ СНЫ

(Воспоминания Михаила Моргулиса. Начаты в 2008 году, в августе)

Я записываю свои воспоминания в особое время жизни. Когда наш мир стремительно и мощно меняется. Мое поколение оказалось на стыке изменения мира. Мы находимся как бы на краю трещины, раскалывающей мир. Да и лицо мира становится другим. Не могу сказать, лучшим или худшим, но другим. Новое поколение — это уже измененные люди, с другой психикой, с другими мечтами и фантазиями и другим отношением к человеку и к самому себе. Мне кажется, компьютерные визуальные возможности завели их в другие сферы, они ушли размышлять повыше, над землей. Правда, они мыслят узко, но высоко, не знаю, понятно ли говорю. Они сфокусированы на другом, не полностью уже человеческом, частично на технологических выдуманных реалиях, на частично выдуманном ими мире. Технология развлечений делает их жизнь фата-морганой, жизнью витающей. Вот тут абсолютно подходит старое выражение, делает их витающими в облаках. Мне кажется, им уже непонятны будут строчки Есенина: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» Они и живут всегда в полуснах. Время меняет нас не всех, а только новых жителей Земли. У Жюль Верна в его фантастическом романе о полете на Луну думающие интеллектуальные лунатяне время от времени оцепеневают, застывают. И специально приставленные слуги бьют их по головам надувными шарами, чтоб они оживлялись и продолжали функционировать. Новое поколение мне немного напоминает тех лунатянь. Их надо стучать слегка, чтобы они окидывали непонимающими глазами мир, в котором они

живут. И видели не только визуально живущее в их сознание, а реальных людей с их потом, кровью, слезами, страданиями и любовью.

Я написал о своих духовных позициях по поводу Интернета. Знаю, многие усмехнутся, но, надеюсь, прочтут.

Интернет: добро и зло

Как и все великое-нейтральное, Интернет служит добру и злу, Богу и дьяволу, хорошему и плохому. Это вписывается в логику рассуждения о нашем мире, где во многих случаях жизни человек, находясь в состоянии внутренней свободы, данной ему Богом, может определять выбор своих действий по отношению ко всему происходящему вокруг него. Что ж, в этом нет ничего нового, кроме того, что теперь для этого человек использует гигантскую всеобъемлющую технологическую силу Интернета. И благодаря этой силе он получил возможность сообщать о своем выборе другим. Т. е. один человек получил доступ ко всему человечеству. Это величайшее событие в истории мира расщепило и изменило общее сознание цивилизации и дало индивидууму невероятное право воздействовать своими мыслями и откровениями на целый мир. До сих пор большинство людей еще не до конца осознало, что началась новая коренная трансформация человеческого сознания, которая приближает это сознание к ближнему и к Богу. Ибо Интернет — это Божье послание в мир, хотя, опять-таки, могущее быть использованным как для спасения, так и для

гибели. Другими словами, человечество с помощью Бога незаметно вступило в эпоху более умудренного, зрелого сознания цивилизации. Бог дал небесный привод для усовершенствования нашего сознания и даже возможность для рождения в нас нового сознания и, как последствие этого, для умерщвления в нем многих ветхих понятий о жизни. Этот свершенный Божий акт способствует сближению человечества, и результатом его должна стать вначале понятая, а потом исполненная людьми Божья сверхзадача. Возможный результат этого акта: по предполагаемому замыслу Бога, обмен между людьми всей существующей в мире информацией должен помочь им понять небесно-земной замес и смысл этих великих открытий, которые в результате дают возможность человеческому индивидууму приблизиться к его Творцу. Наряду с этим небесно-сознательное допущение создания всемирного терроризма недвусмысленно дает понять, что Интернет не изменил нас, а дал через глобальную сеть информации лишь возможность к изменению и познанию пути к добру и злу, к Богу и дьяволу. Если мы хотим увидеть жизнь такой, какая она есть, надо просто понять, что страшное и мощное ветхое сознание язычества существует сегодня по всему миру, прикрываемое мундирами и фиговыми листками различных религий. Оно живет в каждом из нас в той или иной степени. И нет силы на Земле, которая выкорчевала бы его. Такая сила есть только на Небе, и, возможно, она выкорчевывается только крестом Иисуса. Интернет — это только лишь технологические, невероятно ультрасовременные и, возможно, космические костыли, помогающие нам выйти на единственно верную дорогу. Говоря легче, Интернет — дополнительная великая сила, данная нам для познания жизни и избрания в ней дороги.

Лишь рассматривая глобальные события на планете через призму вышесказанного, мы сможем слегка отодвинуть занавес, открывающий действительную ситуацию в огромном зале театра всемирных событий. Если вышесказанное будет не понято или непонятно, занавес не отодвинется, мы останемся на неосвященной сцене и будем уходить в темные углы забвения, не понимая этой жизни и событий, которые в ней происходят. Наверное, это очень важно!

Пару слов я хотел бы добавить, что Интернет в своей нейтральной логике оказался также точной зловонной трубой для всякого рода хамов, человеко- и богоненавистников, карикатурных изделий на творение Божье (кто их создал, можете догадаться сами), существ, опустившихся в своей низости до полной духовной деградации, по Федору Сологубу, различных «мелких бесов», прокламирующих злыми голосами бесовские идеи ненависти. Но, с вздохом, надо при-

С. М. С. Горбачевым

нимать и это, ибо все, абсолютно все, как мы говорили — доброе и злое, — происходит в границах ауры свободы, предоставленной нам Творцом. И последнее. Душевное сознание рождает гипотетическую мысль — только любовь, сообщенная с Креста, помогает нам с пониманием и прощением относиться ко всему происходящему в этом безумном мире.

Михаил Моргулис, Флорида, www.Morgulis.tv

Возвращаемся к победителю дракона. Я пишу эти строки, когда Горбачеву исполнилось восемьдесят лет. Спорят, хорош он был или плох, атеист или скрытый верующий. Я уже писал — он был мечом в руке Бога. Он был верующим, потому что исполнил все, что Господь вложил в его душу. И, очень важно, не пролил ни капли человеческой крови. Это разве не от Бога?

Помню первую встречу с ним в Кремле. 1990 год. Впервые в истории правительство СССР официально пригласило лидеров американских христиан-

ских организаций посетить советскую страну. Нас в делегации семнадцать человек. Впервые на официальном уровне американские христиане встречались с руководителями СССР в области политики, экономики, науки и культуры. Встречи в Совете Министров, в Верховном Совете, Академии наук, встреча с руководителями КГБ, встреча в Кремле с М. С. Горбачевым...

Но вначале вспоминаю Раису Максимовну Горбачеву. Это уже было попозже, после всех официальных встреч. Она сидит на диванчике, зорко смотрит вокруг. На ней скромный темно-розовый костюм. Я сижу рядом с ней. Держит меня за руку. «Майкл, всегда всем рассказывайте, что благодаря Михаилу Сергеевичу у нас не было гражданской войны!» И потом, помолчав, добавляет: «Ради людей он не хотел спорить с амбициозными политиками и отошел в сторону». Смотрит на появившегося генерала Руцкого, будущего руководителя путча против Ельцина, переводит темно-карие глаза на генерала Столярова: «Нет, Николай, кроме вас никто в романтику не верит». Столяров с Руцким освобождали семью Горбачевых из-под ареста путчистов в крымском Форосе. До этого Столяров преподавал в Академии генерального штаба. После освобождения Горбачев назначил его заместителем председателя КГБ и сказал: «Надо всё там изменить!» В эйфории наступавшей свободы и он не понимал, что в такой организации всё изменить нельзя, ибо секретная полиция сталинизма превратилось в государство в государстве. Но Столяров за короткое время успел передать арестованные рукописи Солженицына, списки множества стукачей в области религии и культуры, рассказал обществу о многих прискорбных фактах насилия, лежащих на совести этого аппарата пыток, подавления, убийства. Потом Столяров стал заместителем министра обороны страны и сумел с помощью библейских обществ мира напечатать для армии миллион Библий в обложке цвета хаки. А в предисловии написал, что каждый солдат и офицер должен знать, о чем говорит эта великая книга жизни.

Раиса Максимовна дальше говорит, что, мол, смотрит мои еженедельные телепрограммы «Возвращение к Богу». Качает головой:

— Вы такой способный. Так хорошо все рассказываете. Глаза ваши убеждают... Но если бы еще о Боге не говорили, вообще было бы хорошо...

— Раиса Максимовна, если о Боге не говорить, то зачем мне по телевизору выступать!

— Как современный философ, не могу с вами согласиться. Можно говорить о духовности, но без упоминания Бога....

— Простите меня, но тогда это не настоящая духовность, это просто нравственность...

С Р. М. Горбачевой

— Увидим Майкл, увидим... Не Бог, а красота должна победить мир...

— А Бог — что это...

Когда спустя несколько лет Раиса Максимовна умирала от лейкемии, она часто повторяла слова: «Господь... Господи... Слава Тебе...» Так рассказывали ее близкие.

За десять дней до ее ухода я по просьбе нескольких людей молился о ней и верил, что по Божьей милости она будет в том месте, где душам хорошо.

На открытии Фонда Горбачева в Москве она огляделась и тихо сказала, почти прошептала: «Им нужен был царь, а он был всего лишь президентом. Они хотели, чтобы он наказывал, а он пытался научить их любить...»

После ее смерти Михаил Сергеевич однажды увидел меня в дипзале аэропорта, подошел и на ухо сразу же сказал: «Больше всего хочется узнать, где она сейчас».

Однажды произошла удивительная вещь. Горбачев был где-то на Ближнем Востоке. Журналисты задали ему вопрос: «Можно ли реально достичь мира на Ближнем Востоке?» Он вдруг ответил: «Можно. Только через Иисуса Христа!»

Странное дело, все газеты — американские и европейские — этот ответ не опубликовали. Одна только итальянская газета, она сохранилась у меня, напечатала его слова.

Говорю с Ириной, их дочерью, сейчас исполнительным директором в Фонде Горбачева. Она в то время смотрела на мир восторженно, говорила о том, как ей хочется верить в Бога. Все тогда были другими. Еще действовал наркоз свалившейся свободы. Российские люди были оглушены чувством почти вседозволенности, в большом советском концлагере убирались вышки охранников, рвалась колючая проволока, люди становились друг другу

ближе. Конечно, как всегда, со свободой выползла из затаенных углов разная нечисть, но ее еще не замечали. Нечисть присматривалась, находила потаенные слабые места человеческого сердца, чтобы проникнуть туда. И проникала.

К старости я все больше удивляюсь природе человека. Человеку, да простят меня некоторые, свойственно «упорство тупоумия», по выражению писателя Салтыкова-Щедрина. Оно возникает в человеке не всегда из-за нехватки ума, а из-за злобного упрямства, в частности, от нежелания помнить гадости и мерзости, совершенные его вождями. Есть в этом какое-то бесовское влияние. Взять, к примеру, Сталина. Ведь был убийца, тиран, по-простому, палач был, вурдалак, дьявольский отпрыск, замучил и убил миллионы людей, и все равно некоторые вспоминают его с ностальгией. Интересно, что вспоминают его с ностальгией и те, у кого в семьях были убиты сталинскими слугами близкие родственники и друзья. Вот ведь что делает дьявол с человеческой памятью и душой. Сейчас еще присутствуют на земле люди, в которых живет ненависть к этому палачу, но живут еще и те, кто славит его, кто тоскует по нему. Какой-то мазохизм! Должно пройти время, когда и тех и других уже не будет, и будет жить поколение людей, равнодушных ко всему, в том числе и к нашей эпохе, и к упырю Сталину. Сталин станет историей, его будут вспоминать примерно как Нерона, но уж не как Юлия Цезаря. Он станет небольшой страничкой вечной истории. Да, после нас будут жить равнодушные ко всем нам, известным и неизвестным.

Итак, снова возвращаюсь к Горбачеву. Спорят о нем, ругают пока его те, кто с тоской вспоминает СССР, в ком продолжает жить рабский дух холуя к хозяину. Редко кто понимает, что Горбачев был инструментом Бога, который после семидесяти четырех лет разрушил государство зомбированных рабов. Он был скальпелем в руках Творца. Что для Бога семьдесят четыре года? Он только взгляд перевел, потом снова посмотрел, а прошло уже семьдесят четыре года. И увидел, что это плохо, даже ужасно. И выбрал тех, кто разрушит концлагерь. А с Гитлером и того меньше было, всего тринадцать лет. Единственно, каюсь перед Всевышним, как-то не согласуется с Божьей логикой мое сознание. Оно в том противится, что понимает: от мерзавцев нельзя даже на миг отворачиваться. Ведь мерзавцы очень часто захватывают власть, и пока Бог переведет на них взгляд и уничтожит, они успевают уничтожить миллионы людей. Я знаю, что Божья логика не человеческая, и Божья справедливость — не человеческая. И все равно, не в состоянии я понять,

почему Господь любви допускает эти дьявольские жертвоприношения. Прости меня, Господи!

А Горбачев исполнил свое предназначение. И, скажу откровенно, думаю, что он об этом догадывался и чувствовал это. У меня для такого утверждения есть некоторые основания.

Мы, руководители христианских организаций Америки, встретились тогда с Горбачевым в кабинете Кремля. Поговорили о том, что, возможно, ждет мир и наши страны. Говорили около часа. В конце я попросил разрешения помолиться. Горбачев немного растерялся: «Ну, вообще, Майкл, это не церковь...» Я со вздохом возразил, что раньше Кремль был духовным символом России. Он тогда тоже вздохнул и вдруг бодро говорит: «А вообще, кому молитва помешает...»

А когда прощались, как-то прозорливо поглядел вверх, вниз, на меня и произнес тихо: «Знаете, где вы молились? В кабинете Сталина...»

А до встречи с Горбачевым нас принимали два руководителя КГБ, этой всемирно известной организации, один из которых, генерал Николай Столяров, впоследствии стал моим добрым другом. Там я сказал, что мы, наверное, первые американцы, которые пришли сюда добровольно.

Видно было, что дежурных солдат в КГБ научили, как надо себя вести. Они делали зверские, суровые лица. У американцев всплывали ассоциации из Джеймса Бонда, «Из России с любовью», всякие пытки, описываемые в журналах, книгах и голливудских фильмах.

В КГБ в конце встречи тоже прозвучала молитва.

Тогда это было внове, люди везде слушали, как зачарованные. И генералы слушали. И президенты.

По Москве мы ездили с генералом Столяровым на его машинах, а потом, когда по нашему приглашению он прилетел в Вашингтон, то мы с ним много гуляли пешком. Сидели однажды даже под мостом и пели:

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома...
Белой акации гроздьга душистые
Ночь напролет нас сводили с ума...

В доме для гостей Белого дома, где жил генерал, краны в ванной были покрыты золотом. Генерал время от времени недоумевал: «Как же так! Уже столько лет они здесь, а никто не отвинтил...»

Нас пригласил встретиться знаменитый сенатор Марк Хетфилд. Хетфилд подарил генералу свою Библию на английском языке и между прочим заметил, что те, кто Библию изучают, редко берут чужое. Как-то к месту сказал. Знаю, что с этой Библией Николай

Сергеевич потом не расставался. Даже когда на него во время московского путча было покушение, он лежал в госпитале, а на тумбочке была эта Библия.

Как бы меня ни убеждали, но порядочные люди в небольшом количестве сохраняются при любой власти. Может, это те остатки праведных, о которых говорит Библия. Были такие люди и при советском режиме, и было их не так мало. Люди помогали выживать друг другу. Человек интуитивно чувствовал, что без другого человека ему приходит конец. Поэтому чекистско-кагэбэшная система так стремилась разъединить людей, сделать из них врагов друг другу. Ведь враг врага выдает и предаст намного легче, даже если они родственники или друзья. Впрочем, это страстное звериное желание любого тоталитарного режима — сделать из людей врагов. Все-таки какое же слабое существо человек, какое несовершенное существо, каким мелкоподобным Богу бывает это богоподобное существо. Стоит только вогнать в него ощущение будущей боли, будущих пыток, насилия над его близкими, как оно

сдается и идет на любые подлости. Но виноваты ли мы в этом? Нет! Мы так устроены Богом и природой, что не выдерживаем пыток. Выдерживают их, как мы писали раньше, только редкие из нас, только остатки, как пишет Библия. Да, мы творение Божье. Но не только Божье, но и дьявольское. Поэтому в человеке всегда живут Бог и дьявол, и идет вечная борьба между ними за душу человека. Это еще Достоевский замечал. И должны мы честно признаться, что в этой борьбе чаще побеждает дьявол. Но до тех пор, пока в человеке будет побеждать и Бог, до тех пор человечество не умрет.

Что будет с Америкой и Россией, не знаю. Но пока в этих странах многие победы будут на стороне Бога, мы выстоим, мы не умрем. Нет, мы умрем, но дети и внуки будут жить. Раз уже о таком заговорили, добавлю еще одну свою мысль: мир не погибнет из-за перенасыщения оружия, а погибнет тогда, когда умрет на свете последний человек, в котором жила любовь.

Продолжение следует.

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

Кирилл Ковальджи — поэт, прозаик, критик, переводчик. Родился в 1930 году в бессарабском селе Ташлык (ныне Каменское Одесской обл.). Окончил Литературный институт им. Горького в 1954 году, работал журналистом в Кишиневе, с 1959 года в Москве — в аппарате правления СП СССР, в журналах «Советская литература», «Литературное обозрение». Более десяти лет работал в журнале «Юность» зав. отделом и членом редколлегии. В 1992–99 годах — главный редактор издательства «Московский рабочий». Издает интернет-журнал «Пролог» для молодых писателей России (при Фонде СЭИП). Член Союза писателей с 1956 года, секретарь СП Москвы, член Русского ПЕН-центра.

Печататься начал в 1947 году. Первый сборник стихотворений «Испытание» вышел в 1955 году. Затем последовали ряд сборников, повесть «Пять точек на карте», роман «Лиманские истории», «Свеча на сквозняке» (1996).

Многие произведения К. Ковальджи переводились на иностранные языки. Роман «Лиманские истории» издавался в Польше, Болгарии, Молдавии, сборник стихотворений — на румынском, болгарском.

К. Ковальджи руководил поэтической студией, ведет творческие семинары.

Наиболее полно поэзия Кирилла Ковальджи представлена в книге «Избранная лирика» (2007). Однотомник прозы, поэзии и переводов «Обратный отсчет» вышел в издательстве «Книжный сад» в 2003 году.

Лауреат литературной премии «Венец» (2000 г.). Заслуженный работник культуры РФ.

От редакции

Имя выдающегося поэта современности Кирилла Ковальджи давно известно нашим читателям. Его судьба и творчество прочно связаны с нашим журналом. Поэтому особый интерес представляют воспоминания Кирилла Владимировича о том литературном времени и пространстве, когда художественные открытия ценились больше, чем материальные ценности.

ТРОЕ ИЗ ПЕТРОЗАВОДСКА, ТРОЕ В МОСКВЕ...

Дивертисмент

1.

Первым году в пятидесятом в Литературный институт из Петрозаводска прибыл Вовка Морозов. Белокурый, вихрастый, миловидный, как молодой Есенин, он поселился рядом со мной на бывшей даче Маршака в Переделкине, где в ту пору было

общежитие. Мы подружились. Вовка легко и упоенно писал стихи, которые сразу нравились. Его стали печатать, помню, он готовил подборку для «Комсомольской правды», я даже присочинил для его стихотворения две строчки, которые ему не давались.

Вообще он был переимчив. Однажды он вдохновился моим стихотворением, кончающимся строками:

А утром я придумал
Три хороших слова:
«Я тебя люблю!» —

и написал свое, которое кончалось «почти» также:

...Придумал
Шесть хороших слов:
«Ляля, Лялечка, я тебя очень люблю!» —

и спросил простодушно: «Ты не против? Я только для нее...»

Шутки шутками, но Вовка Морозов был честным, открытым, талантливым, дружелюбным. Он радовался жизни и себе самому. В другой книге я уже рассказывал об истории с журналом «Март», когда меня исключали из комсомола. Все были за, кроме троих воздержавшихся — одним из них был Володя Морозов. Честность делала его смелым, а простодушие — слабым. Он по-детски хвалился своими успехами: получая гонорар, щедро угощал друзей и сам охотно напивался...

На следующий год из Петрозаводска появились еще двое: Марат Тарасов и Роберт Рождественский. Первый был поэт ровный, стабильный, таким он и остался до сих пор, возглавляет писательскую организацию Карелии. Зато Роберт стремительно стал восходящей звездой нового «маяковчатого» поколения советских поэтов — в одном ряду с Евтушенко и Вознесенским.

Я сказал, что Морозов был переимчив. Но слишком доверчиво усвоил «правила игры», когда уже требовалось другое, новое. Евтушенко, например, после вполне «правильного» сборника «Разведчики грядущего» сразу почувствовал востребованность перемен и пошел на прорыв. А Вовка, уже привыкший успешно «соответствовать», продолжался в прежнем русле. Его первый сборник «Стихи», вышедший в 1957 году, оказался слишком правильным, приглаженным. И не прозвучал. Редкие лирические прорывы могли что-то значить:

...Не прожил никто без ошибок,
Никто без ошибок не рос...
Учились мы жить на ушибах,
Порою опасных всерьез.

Но социального звучания не предусматривалось — автор сводил «ошибки» к чему-то частному, личному («Со мной приключилась беда») и благодарил любимую за поддержку в трудный час... Другой его чуткий земляк Роберт Рождественский уже

припечатал каленым железом (все понимали, о чем речь!): «Человек погибает в конце концов, / Если он скрывает свою болезнь!»

К тому времени я, уже окончив Литинститут, уехал в Кишинев. Доходило до меня, что Вовка чуть не спился, но его взяли в армию, и это его вроде бы спасло...

Короче говоря, Роберт его затмил, и хотя Володя продолжал печататься, однако с недоумением обнаружил, что в его судьбе что-то не состоялось. Он вернулся в Петрозаводск, женился.

Году в 57-м в один из моих приездов в Москву я встретил его возле Литинститута, он стоял, прислонившись к стене, одутловатый, пьяный, с трудом и как-то тупо узнал меня... Не думал я, что вижу Вовку в последний раз: его жизнь трагически оборвалась. Совершенно неожиданно, без видимой причины, даже напротив — причины были обратного характера! Рассказывали, что в тот день он заключил договор с «Советским писателем» на новую книжку, получил из дому телеграмму, что у него родился сын, выпил на радостях, поехал в Лыткарино и там ночью удавился... Наверное, в приступе белой горячки.

Ему было всего лет двадцать пять (Евтушенко в «Строфах века» неверно указывает годы его жизни: 1932–1952), он называл себя «безудержным оптимистом», писал: «Весельчак — я останусь впредь им, / Нервы крепкие у меня...»

Нервы оказались вовсе не крепкими.

Он был предтечей. Как предтечей был и Саша Гевелинг, написавший еще в 49-м году: «Не слушайте, не слушайте меня, / Я говорю неправильные вещи...» (не публиковал, конечно).

А Роберт оказался вовремя. Он был самым «системным» из поэтических лидеров шестидесятников.

Женился он для нас неожиданно на Алле Киреевой, поселился во флигеле дома Ростовых и стал полноправным москвичом.

Так он — единственный из тех троих петрозаводцев — вошел в другую, ставшую знаменитой, тройку...

2.

У Маяковского при жизни были два наиболее заметных последователя — Асеев и Кирсанов. В следующие годы, несмотря на настойчивые призывы продолжать традиции Маяковского, ничего не получалось. Если не считать пустые риторические попытки Владимира Котова — от него осталось в памяти только несколько «антимещанских» строк:

На столике ландыши пахнут вовсю,
За столиком я и жена.
Я говорю ей так нежно: «Сю-сю».
«Сю-сю», — отвечает она, —

то лишь в послевоенное время появилось два более примечательных претендента — Григорий Горностаев с поэмой «Тула» («Таращится из люка, / Как баран, / Старая злюка — / Гудериан») и Николай Соколов с поэмой «Именем жизни», в которой на глобальную идейную высоту поднималась борьба с болезнями — дескать, все другие проблемы уже решены:

Медлить нельзя.
Примиренцы — обуза.
В мир без войн и микробной плесени!
...Мы вот
граждане Советского Союза
уже разбили
социальные болезни.

Автор действительно был инвалид. Он старательно копировал интонацию Маяковского:

Куда б не девалась —
В просторах вселенной
Разыщу!
Проникну сквозь стены в квартиру я.
Звонящие нервы раскинул антенной,
любимой,
тебе радируя...

В. Огнев даже выступил в «Литературной газете» с восторженной статьей «Маяковский продолжается». Однако эти поэты дальше внешнего воспроизведения поэтики Маяковского не пошли, да и не могли пойти — не пробил еще час перемен. Потому теперь совершенно забыты. А вот после XX съезда Маяковский «вернулся» сразу в трех вариантах: Евтушенко, Вознесенский, Рождественский.

Роберт не случайно в этом ряду третий. Он оказался наиболее, что ли, советским (хоть и в после- сталинском смысле). Член партии, секретарь Союза писателей по иностранным делам, председатель ЦДЛ, лауреат Госпремии и т. д.

Я как-то зашел к нему в его квартиру на улице Горького, недалеко от Кремля. В тот день нанятый архивист проводил инвентаризацию его библиотеки, состоящей исключительно из книг восемнадцатого и более ранних веков. Роберт был богат: его кормили не столько стихи, сколько песни.

Я выделяю контрастные штрихи, потому что в них отражается время. Если бы писал специально

Выступление студентов Литинститута в 154-й московской школе. Слева направо: Абрам Алткян (Армения), Рышард Данецки (Польша), Владимир Морозов (Петрозаводск), Кирилл Ковальджи. 1952

о Роберте, то прежде всего сказал бы, что он был умный, добрый, порядочный и талантливый. Ему, кроме песен, очень удавались пародии, иронические стихи, но он им не придавал значения. Серьезным делом он считал поэму «Письмо в тридцатый век», которая уже в конце перестройки стала анахронизмом («По широким ступеням столетий поднимается ЛЕНИН к вам!»). Увы.

Справедливости ради следует сказать, что в Ленинке искали опору и Евтушенко, и Вознесенский — для них не было иного пути в борьбе против пороков системы, при которой они вступили в жизнь. Я тоже чтит Ленина, долго считал, что возможен «социализм с человеческим лицом», болел за Дубчека, потом восторженно принял Горбачева.

Так, пожалуй, закончилась «традиция» (не поэзия!) Маяковского. По иронии судьбы поэт, который был всего лет на восемь младше, таким анти-Маяковским закольцевал двадцатый век русской поэзии, — Иосиф Бродский.

Самыми популярными были упомянутые трое, им досталась небывалая громкая слава, они сделали свое дело на определенном отрезке времени, однако время — «вещь необычайно длинная» — потом отдало предпочтение бормотанию непечатного «тунейдца», поэту одинокому и внутренне свободному...

В Переделкине, где и сейчас живет семья Роберта, он, единственный из поколения, удостоился улицы своего имени. На табличке почему-то значится «российский писатель» — новое определение!

А у Пастернака нет улицы, его дача-музей по-прежнему находится на улице Павленко...

Когда я писал эти строки, умер второй, самый яркий из той тройки — Андрей Вознесенский. Евтушенко шаткой тяжелой походкой прошел к

микрофону мимо гроба на эстраде Большого зала ЦДЛ. Стал хрипловато читать по бумажке что-то литературно-значительное, потом перешел к своим свеженаписанным стихам — тут снова обрел свой сильный эстрадный голос.

Три мушкетера... Или великолепная тройка... (Их было не трое, конечно, а целая плеяда, имена известны, но мое эссе — штрихи, а не картина.)

Помню, как росло сопротивление их приходу. Вот один эпизод шестидесятых годов. Малый зал ЦДЛ. Идет какое-то осуждение, председательствует Андрей Лупан. После Евтушенко выступает Алексей Сурков и обрушивается на него с демагогической партийной критикой. Тогда за ним без спроса выскакивает на трибуну Вознесенский, дает сдачи Сур-

кову: дескать, люди смертны, и вы умрете, товарищ Сурков, а поэзия останется, она, а не ваши нападки на нее...

Я видел, как опешил Лупан, не готовый к тому, что назревало в Москве...

Поэты от мира сего. Осознавшие свою силу, свой звездный час, Отважные и щедрые, везучие и пробивные. Победители. Впервые произошло такое в истории русской поэзии. Они не только победили при жизни, но и прожили дольше своей победы...

...Через две недели после смерти Вознесенского в Кремле президент России вручил Евгению Евтушенко государственную премию.

Он был первопроходцем в этой тройке, и он же оказался замыкающим...

ТАШКЕНТ

Дивертисмент

С улыбкой и без улыбки

1.

Сентябрь 1968 года. Конференция писателей Азии и Африки в Ташкенте. Мне, тогдашнему консультанту аппарата правления СП СССР, предложили поработать в пресс-бюро этой конференции. Я согласился. Как назло накануне отъезда над левой ягодицей у меня выскочил чирей. В самолете я лежал боком — нарыв быстро созрел. Потому первым делом после устройства в гостинице я отправился в поликлинику, благо она была неподалеку, через площадь. Меня со значком московской прессы пропустили без очереди. Веселый узбекский хирург тут же уложил меня на стол лицом вниз, сделал обезболивающий укол, подождал сколько положено и вскрыл чирей.

И тут зазвонил телефон. От моего врача срочно требовали какие-то сведения, справки. Я покорно лежал лицом вниз и ждал. Что-то противно текло по боку. Минут через десять мой врач закончил препираться по телефону, подошел ко мне и лихо сделал еще один надрез. В это время распахнулась дверь, и кто-то недоуменно спросил:

— А где зубной?

— Какой зубной? Человек на столе! Без штанов лежит.

— Вижу. А зубной где?

— Ты что — совсем?

— Я с острой болью!

Они перешли на узбекский, бурно выясняя отношения. Тут уж я не выдержал:

— Доктор, дорогой, у меня анестезия проходит!

Хирург всплеснул руками, подскочил ко мне, быстро закончил дело, заклеил мне половину задницы и отпустил восвояси.

Поковылял я грустно к своей гостинице. Вдруг вижу у самых ног сложенную вчетверо пятерку, по тем временам — деньги. А я нагнуться не могу. Оглянулся, увидел мальчишку лет семи, подозвал — давай, мол, хватай, это тебе! Тот сграбастал пятерку и отбежал с благодарным визгом.

Я доплелся до своего номера и лег. Однако через некоторое время, извиняюсь, мне захотелось в туалет. И тут — о ужас! — снять штаны оказалось невозможно — приклеились! Пришлось осторожно отмачивать бок горячей водой...

На другой день после работы в пресс-бюро я заторопился на перевязку. Спустился вниз, где у парадной стояла прикрепленная к нам машина, говорю водителю:

— Привет, дорогой. Подкинь меня в поликлинику!

Но неожиданно услышал в ответ:

— Я тебя не знаю, ты меня не знаешь.

Оказалось, я забыл нацепить значок пресс-бюро. Пришлось отчеканить:

— Тебя завтра никто знать не будет! Видел, откуда я вышел?

Узбек вскинул брови, посмотрел в небо, подумал и произнес:

— Так бы и сказал. Садись...

2.

Пишу теперь, через много-много лет. Сама конференция напрочь забылась, потому я не зря начал с юмористической сценки — она-то осталась в памяти! Да еще Евтушенко в связи с Чехословакией. Я и мои коллеги были глубоко травмированы тем, что случилось, но еще обманывали себя тем, что возвращение Дубчека домой означает некий компромисс...

Вечером я и еще кто-то (не помню кто) гуляли по пустынным улицам Ташкента с Евтушенко. Он прочитал стихотворение «Танки идут по Праге, танки идут по правде... И по сидящим в танках».

Я восхищался им. Потом он рассказал, что в Штатах встречался с Робертом Кеннеди, тот завел его в ванную, включил воду и под шипение кранов сообщил ему, что это ЦРУ по сговору с КГБ сдали Синявского и Даниэля. (Не помню, за какую взаимную услугу со стороны наших «органов».)

3.

Но было еще одно личное событие, которого я ждал с волнением и которое оказалось не таким уж значительным.

Это лирическая предыстория встречи с Ташкентом.

У меня была трогательная любовь с одноклассницей, которая тоже писала стихи. Она приехала в наш бессарабский городок из Ташкента, много о нем рассказывала и — увы! — вскоре вернулась с родителями туда. Мы переписывались, я мечтал приехать в Ташкент, откладывал рубли, которые мне мама давала каждый день на бутерброды в школьном буфете. Я прятал деньги среди страниц энциклопедии.

Через несколько месяцев однажды, придя домой, увидел на столе две новые сорочки. Мама сказала:

— Я нашла у тебя в книге деньги, мы с папой решили купить тебе рубашки (этот эпизод я использовал в своих «Лиманских историях»)...

Но через три года она, моя первая, приехала летом с мачехой в Одессу, ясное дело — я туда полетел как на крыльях. Но она оказалась уже замужем. И вообще с немалым любовным опытом. Весьма не простым, драматическим, я готов был ее «спасать», но мой друг успел между делом воспользоваться ею в Одессе, что меня сразу отрезвило. Я тогда написал:

На сердце свет холодный месяца.
Ташкент, Ташкент, зеленый город,
Я не хочу с тобою встретиться,
Ты мне теперь ничем не дорог!

Но встретился. Через двадцать лет. Сумел сообщить ей, она жила неподалеку, в Капланбеке (это рядом с Ташкентом, но уже в Казахстане). Я отправился туда. У остановки автобуса меня встретила ее дочь. Муж был в командировке. Забылись подробности, помню только, что я ее, в сущности, не узнал. Взрослая женщина, какая-то погасшая, приземленная. Прошлое давно перегорело, общение было теплым, но явно поверхностным, не задевающим ни души, ни тела.

Самое интересное были мои письма. По моей просьбе она достала их из тайника между спинкой пианино и стеной. И пока она на кухне готовила для меня угощение, я с превеликим любопытством выборочно читал собственные строки. Получилось, что я встретился не с ней теперешней, а с собой — тогдашним...

Еще помню, что смеркалось, когда мы вышли в степь погулять. Говорили о том о сем, и вдруг она ни с того ни с сего сказала:

— Стара я для тебя...

Хотя в ту пору ей еще сорока не было...

Евгений НИКИТИН

Эдгар Райс Берроуз (1875–1950) — один из популярнейших американских писателей своего времени, повлиявший на развитие научной фантастики и фэнтези в XX веке. Особенно значителен его вклад в жанры планетарного романа и фантастико-приключенческих повествований о затерянных мирах и цивилизациях — например, романский цикл «Марсиане». Он написал и немало вестернов, исторических романов о Каменном веке, Средневековье и т. д. Особую славу писателю принесли двадцать шесть романов о Тарзане — человеке, выросшем среди обезьян. Предлагаем вниманию читателей небольшой рассказ Берроуза — тоже на тему природы.

ГАИЧКА

Синицы-гайки всегда живут рядом с нами. Они подобны вечнозеленым растениям среди обычных деревьев и трав: зимние холода не пугают их. Будучи древесными птицами, они легко приспосабливаются к жизни в рощах и садах. Кто знает, почему синицы решили поселиться рядом со мной — опасаясь хищников или из-за приглянувшегося дупла? Устроиться на ветке или на земле проще простого, однако гайке нужно найти дупло — причем обязательно небольшое. Дятлы, отыскав подходящий ствол или ветку, легко продавливают себе дупло. Обладательница маленького острого клювика редко так поступает, обычно ограничиваясь чисткой и углублением уже имеющегося в дереве.

Эта пара синичек поселилась в нескольких ярдах от моего дома. Дупло находилось в сердцевине небольшого сассафраса¹, футах в четырех от земли. День за днем птички, работая попеременно, углубляли и расширяли дупло: несколько секунд из дерева во все стороны разносился негромкий, мягкий стук, а затем из дупла вылезал труженик (или труженица) с щепкой в клюве. Они часто сменялись; пока одна из гаичек трудилась, другая добывала пищу — абсолютное равноправие полов (и по расцветке оперения, и по исполняемым обязанностям), которое,

кажется, типично для птиц некоторых видов. Во время обустройства жилья птичек можно было наблюдать и слушать часами, но как только отложили первое яйцо, все переменялось. Гаички внезапно стали очень тихими и застенчивыми; если бы не появляющиеся каждый день новые яйца, можно было бы подумать, что гнездо забросили. Ведь теперь у них была драгоценная тайна, которую следовало тщательно хранить. После того как началось высиживание, мне удавалось разглядеть лишь самца, и то мельком — когда тот быстро влетал в дупло, чтобы накормить супругу.

Однажды ко мне в гости приехала группа девушек из колледжа Вассара. Я отвел их к сассафрасу показать гнездо синицы-гайки. Увенчанные дамскими шляпками и покачивающимися перьями головы одна за другой появлялись у входа в дупло, а любопытные глаза всматривались в наседку, сидевшую неподвижно. Однако я видел, что она готовилась отпугнуть чужаков маленькой хитростью. Я услышал слабое шипение в глубине; глядящая в дупло девушка тут же отпрянула назад, воскликнув: «Ну и ну, она плюнула в меня!»

В таких ситуациях гаичка проделывает следующий трюк: начинает глубоко дышать, пока не раздувается до пернатого шарика, а затем разражается серией kloкочущих резких звуков, напоминающих вырвавшийся на свободу пар, отчего человек ин-

¹ Сассафрас — род листопадных деревьев, кустарников из семейства лавровых.

стинктивно закрывает глаза и отдергивает голову. Девушки, сочтя случившееся забавным, заставили птичку повторить «взрыв» еще два или три раза. Однако, поняв в итоге, что уловка не возымела должного эффекта, птица замерла и не мешала смеющимся девушкам разглядывать ее, пока их любопытство не было удовлетворено.

Мне очень хотелось увидеть первый полет вылетевших у моего жилища гаичек. Раз в два-три дня они высовывались из своего дупла.

Судя по всему, огромный внешний мир заинтересовал маленьких синичек, и однажды вечером перед самым закатом один птенчик вылетел наружу. Его первый полет длился недолго — несколько ярдов до белой акации, на ветке которой он и приземлился, после чего, пощebetав и почистив оперение, устроился на ночлег. Я наблюдал за ним, пока не

стемнело. Птенец не был ни капли напуган тем, что оказался один-одинешенек; он положил голову под крыло и заснул, как будто делал так всю жизнь. Через несколько часов прошел сильный ливень, однако утром малыш сидел на своем насесте в хорошем настроении.

Как раз когда я проходил мимо, появился другой птенец. Он прыгнул на ветку, встряхнулся, защебетал и запел. Несколько секунд спустя его, казалось, осенила блестящая идея — его тело замерло, выпрямилось и словно затрепетало от волнующе-острых ощущений. Я знал, что все это значит: что-то шептало птице — «Лети!». С громким криком он пружиной взвился в воздух и полетел к соседнему болиголову. В тот день и на следующий гаички улетали из гнезда таким же образом, пока не осталось ни одной.

Перевод с английского Евгения Никитина.

Евгений Никитин — студент пятого курса Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

Как переводчик публикуется в «Юности» с 2010 года.

Татьяна ТОПАРКОВА

Родилась в 1988 году в Астрахани. В 2010 году окончила филологический факультет Астраханского государственного университета. Сейчас работаю журналистом. Литературу любила всегда, сколько себя помню. Особенно поэзию. Мои первые творческие поиски начались с литературной студии астраханского писателя-фантаста Андрей Беянина. В четырнадцать лет благодаря ему и поэту Наталье Колесниковой вышел мой первый сборник «Полночь». В 2007 году я стала лауреатом региональной литературной премии им. Н. Мордониной и выпустила сборник «Предчувствие было».

Трудно сказать, что значит поэзия в моей жизни. Скорее, она является ее неотъемлемой частью, духовной составляющей. Как сказал Сергей Есенин, «моя биография в моих стихах».

* * *

В этом доме давно не пели.
В грустном доме, где печка с сажей.
Где-то там, в январе, метели.
Здесь и их не услышать даже.

И ракушки на полке с юга,
Тихо крест на цепи качаю.
Я сегодня теряю друга,
А в столовой накрыли к чаю.

За отчаянье выдам горе,
Ты давно не встаешь с постели
И уже не приедешь с моря
В этот дом, где давно не пели.

* * *

Там пустота стоит в воротах
И по-сиротски просит хлеба,
Я променяла волю неба
На пыль в песчаных поворотах.

Там память на пороге встала
И бьется, бьется лбом о двери.
Не надо говорить о вере,
Когда молитвы на ночь мало.

Там сердце — колотое блюдце —
В моей груди к твоей печали.
Я сто дорог прошла вначале,
Чтоб выбрать путь, каким вернуться.

* * *

Моя весна оттенка февраля
И горьких капель запаха полыни.
Осиротевшей горлицей отныне
Я падаю в замерзшие поля.

Кто подстрелил, кто пойман — не беда,
Как бесполезно время лечит душу.
Большим китом я падаю на сушу
Из моря, где отравлена вода.

Теперь гулять по высохшим лесам,
Сначала ланью, а потом и волком.
И не добыча, не охотник толком,
Ищу луну по черным небесам.

Твоя вина, что я не пилигрим,
А грустный воин без меча и чести.
Не вспоминай, что судьбы были вместе
И казнены предательством одним.

* * *

Мы в разных комнатах с дубовыми засовами,
И поздно биться, окна заколочены,
Мне в руку сны летят ночными совами,
Зверями дикими и звуками полночными.
Лучины кончились, и темнота кромешная,
Здесь страхи сами улетают с воплями,
И кто придет за пленниками грешными,
Ведь мы с тобой давно друг друга проклинали.
Никто отсюда никуда не денется,
Я паутину здесь сметаю веником,
Ты не спешишь ко мне — забытой пленнице,
А я все помню сумрачного пленника...

г. Астрахань

Анатолий ЯГОДКИН

Анатолий Ягодкин, двадцать один год. Родился в Петрозаводске, сейчас живу в Москве. Учусь на четвертом курсе МПГУ им. Ленина (исторический факультет). Стихи пишу с детства. Первый сборник вышел в 2005 году, всего выпустил четыре книги стихов, играю в музыкальной группе «Берег мечты», являюсь автором большинства текстов песен. Владею испанским языком, сейчас пробую писать по-испански.

О нас и о тех, кто вокруг нас

В подвале репетирует рок-группа,
А над подвалом протекает жизнь:
Сантехник дядя Юра рано утром
Уж осушил припрятанный пузырь,
Соседка тетя Соня спозаранку
Идет готовить внуку кислый борщ,
Физрук Семен Семеныч лечит раны
И замуж выдает вторую дочь.
Кристина с восемнадцатой квартиры
Опять приводит парня ночевать.
Им на двоих не хватит даже мира,
Всю ночь скрипит отцовская кровать.

А мы живем с тобою в ля-миноре
В подвальном, неотесанном раю,
И на душе опять эмоций море,
И я ищу мелодию свою.
Проснись и пой, ленивый обыватель!
Не думай о всесильной суете,
Не хорони себя, ведь жизни хватит,
Чтоб не прогнить, наверное, на всех.
И все так хорошо субботним утром,
И за окном уже цветет весна...
В подвале репетирует рок-группа,
И дому ночью точно не до сна.

* * *

Голосу сердца внемли,
Счастье зови в полет.
Просто упасть на землю
Небо нам не дает.
Недолюби, останься
Пусть догорит заря,
В ритме шального танца
Жизнь проживаешь зря.

Рифмой случайной боли
Ты озаглавь рассвет,
Не называй любовью
То, чего в сердце нет.
Не допевай куплеты,
Не уходи на дно,
Может, вернется лето
Кадрами из кино.

Два поворота судеб,
Сущность историй — быть,
Знаешь, мы просто будем
Радоваться, любить.
Знаешь, все в мире просто,
Нужно найти ответ,
Что-то подскажут звезды,
Если рассвета нет.

г. Петрозаводск

ОТСУТСТВИЕ УМЫСЛА

— «Голымторсом, голымторсом», что вы мне все заладили. Я вас русским языком спрашиваю: как был одет подсудимый? В тот момент, когда стрелял?

Судья Жолбакай недавно был переведен в этот пригород, где преобладало русскоговорящее население.

— Вот я и говорю, — напряглся очередной свидетель. — Голый торс и трико.

— Ну вот опять! — всплеснул судья руками и повернулся к прокурору Мукатаю. — Они что, издеваются?

— Голый торс — это значит без одежды по пояс, — вынужден был пояснить прокурор.

Тишина повисла в зале судебного заседания.

— Да понял я уже давно!

Народные заседатели переглянулись без улыбок.

Рассматривалось дело о преступлении средней тяжести — ранении дробью после бурной молодежной вечеринки на зоне отдыха. Дюжина парней и девчат весело и красиво в июльские выходные с ночевой-шашлыком, пивом-водкой-коньяком прибыла на нескольких иномарках к озеру отметить круглую дату рождения подсудимого. Лихо перезнакомились: все молодые-холостые. После полуночи дискотека пошла на убыль. Стали складываться пары. Именинник на самом пике веселья остался без внимания — как раз в тот момент, когда оно ему требовалось больше всего. Тогда он

решил восстановить статус-кво с помощью отцовского дробовика, который лежал в багажнике. Двое парней и одна девушка получили ранения средней и легкой степени тяжести. С этого момента именинник своей цели достиг — обеспечил себя (а также своих гостей) общением-вниманием со стороны следствия и суда на полгода вперед по полной программе, включая очные ставки и содержание под стражей.

— А вы где были в момент выстрела?

— В бунгало.

— С кем?

— С Юлей... Я же говорил уже...

— А Юля сказала, что была в ту ночь с Вадимом... — вынужден был уточнить судья.

Следующий свидетель — седьмой по счету... Вопросы судьи становились все короче и короче... Поведение девушки Юли на этой вечеринке самовольно рисовало параллельный сюжет и отвлекало судью. Ему хотелось подробностей... про Юлю...

— Где находились в момент выстрела? В бунгало?

— Нет.

— А где?

— В лодке.

— Почему в лодке?

— Потому что везде занято было...

— Понятно. А с кем вы были? —

Судья уже догадывался, каким будет ответ.

— С Юлей.

«Ну вот, так и знал! Все-таки опыт есть опыт!»

— Так сколько там Юль было?

— Одна она... — горестно вздохнул свидетель..

— Прошу объявить перерыв, — раздался голос прокурора.

Адвокаты закончили скромный «кабинетный» обед (чай, сахар, пирожки).

— Этот новый судья... странный такой... никак не могу его имя запомнить. — Адвокат именинника Раиса Захаровна красила губы помадой морковного цвета.

— Магауия Жолбакаевич.

— Ма-га... как? Прости господи, не выговорю.

— Ну так запишите. — Муле это не понравилось.

— Нет-нет, я запомню, — заискивающее сказала Раиса Захаровна. — Надо только схожее слово найти... Магуия.

— Ма-га-у-ия!

— Нет, я так запомню... Могу ли я... Могу ли я... Могу я... Могуя.

Муля вышла из кабинета и пошла поболтать к подружкам в редакцию газеты.

— Ишь ты, — с неприязнью сказала Р. З. вслед Муле, — не понравилось ей. Без году неделя здесь, а гляди, с норовом.

— Ну да, девушка с характером, но шустрая. — Заведующая юридической консультацией Зуля Латыповна

достала Мулин отчет за месяц. — Хочешь посмотреть ее отчет?

— Ну надо же! — ревниво воскликнула Раиса Захаровна. — Откуда столько дел-то у нее?

Заведующая неопределенно пожала плечами. Она много лет знала Раису Захаровну и предпочла свое мнение оставить при себе.

— А вообще-то девка она неплохая, — быстро сориентировалась Р. З. — Ты знаешь, чья она родственница? То-то же: яблоко от яблони далеко не упадет...

Это был коронный номер Р. З. — моментально менять позицию. Все знали эту ее привычку, но не уставали удивляться ее фантастической способности на ходу откровенно и беззастенчиво приспосабливаться под любое мнение, любую ситуацию.

Вошла мать именинника, под села к столу Р. З.

— Миленькая моя, помогите! Сделайте что-нибудь, судья злой какой-то...

— Ну что вы, что вы! Делаю все, что в моих силах. А вообще, — с энтузиазмом выдохнула Р. З., — парень-то у вас замечательный. Вежливый такой, воспитанный, симпатичный, даже не верится, что из ружья в людей палил. Конечно, жалко будет, если в колонию попадет.

И она выразительно посмотрела на мать.

— Ой, дорогая моя Раиса Захаровна, давайте что-нибудь придумаем. Вот у меня еще... — Мать подсудимо го полезла к себе за пазуху.

— Нет-нет! Не здесь, не здесь. — Оглядываясь на заведующую, Р. З. показала клиентке на дверь. Молча закивав, несчастная вышла в коридор суда.

Р. З. повернулась к заведующей:

— Да если честно, Зуля Латыповна, ты бы видела этого бандита! Да на нем печать ставить негде! Отпетый хулиган! Набрался водки — и давай к девкам приставать, а потом и за ружье схватился,

палить стал... Теперь «сделайте что-нибудь, Раиса Захаровна». Ладно, пойду уже, скоро начнем.

Возле окна в конце коридора мать подсудимого тихо передала адвокату сверток. Положив сверток в портфель, Р. З. демонстративно постучалась в кабинет судьи.

Судья и прокурор курили и наблюдали в окно, как водитель прокурора выгружает электрическую печатную машинку, привезенную из ремонта. Они давно знали друг друга по университету, работе, общим друзьям, а теперь уже и семьям.

— Не істейм? Істі бітіремба бүгін? (Что мне делать? Заканчивать дело сегодня?)

— Қайтесің? Бітір. (А чего тебе? Заканчивай!)

— Жоқ, анау қызды айтам; Юляны. Шақырту керек қой. (Нет, я говорю про ту девушку, Юлю. Ее же надо вызвать.)

— Ол не керек? (Зачем она нужна?) — засмеялся прокурор, разгадав причину любопытства судьи. — Онсыз да бәрі түсінікті. (И без нее все ясно.)

— Жоқ, кереметқой, бір кезде бес-алты жігітпен жүрү! (Нет, это поразительно, она была одновременно с пятью-шестью парнями!) — озадаченно произнес судья.

— Неңі ойлап тұрсың сен озың? (Да о чем ты только думаешь?) — опять засмеялся прокурор.

Стук в дверь прервал настоящий мужской разговор.

Вошла Раиса Захаровна с портфелем в руках. Прокурор быстро вышел из кабинета судьи.

— Простите меня, Мо-гу-я Жолбакаевич, — старательно выговорила Р. З., — просто хотела поближе познакомиться. Я ведь тоже в прошлом судья. Поздравляю с новым назначением. Слышали о вас как о честном и профессиональном судье. У нас тоже коллектив хороший...

Магауию Жолбакаевича пугали такие женщины. Еще не старые,

но сильно молодящиеся, от этого неестественные и зловещие. Яркие губы, ногти, перстни, броши, серьги, терпкие духи, рыжая туча на голове. «Албасты (ведьма)», — мелькнуло у судьи.

Но прочь эмоции, профессиональным взглядом судья окинул, сидящую за приставным столиком, Р. З. Что ей нужно? Повисло молчание.

— Вот это ведь ваше первое дело на новом месте, — деловито тарыхтела Р. З. — У нас каждый сезон это случается на зоне отдыха: то утопят, то зарежут, то застрелят. Мы привыкли. Но вот мой подзащитный не такой. Вы, пожалуйста, проявите снисхождение. Он хороший парень. Ну, перепил, с кем не бывает. Молодой еще... Мать вот просит за него, обещает отблагодарить...

— Какой «отблагодарить»? Что такое говорите! Вы это... идите. Пжалста! Спасибо. Рад был познакомиться.

Продолжение судебного заседания — окончание судебного следствия. Прения сторон. Здесь Р. З. старалась изо всех сил, разя несколько целей сразу: произвести впечатление — для судьи, отработать гонорар — для матери, запомниться публике — для своего авторитета на перспективу. Последнее слово подсудимого. Суд удалился для вынесения приговора.

— Ну что, моя родненькая, как там будет? Отпустит судья сыночка-то? А то прокурор больно много запросил. — Мать заломила молитвенно руки.

— Служба у него такая, много просить, — громко, на публику сказала Раиса Захаровна и, понизив голос и стреляя глазами по сторонам, протараторила: — Все-все, все сделала как надо. Теперь будем ждать приговора.

И быстро пошла в адвокатскую комнату.

Народные заседатели мирно расселись в кабинете, изображая совеща-

тельную комнату, женщина дремала, мужчина читал книжку.

— Что будем делать с мерой наказания? — для формальности спросил судья, хотя сам давно определился.

— А что мы можем?

— Можно в колонию отправить, а можно и условно дать. Что скажете?

Женщина встrepенулась.

— Дак что ж сразу в колонию-то. Он же не судим. Спокойный такой, вежливый.

— Ну еще бы ему не быть вежливым в суде, — высказался мужчина, — а по чистой случайности только не убил никого.

— Ну не убил же! Потерпевшие вон за него просят! Мать у него больная, инвалид, сестренка в школе учится, вырос без отца..

— Вообще-то о нем ничего плохого я не слышал. Он ведь на ГРЭС стал работать, как из армии пришел, а там работа тяжелая, горячий цех. И коллектив ходатайствует...

— «Назначенную меру наказания считать условной...» — Судья зачитывал приговор, одновременно пытаясь отогнать осеннюю муху, норовившую сесть прямо на резолютивную часть приговор. — Мынау шыбын кайдан шыкты? (Откуда взялась эта муха?) «...с испытательным сроком на три года...» — Судья взглянул поверх очков, опять прервался. — Өзі екеу екен. (Да их еще и две.) «Меру пресечения содержание под стражей изменить на подписку о невыезде».

Весь зал, включая потерпевших, ликовал. Раиса Захаровна была счастлива, растроганно принимала поздравления и слова благодарности от подсудимого и его родни.

* * *

«С наступающим новым, 1990 годом!» Созданный силами молодежи суда-прокуратуры-адвокатуры праздничный транспарант висел над предновогодним коллективным застольем.

— А где ваша Раиса Захаровна? Я не видел ее с осени, — спросил прокурор у Зули Латыповны.

Любое застолье делало его весельчаком, балагуром, остряком и сердцеедом. Женщины влюблялись в него невзирая на возраст, ранг, семейное положение и расовую принадлежность, и он отвечал взаимностью всем, до кого мог дотянуться. Муля притворялась, что презирает его, и не велась на его заигрывания, но внимательно слушала и пристально наблюдала за ним всегда.

— После такого дела и я бы год не работала.

— Какого дела?

З. Л. молча показала глазами на повеселевшего Магауию Жолбакаевича, он собирался спеть и настраивал домбру. Прокурор все понял. Что ж, молодец Р. З. За друга он был уверен. Однако ж за державу обидно.

Вошла вахтер.

— Здесь женщина какая-то спрашивает Р. З., говорит, гостинец к ногдному столу принесла.

— Я-я-я, я готов принять гостинец от женщины, — стал выбирать из-за стола прокурор.

В коридоре стояла мать именинника. Растерялась, увидев прокурора.

— Ой, простите, мы вот свинью закололи к Новому году, я сала принесла. — Она показала на огромный колхозный мешок — А Р. З. нет?

— Зато мы есть, — весело сказал прокурор. — Ну, как сынок?

— Ой, спасибо всем: и вам, и судье. Все хорошо!

— А где «спасибо»-то? — вдруг трезво спросил прокурор.

— А как же? Раисе Захаровне все передала... и вам... и... — запнулась мать, — ...и судье.

— А-а-а, — рассмеялся прокурор, — шучу я. С наступающим... А сало передадим, не волнуйтесь.

* * *

Посвежевшая и похорошевшая Раиса Захаровна с вдохновением рассказывала о своих приобретениях:

цигейковой шубе, норковой кубанке, сапогах замшевых — полный набор, и ремонт в квартире сделала, и к сестре в Россию съездила...

— А у вас что нового? Как дела?

— Новый у нас год, Раиса Захаровна, — напомнила Зуля Латыповна, — статотчет срочно сдайте. А чего даже на Новый год не пришла? Тебя искала мать Литовкина, сала принесла на праздник...

— Съели уж, поди?

— Да кто его есть-то будет? Мусульмане кругом. Замерзло на балконе, что ему делается.

— Да, — Р. З. уловила мотив на ходу, — коллектив у нас хороший. Порядочные все. Как вам, кстати, новый судья? Могуя? — покосилась на Мулю.

— Работает, нормально.

— Ой, до чего ж хороший судья. Грамотный такой, принципиальный!

— Когда ж ты его, Рая, узнать успела?

— А что? Вот второе дело мое сейчас слушается у судьи Жолбака-я-Могуя, — опять покосилась на Мулю, — объективно так рассматривает. Культурно так процесс ведет. Не то что другие. Правда, теперь подсудимый под подпиской. Нейгум — начальник цеха на ГРЭС. ДТП со смертельным исходом.

— Со смертельным исходом и под подпиской? Опасная ситуация.

— Ой, брось ты, Зуля, нагнетать, не пугай пуганых. Слава богу, судья не зверь какой-то....

* * *

Судья и прокурор курили у окна.

— Мынау керемет иномаркамен сотка кім келеді? (А кто приезжает в суд на этой шикарной иномарке?)

— Сеңін айпкерің Нейгум деген. (Твой подсудимый — Нейгум.)

— Мумкің емес! Мен бүгін үкім шығарам. Оңы тұтқынға алсам, көлігін тастайма соттың алдында? (Не может быть! Я сегодня приговор выношу. А если я его арестую, он что, бросит перед судом машину?)

— Демек, сенімділік бар шығар. (Значит, он уверен, что не арестуешь.)
 — Қайдан? (С чего это?)
 — Қайдан емес, кімнің де — қорғаушыдан. (Ни с чего, а скажи, от кого — от адвоката.)
 — Не деп турсын сен? (О чем это ты?)
 — Озің ойлан! (Сам подумай!)

Прокурор резко бросил сигарету и вышел из кабинета.
 Да, она сразу ему не понравилась. «Албасты». Надо было раньше о ней справки навести. Самое первое дело на новом месте. Бывшая судья. А почему бывшая? То-то она к нему в перерывах по этому делу раз пять-десять заходила-выходила без всякого повода.

Морковная помада зловеще проступила на помертвевшем лице Раисы Захаровны, наблюдавшей, как конвой надевает наручники и уводит ее подзащитного в автозак. По приговору ему назначили лишение свободы и взяли под стражу в зале суда.
 Иномарка перед зданием суда недоуменно мерцала в сумерках своими величественными крыльями.

г. Караганда

Зулкар ХАСАНОВ

Окончание. Начало в № 11, 12 за 2012 г.

МИГОВ

ПОВЕСТЬ

Только он ушел, как в этот же момент с шипением вырвались пламя и пар из топки второго котла, погасли горелки.

У меня прямо сердце захолонуло. Как чувствовал, что-нибудь да случится под Новый год, и вот она — черемуха! Быстро перекрываю газовый вентиль перед форсунками второго котла. Котельную окутал пар, плохо видно. Кричу своему напарнику, чтобы немедленно прекратил продувку. Сам продолжаю контролировать второй аварийный котел.

Мать честная! Руки трясутся, но я постарался успокоиться. Когда погасил горелки и выключил вентилей, услышал в топке шум вырывающегося пара и воды. Но, думаю, потек котел, хуже ничего не бывает. Смотрю на водомерное стекло:

уровень воды снижается довольно быстро. Включаю питательный насос и подпитываю котел водой до нужного уровня.

Смотрю, боже мой, вот ужас: мой напарник оказался на площадке верхнего барабана.

— Обузов, — говорю я, — ты пошел продувать нижний барабан, почему же ты, анафема тебя забери, оказался на верхней площадке котла?

— Дык я продул нижний барабан, а сейчас продувал водоуказательные стекла.

И тут я все понял, смотрю — он едва ногами двигает, говорит, что ничего не видно и все пропало. Я глянул на водомерное стекло котла, который продувал Обузов. От волнения в глазах у меня все потем-

нело: не видать уровня воды в водомерном стекле первого котла.

— Сукин ты сын, Обузов, — кричу ему, — я не вижу уровня воды в первом котле, быстро перекрывай подачу газа!

У Обузова морда красная, едва стоит на ногах. Глядя на меня огромными «шарами», лопочет:

— Пантелеевич, не видать уровня воды в стекле, упустили мы воду! Автоматика по случаю упуска воды не сработала.

Так твоя растак! Сам быстро перекрываю газовый вентиль перед форсунками первого котла, давление в котле больше двадцати атмосфер. От страха скукожились, как куры общипанные, ждем, будет взрыв или нет. Но, слава богу, сработал предохранительный клапан пер-

вого котла, пар из котла с огромной силой вырывался наружу, а в топке температура высокая. Вода из котла быстро испаряется, сколько ее там осталось, нам неизвестно, пока легкоплавкие пробки не расплавились.

Теперь надо ждать, когда остынет топка, вентиляторы выключены во избежание повреждения экранных и кипятильных труб. Воду в котел ни в коем случае нельзя подавать, иначе будет взрыв. Мой напарник Обузов быстро протрезвел и завыл:

— Что теперь с нами будет, Пантелеич?

Я говорю:

— Чего орешь, дура? Раньше надо было думать! Котлы — это не унитазы грузить. Где твои были мозги, когда ты продувал всю воду из котла? Даже подумать страшно! Как ты, интересно, продувал котел, не глядя на водоуказательное стекло?

Короче говоря, случилась в эту ночь страшная авария. О какой встрече Нового года было говорить? Настроение, понятное дело, поганое. Проводы отметил только Обузов.

А я мечусь меж котлами, как бык на бойне, и ругаю себя словами жены, которая мне говорила: «Ты, тьюфак несчастный, ни рыба ни мясо, хочешь быть хорошим перед всеми. Загубит тебя когда-нибудь этот твой фасон. Ты сегодня так, завтра этак, тряпка ты, а не мужик!» Теперь я убедился, что моя жена Феня как в воду глядела.

Я запаниковал. Зима, холод быстро делает свое дело — трубы замерзают. Но мы стараемся держать уровень воды во втором котле в допустимых пределах. Первый котел уже почти остыл, скоро можно будет запитать водой и попробовать пустить в работу, ведь второй котел уже не работает. Начали закачивать воду в котел, и опять — ужас, вода потекла из верхнего барабана первого котла через вальцовочные соединения кипятильных труб. Дело пропавшее: котел нужно сдавать в ремонт. Прекращаем подачу воды. Надо вызывать представителя Госгортех-

надзора, определить серьезность повреждений котла и составить акт. Ведь произошло уголовно-наказуемое деяние. Неправильная эксплуатация котла в пьяном угаре Обузовым и моя безответственность привели к такой серьезной аварии. Поселок остался без тепла. Каково теперь мне как старшему оператору, каково начальнику паросилового хозяйства Мигову Дмитрию Николаевичу и главному инженеру предприятия Круглову Андрею Захаровичу?

— Я вас спрашиваю, Обузов, слышите? — Обузов весь скис, как молоко, и молчит, сказать ему нечего. — Я вызвал товарища Мигова.

Начался тут шум-гам, та-ра-рам! Прибегает начальник паросилового хозяйства Мигов без головного убора, в валенках. Открывает топку второго котла, от пара и воды топка довольно быстро остывает, вода бежит слабой струйкой из прогоревшей экранной трубы. Мигов распорядился: как только температура в топке снизится до пятидесяти градусов, начать спускать воду из верхнего барабана и приготовить к сварке. А с первым котлом ничего не делать, надо пригласить представителя Госгортехнадзора, он осмотрит и скажет, что предпринять дальше.

В пять часов утра в котельную прибыло все руководство предприятия в полном составе. На улице мороз тридцать градусов. Поселок не отапливается, но в трубах вода еще горячая. Руководство решило как можно быстрее запустить второй котел. Там требуется сварка, но точно еще неизвестно, какие и сколько труб текут. В штате котельной, сами знаете, состоит у нас классный газосварщик — Самоваров Геннадий Васильевич, холостой малый, иногда опаздывал на работу — задерживался у своей любви Ольги Николаевны Малеевой, лаборантки котельной.

Самоваров — деловой парень, сварщик дипломированный высшей квалификации. И вот настал час

Самоварова. Он, конечно, злоупотреблял своей квалификацией.

У Геннадия свои проблемы, очень сильно он любит Ольгу. Не думайте, что Малеева при своей невысокой должности — лаборантки котельной — теряет свою привлекательность как женщина. Красотка: глазки голубые, как вселенная, всегда ухожена, а походка — даже не сравнить с сегодняшними моделями. Она при движении выводит такие вензеля, что даже у характерного мужчины встают волосы дыбом и появляется оторопь во всем организме.

— Прекратите, Мудрый, рассказывать нам любовные романы, докладывайте по делу! — повторил директор, привстав с места с угрожающе красным и потным лицом.

А Мудрый все свое:

— Геннадий тоже ничего: высокий, зеленые глаза, как говорят, брови вразлет, да одевается ладно, хотя не знаю, на какие шиши. На нашем предприятии обычно высокую зарплату не дают, не положено по штатному расписанию. Пока сварщик готовился к сварке, начальник котельной решил проверить температуру в топке, чтобы там можно было работать человеку. Надел телогрейку, а поверх — брезентовую куртку, теплый головной убор, обул кирзовые сапоги, обмотал ноги портянками, влез в ватные брюки, а поверх — брезентовые штаны. Готовились в топку, как к полету в космос. Температура в топке — это не шутки. Перекрестился Дмитрий Николаевич и полез. Ничего, жарко, но терпимо. Поплевал на прогоревшую экранную трубу — не шипит, а там, в трубе, образовался свищ, через который вытекала вода с паром из котла. Начальник вылез из топки, а от него идет жар и пар, как из того свища: температура — не шутки.

— Теперь, Самоваров, давай вперед, в топку, — говорит начальник котельной, — завари быстрее этот свищ.

Начальство стоит у котла в мандраже: горком по головке не погладит. А вы сами, товарищ директор, смотрели на главного инженера свирепо, зло — это же случилось в его хозяйстве. Замдиректора по фамилии Угодников, такой льстец и подлиза, сильно не переживал — он же распределял товары и получал премии за хорошую работу, а главный инженер — всегда виноват.

Угодников сказал жене главного инженера, встретив на другой день ее на улице:

— Сегодня ночью у вашего мужа случилось ЧП! — и улыбнулся, гад.

— Товарищ Мудрый, давайте без оскорблений, — сказал бурый, как свекла, директор.

— Но Самоваров — молодец, оправдал свою квалификацию, заварил все в лучшем виде. Радуются все, не только начальник котельной. Котел опрессовали, утечки нет, запустили в работу. Есть тепло! Котел работает нормально без писка и мигания лампочек: вот что значит Самоваров! Не зря, стало быть, его любит Малеева. Дай бог ему да и ей заодно здоровья!

Но это только полдела. Потом приехал курирующий предприятие представитель котлонадзора и велел разобрать обмуровку первого котла, чтобы осмотреть трубы. Разобрали обмуровку.

— Сукины вы дети, — говорит пожилой представитель котлонадзора Федор Акимович Андреев, ломая все больше обмуровку. — Смотрите, как вы жарили трубы без воды, они сделались красными, как нос вашего Обузова, а сейчас красноты на лицах Обухова и Мудрого я не вижу, стыда у вас нет, товарищи горе-операторы. Надо вас обоих отдавать под суд.

Естественно, вальцовочные соединения нарушились, котел течет. Необходимо заново вальцевать все трубы, а таких специалистов предприятие не держит, надо приглашать со стороны и платить немалые деньги, а времени потребуется не меньше месяца.

Но спецов в конце концов нашли, однако чтобы завальцевать трубы, нужно время. Отдавать меня и Обузова товарищ директор под суд не стал, пожалел, у нас же маленькие дети. Объявили Обузову и мне по строгому выговору, да заставили нас оплатить часть стоимости ремонтных работ. Увольнять? Так ведь и так специалистов не хватает. Только Обузова тут же уволили. Опять носит унитазы свои любимые на складе.

Вот что значит быть добреньким и слабохарактерным.

Но ладно, я как-то все это пережил. А начальник паросилового хозяйства Мигов после этого сильно заболел от нервов. Но главное — жильцы не жаловались. Это удивительно!

Вот с таким юмором и честностью рассказал Мудрый об аварии.

Директор больше слова никому не дал, только сказал Мигову:

— Дмитрий Николаевич, прошу вас разработать мероприятия по улучшению работы паросилового цеха, написать приказ с указанием конкретных сроков.

На этом собрание закончилось.

9.

— После этого трагического случая сильный психологический удар получил я, — рассказывает Дмитрий Николаевич Мигов, начальник паросилового хозяйства. — Я изрядно поволновался. Все-таки большой перерыв в остановке котлов бесследно не мог пройти. Я решил со слесарями пройти по всем участкам трубопроводов в цехах, колодцах, где существовал риск замерзания труб, особенно обратки, линий конденсата. И не напрасно. Оказалось, что замерзла вода в трубах возврата конденсата, пришлось вместе с рабочими устранять повреждения. В тот день я изрядно измотался, побывал в ботиночках в холодной воде в колодцах теплотрассы, изрядно промочил ноги. Сдали нервы по-

сле такой серьезной аварии, к тому же еще и простудился. Начальство смотрело на меня косо, директор при общении даже пригрозил увольнением: мол, можешь ехать туда, откуда приехал.

Я жене своей не стал рассказывать, чтобы ее не расстраивать. А ночью появились озноб, температура. Сон тоже не шел. Жена не могла не заметить, ведь я весь горел огнем, лицо — как красный кирпич.

— Ба! — воскликнула Маша. — Дима, у тебя же температура!

— Пожалуй, — ответил я, — вчера мне пришлось побегать, сильно промочил ноги, да и перенервничал в связи с этой оказией.

— Я встречалась вчера с заместителем директора Угодниковым, он мне сказал: «У вашего мужа неприятности». А сам такой возбужденный и радостный, а я подумала, чему человек радуется, это же несчастье для всех.

— Никудышный человечешек. Когда кому-то хуже, ему хорошо. К сожалению, есть еще среди нас такие прощелыги.

— Давай, Дима, я сейчас тебе сделаю крепкого чаю с малиной и медом, примешь таблетку от температуры — и под одеяло. Лечись, а потом я детей в детский сад отправлю.

Утро меж тем уже наступило. Заря розовеет над крышами. Дети уже проснулись. Они уже стали самостоятельными, сами умываются, сами собираются. Маша одновременно готовила еду и собирала детей в детский сад. А я уже сидел и пил чай. Маша приказала, чтобы не вставал. Сама повела детей в садик, а оттуда пошла на работу. Состояние мое не улучшалось, пришла слабость, сильно переживал, что предприятие осталось посреди зимы с одним рабочим котлом. Вдруг авария и с этим котлом, тогда что? Авария котлов — это очень серьезно. Дал бы бог, чтобы котел выдержал такую нагрузку: давление в десять атмосфер, а второй котел неизвестно когда заработает.

Вальцовщики работают не спеша. Мастеровые знают себе цену, мурыжат, рассчитывают, что предприятие раскошелится — заплатит ту сумму, которую они запросили.

На другой день я пошел на прием к врачу. Обычный зимний короткий день. На улице не так морозно, градусов пятнадцать. Небольшой снежок.

Терапевт Ирина Аркадьевна Изотова посочувствовала, выписала кучу лекарств, в том числе димедрол, который нужно пить три раза в день. А я глупый был — не понимал, не разбирался в лекарствах, пил то, что назначили. Спустя несколько дней опять пошел к врачу. Чувствовал себя плохо, но собрался, несмотря на усталость и недомогание. Зашел в кабинет, добрался до стола, мне стало дурно, и я упал прямо на стол врача, ударившись головой о телефон. Когда пришел в себя, врач смотрела на меня с удивлением, а сама вся какая-то растерянная, словно не знает, что делать.

Я ей говорю: мол, сам не знаю, что случилось, выпил перед уходом из дома димедрол, а она мне: «Зря вы пили димедрол в дорогу».

Я говорю, не знал, что нельзя его пить в дорогу. Сердце мое колотится с перебоями, как барабан. Померила врач давление: 90/50. Это происшествие усугубило мое состояние еще сильнее. Стали меня мучить бессонница, слабость. Находясь на больничном листке, все равно ходил на работу проверять, как работают вальцовщики. Простуда прошла, но силы не спешили возвращаться, при малейшем волнении начиналось сердцебиение.

Начались мои мытарства по врачам: вызывали скорую помощь, врачи скорой делали уколы и уезжали. Потом я обратился к невропатологу, он назначил разные таблетки. Продолжал пить таблетки, а больничные дни мои кончались, но я выходить на работу не мог. Сердце мое волнуется, начинается аритмия. Врачи скорой помощи

установили, что у меня сердце работает с перебоями. Оказывается, это серьезная болезнь. На другой день ко мне с работы пришел начальник отдела кадров.

— Вот, — говорит, — послал директор узнать, когда вы выйдете на работу.

— Гордей Иванович, пока дело движется плохо, прохожу лечение и всякие обследования. Даже дома едва двигаюсь, хотя стараюсь поднять свой жизненный тонус.

— Вы, Дмитрий Николаевич, долго не засиживайтесь, директор у нас с характером, человек сложный. Его сильно поддерживает руководство в Москве. А вообще, между нами, он не совсем к вам благосклонен, поэтому и торопит события.

— Не благосклонен, говорите, Гордей Иванович? Конечно, ведь я после аварии ему всю правду в лицо сказал про то, какие безобразия творятся. Это все потому, что у нас на предприятии нездоровый климат. Его заместитель — шкура — рассказывает обо всех всякие небылицы. Вы как начальник отдела кадров сами хорошо знаете сложившуюся ситуацию. Что касается вашего вопроса, то мне врачи говорят, что у меня переутомление. Устаю очень быстро. С детьмишками и женой проблемы. Не понимаю, что со мной творится, какая-то апатия у меня, а жена нервничает. Днем сажусь у окна и на подоконнике стараюсь карандашом рисовать растущие перед домом березы. Кажется, немного получается. Стараюсь выбросить из головы тяжелые мысли, пытаюсь вспомнить годы учебы, свою юность, молодость, словом, все до этого происшествия. Так что когда выйду, пока не знаю. Но каждый день бываю на работе и решаю неотложные вопросы.

А на днях приходил ко мне главный инженер Андрей Захарович. Поблагодарил за то, что я не растерялся в трудной ситуации. Не стал дожидаться полного охлаждения

топки. Похвалил за то, что быстро организовали устранение свища.

— Это уже не моя заслуга, это Самоваров. Славу богу, есть еще у нас такие самоотверженные люди. Ведь Самоваров, Андрей Захарович, работал в таком пекле, не то что Обузов, который требовал за каждый чих оплату. На таких людях, как Самоваров, держится государство. Может быть, это очень высокопарно, но это так.

— Мы не забудем Самоварова, Дмитрий Николаевич. Вы сами-то как? Спасибо за то, что вы такой ответственный человек. Выздоровляйте скорее, у нас с вами дел много! Сильно не переживайте, поправляйтесь.

— Андрей Захарович, никаких моих заслуг в этом деле нет, — сказал я, — понадеялся я на своих подчиненных, а они меня подвели.

— Ну, ничего, ничего, — еще раз повторил Андрей Захарович, — не переживайте.

— Как, — говорю я, — не переживать, ведь все тепло висит на одном котле, не дай бог авария. Вальцовщики будут приходить только после вечером: днем они работают на основной работе. Но я буду стараться контролировать их работу.

10.

Жизнь на нашем предприятии постепенно входила в свое нормальное русло. А история с Самоваровым и Малеевой получила свое продолжение.

На днях пришел ко мне мастер по ремонту теплосетей Игнатов Максим Федорович. Он сам тоже, по его словам, буржуйского происхождения, но совершенно безобидный добрый человек. И вот Игнатов решил рассказать начальству про Самоварова и Малееву.

— Дмитрий Николаевич, разрешите, если у вас есть время, несколько слов о Самоварове и Малеевой, — начал он, прокашлявшись. — Я хочу сказать, что Мудрый о них рассказал

несколько вульгарно. Нельзя о них так говорить. Я их историю знаю неплохо. Это хорошие ребята, они между собой крепко дружат со школьной скамьи, любовь у них настоящая. Не то, что думают некоторые. Малеева окончила школу с отличием, с малых лет занималась танцами, поступила в балетную школу. Дружба Самоварова и Малеевой искренняя, они любят друг друга. Самоваров в один год с Малеевой в институт не поступил, но время терять не стал, пошел учиться на газосварщика, получил диплом и стал работать в монтажном тресте. Оля училась в балетной школе и получила серьезную травму ноги. Родители ее возили по многим больницам, но до конца так и не вылечили. Геннадий Самоваров ее не забывал, стал зарабатывать хорошие деньги, поехал с ней в Германию, получили они там приглашение приехать на лечение. Ее вылечили, но сказали пока балетом не заниматься. Она выучилась на лаборантку по определению качества воды, прошедшей химводоподготовку, где она сейчас временно и работает. Она сейчас беременна. Скоро состоится свадьба Оли и Геннадия. Геннадий одну ее не оставляет, работает с ней рядом, хотя он в зарплате, конечно, много потерял. Коллектив должен только радоваться такому событию, а не осуждать. Вот такая история.

— Спасибо, Максим Федорович, за информацию, за то, что защитили честь и достоинство молодых людей. Это очень важно.

А вскоре Самоваров и Малеева поженились, дождавшись перед этим окончания строительства нового дома. Родился у них сын, на днях они должны получить ордер на квартиру. Дай бог им счастья и большой-большой любви.

11.

Эх, жизнь! По поселку пошел слух, что у меня дела совсем плохие,

позднее откуда-то распространилось известие, что я умер. Некоторые жители совсем распоясались, стали растаскивать забор с моего огорода. Это подлость невиданная, как можно живого человека считать умершим? До чего же может опуститься обыватель в своем оголтелом невежестве! В эти месяцы лечения я работал столько, сколько силы позволяли.

Я не оставлял работу, хотя и сильно болел. В котельной дела наладились. Вальцовка труб продолжалась медленно, но тем не менее шла к завершению.

Я постоянно интересовался, как идут проектные работы, учитываются ли все наши предложения и замечания, данные в дополнительных проектных заданиях.

Но много ли наработаешь с таким здоровьем? Я, конечно, лечился, как мог. Много работал над своим здоровьем. Пользовался не только пилюлями. При утомлении делал аутогенные тренировки, которые действовали на мое состояние благотворно. Специалисты по аутотренингу подсказали, что делать, чтобы здоровье пошло на поправку. Постепенно нервная система приходила в норму, что вызывало во мне прилив сил. Но проблемы с сердцем пока оставались. Сердцебиение, нарушения ритма сердца происходили после волнений, резких перемен погоды. Я уже начал думать об операции, правда, не знал, какой.

Зима пришла к своему завершению. Котельную отстроили, оставалось выполнить отделочные работы, пришли два котла такого же типа — ДКВР, только большей производительности пара.

Этот котел очень компактный, удобный в эксплуатации и обслуживании, только требует правильной эксплуатации. Должна быть организована хорошая химводоочистка питательной воды, чтобы пламя горелок формировалось симметрично в топке котла, но и, конечно, должна быть устроена современная

автоматика по обеспечению безопасной работы котла. Я радовался своей мечте, тому, что наконец мы будем работать с полной самоотдачей и удовлетворим всех потребителей достаточным количеством тепла. Весной заключили договоры с подрядными организациями по капитальному ремонту теплосетей, устройству теплоизоляции не шлаковой, а современными теплоизоляционными материалами.

В процессе строительства здания котельной, монтажа котлов, ремонта теплосетей проходило не все гладко, были споры, иногда строители пытались отклониться от проекта, но я как главный заказчик сумел отстоять интересы предприятия. Я добивался того, чтобы все было удобно для обслуживания и дальнейшего ремонта. Летом персонал операторов прошел обучение по обслуживанию газового оборудования и оборудования котлов. И осенью, когда похолодало, вовремя приступили к отопительному сезону.

12.

Моя семья жила привычной жизнью, Андрюха готовился поступать в школу, а Верочка ходила в детский сад. О маме мы не забывали, звонили, переписывались с ней. К Новому году обещали дом сдать, и мы с нетерпением ждали новоселья, чтобы забрать к себе нашу маму, бабушку. Внуки особенно соскучились по ней: бабушка-то их самая любимая. А куда детям и в нашей наемной комнате нескучно. Потому как в этой квартире еще живут две семьи и тоже с детьми. Из комнаты Саши, моего соседа, каждый день прибежал к нам его сынишка Юрка, мальчишка того же возраста. У нас был приемник «Исеть» с проигрывателем, и мы часто ставили на нем пластинки, особенно я любил слушать песни Марка Бернеса. Юрка, вероятно, тоже их слушал, а потом каждый день приходил и просил завести эту пластинку. Он помнил

текст песни и повторял вслед за Бернесом:

Жар пустыни нам щеки щиплет,
И песок забивает рот.
Напиши мне мама, в Египет,
Как там Волга моя живет.

Только слово «Египет» мы никак не могли научить его говорить правильно. Он не выговаривал некоторые буквы. И не понимал, почему мы смеемся. Много было людей в этой квартире, но на жизнь не жаловались, жили весело, и болезнь моя мало-помалу отступила. Только мерцательная аритмия меня мучила.

Через год, немного с опозданием, мы получили трехкомнатную квартиру на втором этаже четырехподъездного многоквартирного дома. Директору спасибо, слово свое сдержал. Эта была такая радость для нас. Но квартира была пуста, надо приобретать мебель, в общем, надо все обустроить. А у меня волнение, нарушение ритма сердца... Дети бегают, радуются, что в квартире просторно.

Позвонили маме, спросили, когда за ней приехать. Она сказала, что даст объявление для квартиросъемщиков. Пусть снимают, кто нуждается в жилье, и живут. Как-никак у нас будет дополнительный доход. А потом, подумав, добавила: «Может быть, летом сама поживу, у меня там небольшой земельный участок. У нас тихо, речка, ребята приедут и поживут у меня».

На том и решили. Через некоторое время она позвонила: квартиросъемщики нашлись. И я поехал за ней.

Приехал в знакомый город, пришел к маме, она обрадовалась и одновременно сильно расстроилась, жалко ей оставлять сиротой дом. Но делать нечего, вещи собрали, маму перевезли. Теперь она живет с нами, уже совсем старенькая, болят сердце и ноги, ей уже за восемьдесят. Понятное дело, сколько страданий вынесли ее сердце, ее ноги за долгую жизнь

А предприятие наше заработало, установилось нормальное те-

поснабжение. Мы вместе с главным инженером приобрели приличный опыт работы. Славно поработал коллектив по пуску новых котлов и новых теплосетей. Наш проект удался.

По поводу аварии в котельной вышестоящее руководство предприятия сделало организационные выводы, отправили досрочно товарища Антипова Николая Григорьевича на пенсию, несмотря на взаимное дружелюбие. Немного даже его жалко.

Директором утвердили Круглова Андрея Захаровича, а меня назначили на его место. Коллектив более или менее успокоился, привыкает работать с новым начальством, со мной то есть. Как-то на днях ко мне зашел бывший директор Николай Григорьевич Антипов, поинтересовался делами.

— Ты, Дмитрий, меня, старика, прости, если я тебя когда обидел. Я теперь на пенсии, уже вам теперь, молодым, не ровня. В свое время я любил лошадок, немало шишек набил я с ними. Теперь я их отдал конному заводу, пусть ребяташки катаются. Вот поживешь с мое, Дмитрий, — он почему-то назвал меня просто Дмитрием, — не забудь о перепелиных яйцах. Это очень полезный продукт для мужчин, в перепелиных яйцах содержится мужская сила, помни об этом. Я тебя, Дмитрий, плохому не учу. Желаю тебе и твоей семье здравствовать. Дмитрий, помни, что сарафанное радио на предприятии хорошо работает.

— Так вы же сами, Николай Григорьевич, создали сарафанное радио, сами о себе тоже немало рассказывали, почему люди и знали обо всех ваших проделках. С другой стороны, это хорошо, что вы незлой человек, зато весь на виду. Древнегреческий поэт Менандр сказал: «Время — исцелитель всех неизбежных зол». Все пройдет. Спасибо вам, что зашли. И вам желаю здоровья!

Заместителя директора Угодникова Антона Сергеевича тоже освободили по возрасту. Есть у него жена,

еще нестарая. А он все егозится. Не зря говорят: «Горбатого могила исправит». Он продолжает работать в охране предприятия, тратит свою жизнь на любовниц, потому что у него водятся денежки. Девы любят мужчин с деньгами. Только неизвестно, надолго ли его и денег хватит.

Чуть не забыл! Самоваров получил квартиру и премию за самоотверженную работу по устранению аварии. Живет со своей семьей спокойно и счастливо. И уходить с предприятия не собирается. Его супруга Ольга начала опять заниматься танцами вполне успешно, наверное, станет актрисой. Дай бог им счастья!

Приходили Садовские, благодарили, что у них теперь тепло, тишь да благодать, наконец злосчастные бойлер и насосную станцию убрали.

13.

Прошло много лет, мои дети выросли, окончили институты. Андрюша — энергетический, а Верочка стала врачом. Она очень хотела, чтобы я выздоровел, избавился от мерцательной аритмии. Во время реформ 90-х годов наша организация распалась, растащили ее по частям. У снабженцев появился свой хозяин, а мы, теплоснабжение, от них отделились и создали свое ООО, так как работа с частными предприятиями происходила уже по другой системе. Связи по поставкам продукции устанавливались с новыми хозяевами. Нашу котельную и теплосети, слава богу, мы сумели отстоять, хотя были отчаянные попытки жуликов прибрать их к рукам.

Я теперь — уже директор в новых условиях, мой благодетель Андрей Захарович Круглов ушел год тому назад на пенсию, греет свою лысину на даче. Мой сын Андрюша стал моим последователем, работал теплотехником, как и я когда-то. Долго я не решался сделать операцию на сердце. Однажды Вера приходит с работы и говорит:

— Папа, я договорилась, где делать тебе операцию, так ты готов?

Я, конечно, немного растерялся, но Андрюша сказал: «Папа, мы будем с тобой рядом, и все будет нормально». Слова сына на меня действовали гипнотически, и я согласился.

Попал я в приличную кардиологическую лечебницу. Правда, сыну пришлось побегать, чтобы меня оформить, я лежал с приступом аритмии в автомобиле, на котором мы приехали в больницу. Заплатили большие деньги за операцию.

Еще хочется немного рассказать о кардиологическом отделении больницы. Врач молодой, лет сорока пяти, сидел в своем кабинете, где по стенам висели атласы человеческих органов, в том числе сердца, сосудов. После того, как сняли кардиограмму, осмотрел меня, поглядел все прежние кардиограммы. Сделали ли мне внутривенную инъекцию и покатали на больничной тележке дальше. Попал я в отделение реанимации на третьем этаже. Раздели меня до трусов, оставили мне бритвенный прибор, сотовый телефон. Не помню, что еще мне оставили, но сыну при-

шлось многократно бегать за крайне необходимыми вещами. Больница мне понравилась: пол, стены из белой плитки, идеальная чистота и блеск. Поместили меня в реанимационный блок. Там — одна кровать, и не просто кровать, а автомат, можно было изменять ее положение в пространстве. Простыни меняли ежедневно, если запачкалась, то прямо сразу. Перед кроватью телевизор с пультом. Рядом стояла тумбочка, из которой выкидывался шарнирный столик на необходимый пациенту уровень. Из потолка шел световой поток синеватого оттенка. Рядом с кроватью — миниатюрный шкаф для одежды. Вдоль кровати справа — уйма приборов для подачи кислорода, воздуха, устройства для внутривенных вливаний и компьютер, к которому меня подключили с помощью электрических проводов разной расцветки. Подключен измеритель давления. Перед кроватью над телевизором находится телекамера, почешешь за ухом — тебя видно на выносном экране оператора. Как говорится, господа, извольте не делать глупых движений. Слева

на потолке кондиционер, включаешь сам по желанию.

Все анализы сдал не вставая с места, готовили меня к операции. Операцию сделали на второй день. Не помню, как вводили катетер через бедренную артерию, делали наркоз или нет, тоже не знаю. Помню, что концу операции я услышал тихий разговор оперирующего врача и медсестер. Меня положили на каталку и повезли в палату. Лежал, наверное, с неделю, каждый день приходила врач, делал я сидячую гимнастику под руководством врача, в основном двигательные упражнения для рук. Правда, несколько дней было высокое давление, а потом оно снизилось до нормального. Пульс стал постоянно шестьдесят ударов минуту, как мне установил врач на моем кардиостимуляторе. Вообще пульс учащался до восьмидесяти ударов, если я испытывал большие психологические или физические нагрузки.

Словом, я обрел вторую молодость. А обо всем, что пережил, написал эту небольшую повесть.

г. Калуга

Валерий ИЛЬИЧЕВ

Валерий Ильичев родился в Москве в 1939 году. В 1956 году поступил на службу в органы милиции, в которых проработал до 1996 года. Значительный опыт работы в уголовном розыске позволил В. Ильичеву детально изучить психологию представителей криминального мира и тайные механизмы подготовки и совершения преступлений. Литературную деятельность В. Ильичев начал в 1966 году. Его рассказы печатались в журналах «Советская милиция», «Социалистическая законность», «Сыщик России», «Человек и закон», газетах «Щит и меч», «Петровка, 38», «Вечерняя Москва», «Московская правда». В издательствах «Эксмо», «Вагриус», «Олимп» были опубликованы его повести «Перстень с печатькой», «Эlegantный убийца», «Псих против мафии», «Гильотина для палача» и ряд других. На страницах журнала «Юность» в последние годы печатались такие произведения Ильичева, как «Ставка на зеро», «Тайна “Семи грехов”», «Страсти сыщика Перова», «Похождения “Подмигивающего призрака”», «Агентурный роман».

СХВАТКА БУЛЬДОГОВ ПОД КОВРОМ

ПОВЕСТЬ

Глава I. Охота на даму в лиловом костюме

Лучи солнца щедро освещали фасады домов, создавая видимость вечного праздника на старой московской улице. Посередине Арбата неторопливо вышагивал молодой человек в джинсовом костюме с болтающимся на шее дорогим «Кодаком». Среди коллег-фотографов Силин считался мастером, и его не интересовала безвкусовая лепнина особняков, напоминающая нарумяненные лица кокетливых старух. Он предпочитал охоту за проявлением ярких людских эмоций. Силин часто говорил:

— Я не люблю создавать фотопортреты. Позируя перед объективом, мужчины и женщины лгут, пытаясь скрыть свои недостатки. А в случайно выхваченном из жизни эпизоде можно узреть и страх, и радость, и подлинное горе, и восторг от мимолетного счастья. Искренняя естественность — вот лозунг моего искусства.

В этот день с утра ему не везло с поиском необычного кадра. И он развлекал себя, выхватывая взглядом из толпы соблазнительные телесные формы проходящих мимо женщин. Фантазируя, фотограф

представлял каждую из них полностью обнаженной и трепетно дрожащей в его страстных объятиях. Его самого удивляло это постоянное физическое влечение к обладанию как можно большим количеством женщин. «Я веду себя довольно странно для влюбленного в свою Татьяну мужа. Даже после жаркого любовного свидания близость с женой доставляет мне удовольствие. Хотя, возможно, и другие с подобным темпераментом мужчины поступают точно так же».

Сегодня Силин получал от своей привычной игры особое удовольствие: невыносимая жара заставила девушек максимально оголиться и едва прикрыть прозрачными легкими платьями самые привлекательные части тела. И воображению фотомастера было где разгуляться.

Внезапно его взгляд привлекла женщина в лиловом костюме с завязанной вокруг шеи красной косынкой, тщательно скрывающей морщинистые складки на шее. «Дамочке уже явно под пятьдесят. Но фигура стройная и кожа на лице гладкая. Либо

подтяжку сделала, либо дорогая косметика выручает. Ухаживает за внешностью женщина и одета по моде. Куда-то явно торопится, и взгляд у нее тревожно-обеспокоенный. Слежка за этой дамой сулит неплохие кадры».

К быстро семенящей на высоких каблуках женщине с униженными причитаниями приблизилась девчонка с опухшим от пьянства лицом и протянула грязную согнутую ковшиком ладошку. Но женщина раздраженно отмахнулась от нищенки:

— На тебе пахать надо, а ты на бесплатную выпивку деньги кланчишь. Иди лучше работать! Не до тебя мне сейчас.

Женщина брезгливо уклонилась от руки жаждущей похмелья нищенки, и Силин успел незаметно сделать нужный кадр. «Досада и гнев во взгляде горделивой дамочки, отказавшейся подать милостыню, резко контрастируют с покорным смирением несчастной девицы. На снимке это должно выглядеть довольно интересно. Назову этот кадр “Сытый голодного не понимает”. В нашем социально озлобленном обществе этот снимок должен привлечь к себе внимание. Но каков темперамент у этой молодящейся фифочки! Пожалуй, за ней стоит походить подольше».

Силин развернулся и, стараясь держаться незаметно, последовал за свернувшей в Спасопесковский переулок женщиной. Она уверенно направилась в сторону старой церкви вдоль ряда припаркованных у тротуара автомашин. Увидев идущего ей навстречу пожилого мужчину, приветственно взмахнула рукой. Силин успел щелкнуть затвором фотоаппарата, зафиксировав сближение дамы с ее знакомым. В голове сразу мелькнула подпись к кадру: «Поздняя любовь». Хотя низкого роста плешивый мужичок с утиным носом явно не подходил на роль романтического Ромео.

Внезапно с лица женщины исчезла улыбка, и поднятая в приветствии рука резко опустилась: из припаркованного неподалеку «мерседеса» выскочили двое крепких мужчин и преградили пожилому Ромео дорогу. Крепко схватив его за руки, они силой заставили знакомого дамы сесть в свою иномарку. Подчиняясь инстинкту вольного охотника, Силин вновь щелкнул затвором фотоаппарата.

В этот момент справа от дамочки отворилась тяжелая дверь церкви, пропуская очередную группу прихожан, и женщина поспешно юркнула в прохладную полутьму почти пустого храма. Не задумываясь, Силин вошел следом. Служба уже закончилась, и возле церковной лавки никого не было. Женщина в лиловом костюме купила три свечки и поспешно прошла в молебный зал.

Стараясь не привлекать ее внимания, Силин тоже купил свечку и прошел к иконе Николая Угодника,

Чудотворца. Это был единственный христианский образ, который Силин знал: точно такой же висел в комнате у его бабушки. Подойдя к иконе, он неумело вставил в металлическое гнездо свечу и, щелкнув зажигалкой, воспламенил фитиль. Трепетно задрожавшее от сквозняка пламя грозило в любой момент погаснуть. Этот нервно подрагивающий огонек усилил тревогу фотохудожника. «В подсмотренной мной ситуации явно сокрыто нечто противозаконное. И дернула меня нелегкая пойти за этой дамочкой. Надо было ограничиться съемкой с нищенкой. А я, похоже, зафиксировал момент похищения мужика, спешащего на свидание. А может быть, это криминальное событие лишь плод моего воображения? И я зря себя накручиваю?»

Силин с надеждой посмотрел на лик святого, словно школьник-двоечник, ждущий спасительной подсказки. Но во взгляде Чудотворца не было сочувствия. На мгновение Силину показалось, что взор все знающего святого выражает досаду и осуждение. Он уже хотел отойти в сторону, когда почувствовал, как, тесно соприкоснувшись с ним своим стройным телом, к иконе Николая Угодника протиснулась укрывшаяся в церкви женщина. Силин поспешно отошел в сторону. «Уж не вздумала ли эта дамочка найти в моем лице замену схваченному на улице мужчине? Мне это совсем ни к чему».

В этот момент в церковь зашел один из похитителей, невысокий брюнет с небольшой родинкой на щеке. Заметив его, женщина торопливо положила незажженную свечу возле иконы и направилась к выходу. Вслед направился ее преследователь. Выждав с минуту, Силин вышел на улицу и, перейдя на другую сторону улицы, укрылся за стоящим у антикварного салона джипом. Отсюда хорошо было видно, как человек с родинкой горячо уговаривает женщину сесть в машину на заднее сиденье рядом с мужчиной, шедшим к ней на свидание. Дамочка спорила и не соглашалась. Но тут с водительского места встал высокий атлет и пришел на помощь своему товарищу. И женщина, беспомощно пострелав по сторонам, с обреченной покорностью села в «мерседес». Силин зафиксировал и этот момент. Тут же машина резко тронулась с места и, миновав небольшой скверик, свернула напротив представительства США в сторону Каменной слободы.

Как только «мерседес» скрылся из виду, Силин достал из кармана мобильный телефон, намереваясь сделать сообщение в полицию. Но остановился в нерешительности. «А о чем я реально могу заявить? Мужик и тетка сели в чужую автомашину и уехали. Этому предшествовал спор и явные угрозы. А может быть, я стал невольным свидетелем обычной семейной ссоры, и ревнивый муж выяснял отношения со

своей неверной супругой? Тогда мне совсем ни к чему влезать в чужие любовные распри».

Отговорив себя от ненужных неприятностей, Силин направился в сторону Арбата. «Не мешает принять для успокоения сто пятьдесят капель коньяка и окончательно забыть разыгравшиеся у меня на глазах шекспировские страсти».

Силин направился к ближайшему кафе и погрузился в спасительную прохладу уютного помещения. Стоящая за стойкой бара перекрашенная в блондинку девица, узнав постоянного посетителя, расплылась в приветливой улыбке:

— Давненько не были у нас, Виталий Михайлович!

— По самой прозаической причине, Нинок: занят я по горло. Нацеди мою обычную норму коньяка.

— Сейчас все сделаю в наилучшем виде. А я сама вас искать собиралась: моя подруга скоро замуж выходит. Ей хочется свадьбу устроить на высоком уровне, как у других людей, а с бабками, как обычно, напряг. Может быть, вы согласитесь на приемлемых условиях сфотографировать счастливые моменты молодых?

Силин иногда подрабатывал на увеселительных мероприятиях, компенсируя нехватку заработка свободного фотохудожника. И хотя ему не понравилось обещание низкого вознаграждения, он достал из портмоне визитку и передал девице:

— Вот, передай подруге, пусть позвонит, попробуем договориться. Ну а с тобой как у нас отношения завяжутся? Я имею в виду не любовь-морковь, я предлагаю тебе позировать для моей портретной галереи под названием «Ах Арбат, мой Арбат! Ты моя религия!». Соглашайся, Нинок. Представь, лет через двадцать люди будут любоваться тобой, по-прежнему молодой и красивой, да еще на фоне емкостей с заморскими напитками.

— Нет, Виталий Михайлович, ради вашего снимка я не хочу лишаться работы. Если хозяин узнает о фотосъемке, я вылету отсюда, и меня никуда не возьмут даже полы мыть. Нашему боссу лишняя огласка ни к чему.

Девушка поставила на стойку перед Силиным стопку со спиртным, рядом положила конфету в пестром фантике:

— А это за счет заведения.

В поисках свободного места Силин осмотрелся вокруг. Было обеденное время, и кафе заполнил офисный планктон, оживленно обсуждающий повседневные заботы. Лишь в углу одиноко восседал могучий старик с большой седой бородой, одетый не по-летнему в темно-серый свитер. Силин сразу профессионально подумал: «Этого благообразного старца можно принять и за приверженца толстов-

ства из XIX века, и за попа-расстригу, выгнанного из РПЦ за грешки и вольнодумство. Так и приходит на ум название фотоснимка: “Пророк Моисей. Наши дни”».

Заметив затруднения фотографа, старец добродушно пригласил:

— Присаживайтесь, молодой человек. Будьте как дома, но не забывайте, что вы в гостях.

Силин с благодарностью занял свободное место и сделал маленький глоток, наслаждаясь вкусом крепкого напитка. Старик благодушно усмехнулся:

— У вас, я вижу, полоса невезения. Иначе кто бы стал в жаркий полдень в одиночку глотать спиртное?

— Мне повезло встретить очередного великого колдуна с выдающимися экстрасенсорными способностями?

— Не надо сердиться и язвить. Просто я давно живу на белом свете и научился без слов понимать язык человеческих душ.

— Вы служитель церкви?

— Для доведения до людей слова Божьего не обязательно иметь церковный сан. Раз уж нас свела судьба в одном месте и в одно время, попробую сказать несколько великих истин. Их всего две — «каждый в этой жизни и после нее получает по делам своим» и «никогда не поздно раскаяться и начать жить заново».

— И этими банальными рассуждениями вы хотите меня удивить? Я и сам могу с умным видом излагать не менее нравоучительные догмы. Да и зачем мне начинать жизнь заново, если я люблю свою профессию и ничего не хочу менять в своей судьбе.

— Эх, молодой человек, речь идет совсем не о внешних переменах. Но мое дело лишь передать предупреждение, а дальше используйте свое право свободного выбора.

Силин почувствовал раздражение. «Хотел отдохнуть и расслабиться, а вместо этого назойливый старец, напоминающий очередного городского сумасшедшего, лишь усилил мою тревогу».

Одним большим глотком допив коньяк, Силин поспешил к выходу, надеясь, что на этом его неприятности закончатся. Он в нерешительности остановился посреди Арбата. Движущиеся навстречу друг другу потоки людей огибали его с двух сторон. Взгляд фотохудожника начал жадно всматриваться в проходящих мимо женщин. «Раз коньяк не помог, придется вышибать тревогу из души другим проверенным способом. Пожалуй, поеду сейчас к Любке. Она сегодня как раз отдыхает после суточного дежурства. Мне с ней легко и спокойно, да и живет тут неподалеку: всего пара остановок на метро. Жена Танька завтра сдаст номер своего гламурного журнала и предупредила, что сегодня задержится. Мне это не очень нравится:

главный редактор явно на нее свой похотливый глаз положил. Но в этом журнале ее труд высоко оплачивают, и Танька надеется сделать карьеру. Просила пока потерпеть. Ладно, не буду об этом думать, поеду к Любке. Авось отвлечет от дум скорбных».

Силин решительно направился в сторону метро. Через полчаса он вошел в дурно пахнувший застарелой мочой подъезд и, сноровисто перешагивая через ступени, поднялся на третий этаж. Терпеливо подождал, пока осторожная Любка рассмотрит его в глазок. Наконец дверь распахнулась, и Силин вошел в переднюю. Хозяйка встретила его без обычной приветливости:

— Слушай, Виталий, я тебя уже не раз предупреждала: не приходи ко мне без предварительного звонка.

— Так я вычислил, что ты в отгуле после дежурства и должна быть дома. Надеюсь, успела отдохнуть и набраться сил и энергии для свидания со мною?

— Я еще на дежурстве в гостинице успела прихватить полночи дремоты на диване. Так что не очень утомилась. Ладно, раз уж пришел, давай выкладывай свое стандартное угощение: бутылку вина и шоколадку.

— Все-то ты знаешь заранее, даже неинтересно становится.

— А меня с тобою уже давно скука одолевает, но я терпеливо молчу.

— Ладно, хватит колкостями обмениваться. Я уже давно заметил: язычок у тебя острый и ранит больно. Я сегодня расстроен душевно. А потому давай поменяем привычный порядок. Пойдем сразу в постель, а потом уже перекусим.

Любка слегка замялась, но затем, пересилив себя, согласно кивнула:

— Как скажешь, так и поступим. Ты ведь у меня в доме себя хозяином воображаешь.

Ее нескрываяемо издевательский тон не понравился гостю, но Любка уже скинула халат, надетый прямо на голое тело, и сразу возникшее желание заставило Силина забыть обиду. Он начал торопливо раздеваться.

После завершения бурной физической близости Силин растянулся на спине и удовлетворенно затаился сигаретой:

— Все-таки ты, Любка, молодчина. У меня с другими женщинами такого кайфа никогда не было.

— Может, мне диплом выдашь с печатью и оценкой по высшему разряду? Или медаль на шею повешишь, как породистой сучке?

— Похоже, вы все сегодня как с цепи сорвались! Как будто сговорились нервы мне мотать.

— А ты разве мне душу не рвешь своим наплевательским отношением?

— Какие у тебя ко мне могут быть претензии? В чем я-то провинился?

— Вы, мужики, только и думаете, как свою плоть потешить. Я даже рада твоему неожиданному приходу ко мне без предупреждения. Считаю сегодняшний свой визит прощальным.

— С какого перепуга возник бунт на корабле?

— А ты, самовлюбленный козел, еще не понял? Я два года своей жизни на тебя напрасно потратила. Мне тоже надо свою судьбу устраивать по-человечески. Жить, как все нормальные бабы: замуж выходить и детей рожать. А для постели я и без тебя могла бы хорошего кобеля завести.

— У нас с тобою никогда разговора о свадьбе не было, и я никаких обязательств на себя не брал.

— Верно говоришь: я в начале нашего знакомства разговор о замужестве не затевала, чтобы раньше времени не отпугнуть. А ты хоть раз подумал, каково в любовницах числиться? Любая свободная женщина, вступая в близкие отношения, думает о заключении брака. Это ты удобно устроился: безотказная услужливая Любка всегда к твоим услугам. Отметился, как кобель у чужого плетня, и домой бежишь к жене. А я по будням сижу в ожидании, когда ты соизволишь появиться. А в выходные и праздники в одиночестве дома скучаю. Но пока на примете никого не было, я терпела. Но теперь в моей жизни появился достойный мужчина, и я не хочу его терять.

— Вот оно что! Мне бы следовало догадаться, почему ты злишься последний месяц, когда я прихожу без предупреждения. Ты боялась, что я столкнусь с ним у тебя в доме.

— Наконец до тебя дошло, хоть и с опозданием. Семен Петрович человек солидный, старше меня лет на десять, но в постели еще неплох и готов на мне жениться. А главное, и родить ребеночка согласие дает. В общем, я решила начать новую жизнь, а с тобою у нас все кончено. Забирай свое дешевое подношение и убирайся навсегда из моего дома.

— Оставь его себе, угостишь своего старика.

— Думаешь, откажусь?! От паршивой овцы хоть шерсти клок достанется. И еще скажу тебе на прощание: ты, хоть и жалуешься постоянно на невнимание со стороны своей жены и частые ссоры, сам ее любишь. Я это по-женски чувствую. Иначе бы не относился так ревниво к ее частым командировкам. А вот ей на тебя, похоже, наплевать с небоскреба. Наверняка тебе рога наставляет в служебных поездках. А, впрочем, после нашего расставания мне все равно, как твоя дальнейшая судьба сложится, сам в своей семейной жизни разбирайся.

Силин в ярости соскочил с постели и начал одеваться. Резким рывком сорвал со спинки стула

джинсовую куртку, и из кармана на паркет с глухим стуком выпала флешка. Еще сохраняя наивную веру в чудо, Силин глупо спросил:

— А эта флешка откуда? Не твоя?

— Ты что, с дуба рухнул? Я и понятия не имею, откуда ты эту штуковину ко мне в дом принес!

Запоздалая догадка обожгла душу: «Так вот зачем ко мне в церкви прижалась незнакомка в лиловом костюме. Эта подкинутая в карман флешка таит для меня явную опасность. За обычную информацию людей так нагло не похищают».

Силин поспешно засунул флешку в карман и направился к выходу. Опасная находка разом оттеснила в сторону мысли о состоявшемся разрыве с любовницей. Сбежав вниз по лестнице, Силин вышел во двор и направился к мусорному контейнеру. «Сейчас выброшу эту чертову флешку и забуду о случившемся. А если на ней хранится важная информация, влияющая на судьбы мира? Похищение произошло недалеко от американского представительства. Неужели меня угораздило ввязаться в международные шпионские игры с тайниками, слежкой и переодеванием? Но ведь зачем-то эта баба попыталась сохранить флешку, подсунув ее мне в момент возникшей опасности? Надо избавиться от этой штуковины немедленно. Или на всякий случай оставить?»

Силин в нерешительности стоял рядом с металлическим контейнером, наполовину заполненным зловонным мусором. «Надо только протянуть руку и разжать ладонь — и флешка навсегда исчезнет в гниющих помоях. Как все просто! И никаких забот. Но я стал свидетелем похищения, и обладание этой флешкой может послужить в будущем гарантией моей безопасности. Пусть пока побудет у меня. К тому же надо посмотреть, какие сведения попали в мое владение».

И Силин направился к арке, ведущей к выходу из двора. Сидя в вагоне метро, он постарался отвлечься от лежащей в кармане флешки, переключив внимание на разрыв с любовницей. «Это расставание меня не особенно огорчило. Сам давно подумывал об окончании отношений. Да все никак не решался. Очень уж удобный был вариант. Можно было белым днем к ней заскочить, когда она отдыхает после ночного дежурства. Теперь мне придется искать новый вариант, хотя свою Татьяну ни на кого не променяю. Интересно, а как жена по-настоящему ко мне относится? Эта подлая Любка в отместку посеяла во мне сомнения в верности Татьяны. А поводы для ревности у меня, действительно, имеются. Ни разу, вернувшись из командировки, Татьяна не соглашалась в тот же день на близость, ссылаясь на усталость и срочную подготовку к сдаче в номер собранных материалов. Да и свои супружеские обя-

занности она обычно выполняет по моим настояниям. Ни разу сама инициативу не проявила. Может быть, коварная Любка права? Тьфу ты, до чего же глупая чертовщина в голову лезет. Мне надо беспокоиться о флешке, подкинутой в церкви дамочкой в лиловом костюме, а не о воображаемых изменах жены. Голова кругом идет: о чем ни подумаешь, все тревогу вызывает. Никакого душевного покоя!»

В этот момент в вагоне громко объявили название нужной ему станции, и Силин, очнувшись от тяжелых дум, едва успел выскочить на перрон. Направляясь к дому, он не мог думать ни о чем, кроме флешки, содержание которой его одновременно и пугало, и притягивало своей таинственностью.

Татьяна уже была дома. По разбросанным на диване вещам и раскрытой дорожной сумке Силин понял: «Внезапно наметилась очередная командировка. Интересно, куда и с кем из редакции она едет сейчас?»

Ревность вновь пересилила и оттеснила думы о злосчастной флешке, и он с подозрением спросил:

— Чем вызвана такая срочность? Ты еще вчера никуда не собиралась ехать.

Татьяна, продолжая торопливо собирать вещи, раздраженно махнула рукой:

— Можно подумать, мне самой нравится срываться с места, уезжать из Москвы и мчаться в другой город для сбора материалов о чужой жизни, не имеющей ко мне отношения.

— Ну и кто, по мнению редакции, интересуется ваших читателей на этот раз?

— Не поверишь, но мужик, разбогатевший на перепродаже рыбы. Он построил на берегу реки дом в форме Ноева ковчега. А вокруг расставил резные фигуры по принципу «каждой твари по паре».

— Ваш редактор хочет ознакомить читателей с этим образцом деревянного зодчества или наглядно показать, как владелец оригинального музея под открытым небом нажил огромное состояние непосильным трудом?

— Твоя ирония неуместна. Сам понимаешь, у нас не принято спрашивать, откуда завелись деньги у человека. А вот причуды богачей читатели будут смаковать. Ладно, не сердись. Я уеду всего на несколько дней. Это недалеко, на Волге. Всего одна ночь в поезде. Вижу, ты опять заревновал. Заверяю тебя — повода нет. Ну все, я пошла. Когда вернусь, куда-нибудь вместе сходим.

Перекинув сумку через плечо, Татьяна направилась к выходу. Возле двери, словно вспомнив о забытой мелкой вещи, вернулась и на ходу мимоходом чмокнула мужа в щеку. Мучимый по-прежнему ревностью Силин вернулся в комнату. Теперь он наконец мог ознакомиться с содержанием

флешки. Включив компьютер, начал просмотр. На экране замелькали фамилии людей, против которых вырастали длинные столбцы многозначных цифр. Память флешки была заполнена лишь на десять процентов. «Негусто. Но, по-видимому, для посвященного специалиста эти числовые показатели крайне важны, иначе из-за этой флешки люди не рисковали бы, подвергая себя опасности. Надо ее запрятать подальше от посторонних глаз».

Взобравшись по стремянке, Силин засунул флешку между пакетами со старыми вещами, хранящимися на антресолях. Странно, но это бесхитростное действие принесло ему желанное успокоение. Стараясь окончательно отвлечься от тревожных мыслей, он занялся просмотром сделанных за день фотографий. «А ведь неплохо получилось. Вот дамочка сталкивается с нищенкой, затем идет по Спасопесковскому переулку навстречу своему знакомому. Четко видна физиономия приземистого мужика с родинкой на щеке, помешавшего их встрече. Легко можно разобрать номер машины, увезшей всех участников драматической сцены. Да, все-таки я неплохой мастер своего дела!»

Удовлетворенно вздохнув, Силин сел в кресло и, нажав кнопку пульта, включил программу новостей. Сразу после рассказа о достижениях в экономике

диктор перешел к сообщению о криминальных событиях в городе. Силин уже хотел переключиться на другую программу, как на экране появилось лицо человека, к которому днем спешила на свидание дама в лиловом костюме. Диктор бесстрастно извещал:

— Тело одного из руководителей известного московского холдинга Фалина было обнаружено сегодня в десять часов вечера в одном из арбатских переулков возле принадлежащего ему «мерседеса». Причина смерти — удар тупым предметом по голове. Пропали деньги и документы. Очевидцев происшествия просим позвонить по телефону в дежурную часть.

Силин схватил авторучку и послушно записал опубликованный номер. Но в следующий момент спохватился: «Зачем мне засвечивать себя в этом дурно пахнущем деле? Интересно, а куда делась подставившая меня дамочка? О ней никакого сообщения не было. Возможно, она еще жива, если похитители надеются через нее разыскать пропавшую флешку».

Вовлеченный против воли в смертельно опасную игру, Силин все еще надеялся, что преследователи не сумеют отыскать случайного посетителя церкви в старом арбатском переулке.

Продолжение следует.

Нина ТУРИЦЫНА

Нина Турицына по образованию музыкант (фортепиано) и филолог. Работала концертмейстером и преподавателем фортепиано в Перми и Уфе. В юности участвовала в двух стихотворных сборниках Башгосиздата. Прозу начала писать с 2005 года. За рассказы о Керчи награждена медалью «60 лет освобождения Украины от фашистских захватчиков».

РЕЙС ПОДЕШЕВЛЕ

Мини-повесть

1.

Контролерша из Водоканала справилась по своему журнальчику, в каких еще квартирах этого подъезда установлены водомеры, и тяжело пошла наверх.

На нужном этаже огляделась, позвонила.

— Кто? — каркнул в ответ хриплый мужской голос.

— Проверка счетчика!

Дверь чуть приотворилась, оттуда высунулась лысая голова, оглядела всю площадку диким взглядом, но крепко сбитая толстушка профессиональным чутьем разгадала намерение хозяина и оказалась проворнее, успев поставить на порог ногу в тяжелом сапоге.

— Мне сейчас некогда. — Хозяин сделал еще одну попытку.

— А мне есть когда по два раза к каждому шастать?!

И она решительно отодвинула его плечом.

«Сматывает показания?» — предположила про себя.

Сама видела одного такого умельца, который поставил водомер в обратную сторону, и чем больше тот лил воды, тем меньше были показания на приборе.

Планировка стандартная, и она безошибочно направилась к совмещенному санузелу.

Мужчина потерянно плелся сзади.

В ванне лежала в воде одетая в платье мертвая женщина.

Контролерша охнула и отступила обратно. Первой мыслью было — убежать, пока и ее не прихлопнули. Она бросилась к двери и выскочила на площадку. Он хотел было устремиться за ней и даже что-то забормотал ей в спину, но она не разобрала ни одного слова.

Конечно, она тут же вызвала полицию.

Конечно, его арестовали.

На допросе он сидел оглушенный и не сразу понимал вопросы. Назвал, однако, свое имя и возраст:

— Сергей Сергеевич Нечипоренко, шестьдесят пять лет. Пенсионер. Не работаю.

Больше он ничего не сказал и заплакал. Ему дали стакан воды. Он взял, руки у него тряслись, и вода расплескивалась ему на колени. Выпить ее он так и не смог. Поставил стакан и тяжело дыша произнес:

— Что бы я вам ни сказал, вы все равно не поверите.

Он сидел, нагнувшись вперед, словно вглядываясь, словно силясь что-то припомнить.

Двое следователей переглянулись.

— Ну, вы будете давать показания или нет?

— Но о чем? Я сам только перед приходом контролерши пришел домой и увидел ее. Я сначала подумал, что она как-то не удержалась и упала в ванну...

— Сама упала в ванну? Но почему?

— Да, почему? — как эхо повторил он.

— А почему вы явились домой только перед контролершей? Где вы были до ее прихода? Она показала, что была у вас около десяти утра. Вы у нее — четвертый, она лишь три квартиры перед вашей успела посетить. Где вы были?

— А долго жена там пролежала? В ванне?

— Вы нас не пытайтесь обойти. Отвечайте на вопросы: где вы были, если только утром вернулись домой?

— Ну, я не ночевал... А был... А какое это имеет значение?

— Это ваше алиби.
 — А... Ну, был в доме у дочери, задержавшись, там и остался.
 — В каком таком доме? Адрес?
 — Я дом так помню, без адреса.
 — И вы звонили домой, предупредили, что не придете?
 — Я? Не помню... Звонил.
 — А жена что?
 — Сказала, ладно.
 Он явно врал. Неумело и путано, глупо и нескладно.
 На что он надеялся?

Позвонили его дочери. Пригласили прийти.

— Когда вы последний раз видели отца?
 — А что с ним?
 — Отвечайте на вопрос.
 — Я имею право не отвечать, пока вы мне не скажете, что с моим отцом.

Она старалась говорить твердо, но голос ее звенел, как это бывает при волнении.

— Хорошо. Тогда другой вопрос. Вы по паспорту Юлия Романовна Нечипоренко. Как это понять? Ведь он — Сергей Сергеевич?

— А это еще при чем?
 — Не осложняйте. Отвечайте на вопрос. Вы хуже делаете себе и ему.

— Да что с ним? Ну, хорошо. Я отвечу. Никакого секрета тут нет. Я замужем за его сыном.

— А настоящий ваш отец?
 — Он живет в Уфе, и я там родилась, но мы с ним не виделись уже... да, шестнадцать лет. Мне тогда было восемнадцать.

— И не переписывались?
 — Нет. Мама сказала, что у него другая семья. Это все, что я знаю. Никогда никого из тех (она так и сказала: тех) я не видела.

— Почему же тогда он не сказал, что был у сына, раз его сын и есть ваш муж? Вы вместе живете?

— Конечно, а как же должны жить муж с женой? Но муж сейчас в отпуске, поехал в Карловы Вары на лечение. Вообще-то я могу не отвечать! Я знаю свои права! А вот вы должны мне сказать, в связи с чем...

— Скажем! Ваша свекровь мертва. Предполагают убийство.

— Ах вот что. — Она откинулась на спинку стула, вздохнула облегченно. — Значит, ошибка! У меня нет свекрови. Она умерла три года назад.

— Какие три года назад, о чем вы говорите? Ее вчера нашли мертвой в собственной квартире по адресу...

И тогда эта непроницаемая женщина закричала, как кричат смертельно раненые звери ли, люди ли.

— А-а-а-а-а! — кричала она. — Нет! Нет!

Ей подали стакан воды, как недавно ее отцу. Никто не ожидал, что она будет так убиваться по чужой женщине, которую, как правило, не любят невестки.

Она не могла успокоиться, и кто-то спросил:

— Вы ее так любили?

Она оглянулась на спросившего, но, казалось, не поняла вопрос. Потом взор ее стал более осмысленным, и она ответила:

— А вы разве не любите родную мать?

— Не понял...

— Зато я поняла! Это моя мама! Что с ней? Почему она умерла?

— Ее нашли в ванне одетой, лежащей в воде. Мы предполагаем, что это насильственная смерть. Сейчас допрашивают ее мужа. То есть — вашего свекра, если мы правильно поняли.

— Какой кошмар...

И она опять залилась слезами.

2.

Жена никогда не позволяла себе прощаться с мужем на пороге. Какие бы погода и время суток ни были, она обязательно шла провожать его хотя бы до остановки маршруток, следовавших до аэропорта или железнодорожного вокзала.

Вот и сейчас она привычно повернулась спиной, чтобы он накинул ей на плечи пальто.

Затем взглянула на часы и поспешила:

— Присесть на дорожку уже не получится, да ты в эти приметы не больно веришь.

Он кивнул.

— Прилетишь — сразу не звони. Роуминг дорогой. Лучше купи местную сим-карту или потом с главпочты позвони. Узнай, на какой дешевле, на мобильный или на домашний. И в первый попавшийся санаторий тоже не устраивайся, они теперь не такие загруженные, как раньше, место можно найти, тем более осенью. Вещей у тебя мало, один портфельчик, так что ты сначала пройдишь хотя бы по двум-трем, приценишься, где лучше и не так дорого.

— Хорошо, — опять согласился он.

Они дошли до остановки. Она дождалась вместе с ним аэропортового автобуса, торопливо поцеловала в щеку и потом еще смотрела вслед, махая рукой.

В аэропорту его ждала приятная неожиданность: от случайных попутчиков он узнал, что если лететь не прямым рейсом Уфа — Краснодар, а через Москву, то получится в два раза дешевле: вместо восьми тысяч всего четыре! Вот чудеса нынешних авиалиний! Он немедленно сдал свой билет, чуть потеряв на этом, зато много больше выиграв! Купил

на первый же рейс до Москвы и на следующий, Москва — Краснодар, вылетающий в двадцать три часа. Несколько часов в Москве проездом — и на юг!

Жене звонить не стал. Потом потребует отчета о сэкономленных четырех тысячах.

Вышел из сверкающего стеклом здания аэровокзала Домодедово, прошедшего десять лет назад процедуру обновления по европейским стандартам, и оказался на остановке маршрутки до центра. Сел и поехал. Надо же как-то провести время до вечера.

Он не был в столице... о, долгих шестнадцать лет.

Он возненавидел тогда Москву, как будто столица была виновата в том, что случилось с ним здесь.

А сейчас, проезжая по ее широким проспектам, вдыхая аромат роскоши, который присущ всем столицам Европы, в том числе и нашей, он с острой болью удара по самолюбию понял, чего лишился тогда и где мог бы теперь быть. В столице другие возможности, другие горизонты, другая жизнь...

Интересно, а она не жалеет? Живет еще с тем своим стариком или и его бросила?

А может, его в живых уже нет? Сколько ему сейчас? Тогда было под пятьдесят, а нынче, значит, уже шестьдесят пять. Немало.

Заехать, что ли, посмотреть на свою квартиру, которую тогда ни оспаривать, ни отсуживать не стал? Совсем не до того было. Да и как отсуживать? Все — по месту жительства ответчика. Не накатаешься в Москву на суды!

Да и скупее и жаднее мы становимся обычно с годами, только не каждый находит смелость и честность это признать. И заодно признать скупость — пороком.

Обычно не признают. Обозначают ее каким-нибудь эвфемизмом.

Нет, нет, убеждал себя, понятно, не от жадности я туда заеду, если вообще решусь заехать теперь, спустя шестнадцать лет. Просто посмотреть. Как дочь? Как сама?

«Хорошо», — ответит ему, наверное. Она ведь никогда не жаловалась на проблемы. Она всегда с ними боролась, до победы!

«И у меня все хорошо. — похвастается он. — Жена хорошая, дочь растет, ей уже пятнадцать».

Удивится, подсчитав, — как пятнадцать? «Получается, только мы с тобой расстались — ты тут же утешился с другой?»

«А ты как думала? Что десять лет буду твою измену переживать, раны зализывать? Умолять: вернись? Это у вас, у баб-с, такое представление о жизни. А у нас, у мужчин, совсем наоборот: отрезано — так отрезано».

Вот так ей примерно все сказать или хотя бы намекнуть вскользь.

Дать понять, что не такая уж она незаменимая.

Что и он не такой уж никому не нужный.

Так, небрежно обронить: по пути, мол, на курорт заглянул, как вы тут?

А если муж будет дома?

Да существует ли еще этот муж?

И будет ли он конкретно в этот час дома?

А если и совпадут все условия, что и существует он, и дома сидит — ну и что такого, кто кому чем обязан?

Выпьем за знакомство, чего нам теперь делить?

И еще мысленно с гордостью примерил: муж этот небось на пенсии давно, а про себя — так, мимоходом: «Работаю на хорошей должности. Ведущий инженер. А до пенсии мне еще ого-го — целых три года! Да и отпустят ли? Заменить-то меня некем!»

Так, убеждая самого себя и все более утверждаясь в своем решении, он смотрел на номера домов, выйдя на нужной остановке.

Пришлось несколько раз дорогу спрашивать: так все вокруг изменилось.

Дом свой, однако, узнал. Только балконы стали у всех застекленными да двери в подъезде металлические, с кодовым замком.

А номер своей квартиры, оказывается, забыл! Пришлось подсчитывать: первый подъезд, на третьем этаже. Стало быть... выходило там, помнится, на площадку три двери. Значит, седьмая.

Окна во двор. Это он помнил.

Посмотрел на них, да что там разглядишь — только занавески.

Нажал номер квартиры.

«Ждите ответа», а потом — ее голос! Такой же молодой, звонкий. Он его сразу узнал.

Не спросила, кто, а сразу:

— Открываю.

Он поднимался по лестнице и с удивлением чувствовал нарастающее беспокойство. Что-то тревожно замирало, а потом быстро-быстро билось в груди. Неужели сердце? Чего бы ему так волноваться?

Когда он достиг ее этажа, оказалось, что дверь седьмой квартиры приоткрыта, но никто на площадку не выглядывал. Пришлось позвонить еще раз.

Послышались торопливые шаги, она выглянула, увидела его и спросила, слишком обыденным голосом спросила:

— Ты один?

Не так он представлял встречу с бывшей женой через шестнадцать лет! Растерялся:

— Один...

— Ну, зайди.

Это прозвучало еще обиднее.

Он неловко протиснулся в дверь, продолжая держать портфель в руках.

— Я подумала — муж вернулся. Он свой мобильный забыл. Вот буквально пять-десять минут, как ушел.

— А куда? — спросил, сам не зная зачем. Какая ему разница?

— Поехал к дочери. Там должны завтра с утра опрессовку делать, и лучше бы это мужчине проконтролировать.

— Да, да, — опять бессмысленно одобрил он.

Он все еще топтался на пороге.

— Тебе переночевать негде? — предположила она.

На этой фразе к нему наконец вернулось самообладание.

— Я буквально на минуту. Проездом. Улетаю на курорт. Самолет в двадцать три часа.

Она засмеялась:

— Так это не на минуту! До двадцати трех время еще есть. Раздевайся.

Она раздвинула зеркальные двери встроенного шкафа и подала ему плечики.

— Поставь свой портфель, — указала на обитую шелком банкетку.

Он снял куртку, приладил ее на вешалку.

— Повесить можно сюда.

В шкафу висели невиданные наряды: переливающаяся, как перламутр, пелерина из плотного гладкого меха (норка — не норка, не разбирался он в мехах), белое пальто с вышивкой по широкому подолу (как в нем в транспорте ездить)...

Сама не стала брать в руки его куртку и свои вещи немного в сторону отодвинула, словно боясь запачкаться. Или ему так показалось?

Повесил в шкаф, пригладил волосы.

— Пройди вымой руки, — указала направление, — а потом на кухню. Жду тебя.

В сверкающей, выложенной розовой плиткой ванной комнате он мыл руки, одновременно разглядывая себя в большое зеркало.

Он не ожидал, честно признаться, что она — такая, как будто совсем не изменившаяся за эти годы, во всяком случае, на первый взгляд.

А он? Так гордившийся, что у него волосы и зубы почти все на месте, теперь, разглядывая себя в зеркало, находил, что проигрывает ей: кожа дрябловата, подбородок висит, уголки глаз смотрят вниз. А одет? Куртку-то его постаралась подальше от своих вещей повесить.

А сама в каком она красивом платье! Впрочем, только что мужа проводила, наверное, не успела еще переодеться.

Он невольно стал вспоминать: а ради него одевалась она так красиво?

Нет, тогда, в 1995-м, и вещей таких шикарных, какие висят теперь в шкафу, у нее не было, и с работы, как ему вспоминалось, она приходила уставшей

и раздраженной, страстно мечтавшей переменить свою участь. А теперь от нее так и веет довольством и благоустроенностью.

На полке выстроились флаконы с французскими надписями, у него даже появился соблазн чем-то подушиться. Мысль эту он отверг как нелепую — запах-то ей наверняка знаком, сразу догадается, что попользовался чужими запасами.

Она выглянула из кухни:

— Заходи!

Даже не показала ему комнаты, не принесла семейные альбомы: хоть посмотреть, какой стала дочь...

Он сидел с оскорбленно-высокомерным видом, но сам попросить ее не посмел.

И еще больше ненавидел себя за это.

— Что больше любишь — мясо или рыбу? У меня есть судак, запеченный в аэрогриле.

Что за аэрогриль? Но спрашивать не стал.

— А пить? Чай? Кофе? Тебе кофе можно?

— Почему нет? — с обидой ответил он. — Свари.

— А может, чего и покрепче?

Она поставила початую бутылку, бокалы и посмотрела на него.

Он расценил это как приглашение и разлил до половины объема.

— За встречу? — предложила она.

— За тебя!

И понял, что зря сказал. Выглядело все это как-то подобострастно. Чего она такого хорошего для него сделала, чтобы пить за нее?

Как раз все наоборот!

Он почувствовал, как в нем нарастает раздражение.

Она, казалось, ничего не заметила и засмеялась, довольная собой.

Смех у нее стал какой-то особенный, такой он слышал у актрис МХАТа в радиопостановках. Он тогда еще удивлялся — как они могут так моментально изображать невероятное веселье, веселье, доходящее до смеха, ведь на самом деле им вовсе не смешно, ведь это только по роли положено!

— Ах да, кофе, — сказала, словно вспомнив, с какой-то новой для него интонацией, с какой никогда не говорила прежде.

Таким тоном можно было бы сказать: «А! Этот сон. Малютка-жизнь, дыши!»

Или другие столь же изысканные и тонкие стихи...

Она легко встала и пошла — нет, не к плите.

У нее для этой цели оказался целый аппарат. Saeco — прочитал он на его фронтальной панели.

— Тебе с молоком?

— Да, если можно.

Она налила в бокалы еще раз.

Положила на тарелку рыбу.

— Теперь — за тебя! — разрешила милостиво.

Или опять ему так показалось?

Они чокнулись.

— Это только мужу с женой чокаться нельзя, — улынулась. — А нам можно!

— Ну да, бывшим можно, — согласился он.

И опять было непонятно, весело ей или все-таки жаль?

Она смотрела на него медленным взглядом, словно хотела запомнить, и он подумал, что — наверное, жаль!

— Ну, расскажи, как ты? Что за курорт?

— Сам пока не знаю. — Засмеялся неловко. — На месте куплю путевку или курсовку.

— А, вот как, — протянула неопределенно.

— А у тебя?

— Я на пенсии. Уже год.

— Не скучно? Чем занимаешься?

Об ответе можно было б догадаться: собой!

Но она ответила:

— У меня ведь уже внуки! Старшему четырнадцать, а маленькому четыре.

— У тебя? — удивился он такому единоличному подходу.

Она не сразу поняла, о чем он, и это было больше, чем обидно, — это было дико!

— Боже мой, у меня, оказывается, уже двое внуков, а я только сейчас узнаю об этом! А другая... бабушка? Они встречаются с ней или ты всем дорогу перекрыла?

— Ты имеешь в виду супругу Сергея Сергеевича? Она, к сожалению, умерла три года назад.

— Такая старая?

— Как сказать... Она была старше его на год. Нет, не старая, конечно. Шестьдесят три года. Так что маленький про нее вообще ничего не знает, зачем ребенку детство осложнять? Ты согласен?

Вот, оказывается, как... Значит, и он бы своим появлением только осложнил внукам детство!

Тогда, действительно, лучше б его не было, чтобы внуки думали, что дедушка с бабушкой прожили всю жизнь вместе. Конечно, в воспитательных целях это разумнее и даже полезнее. Надо ж им будет в жизни брать с кого-то пример!

А он всю благостную легенду испортит!

Понятно, что его никогда до них не допустят.

— Значит, — сурово подвел он итог, — ты не хочешь портить внукам картину нашим разводом?

— Ты не понял. Вернее, ты не знаешь... Дочь почти сразу вышла замуж за сына Сергея Сергеевича, так что этот факт было не скрыть, даже если б я и захотела.

— Вот оно что...

Он сидел ошеломленный. Вспомнил единственное письмо дочери, в котором с юношеской безжалостностью она писала отцу: «Папа, я уже в МГУ! Сам понимаешь, такой вуз не бросают ради перевода в провинциальный университет».

Да, так и написала. И это было последнее, написанное ее рукой. Он ответил тогда, но ничего больше от нее не получал.

Значит, новая семья оказалась дороже... Во всех смыслах.

Но теперь она — взрослая женщина тридцати четырех лет, мать двоих детей.

В таком случае, наверное, уже можно? Хотя не с внуками, хоть с ней поговорить?

Словно в ответ на его мысли раздался телефонный звонок.

Звонили на городской телефон.

Она взяла трубку.

— Да! Ты его дома забыл! Не переживай, вот он передо мной лежит! Как доехал? Все нормально? Всем привет!

Она чуть скосила взгляд и быстро положила трубку.

Потом все же догадалась объяснить ему:

— Там все так заняты... Завтра должны прийти из ЖЭКа на опрессовку. Да, я тебе уже говорила. Якобы чуть не в восемь тридцать утра! Приходится кое-что приготовить к их приходу.

Он понял. Даже телефонный разговор с дочерью не должен был омрачать ее девичьи, простите, теперь уже дамские мысли.

А заодно тревожить внуков и супруга.

Может быть, она и права?

Как бы он воспринял этот визит? Да еще в его отсутствие?

Не подумал бы о некоем сговоре?

— Почему его заставили ехать контролировать эту опрессовку? В его-то годы! Он, стало быть, там и ночевать останется?

— А дочкин муж улетел в Карловы Вары. Там вода лечебная. Ему необходимо немного подлечиться...

А он хотел похвастаться курортами Краснодарского края! С покупкой курсовки на месте!

Но она проявила заинтересованность и даже подобие заботы:

— А ты тоже на курорт? Лечиться? Что-то серьезное?

Она смотрела участливо, чуть наклонив светлую головку с модной, очень ее молодой стрижкой.

И был уже третий бокал вина, и немного кружилась голова, так приятно кружилась...

И он поддался. Ему почему-то захотелось все ей рассказать. Она словно вдруг опять стала кем-то

вроде старого друга или близкого человека, с которым просто — так сложилось — давно не виделись.

Если б она сейчас сказала, что этот ее брак был ошибкой, он бы даже посочувствовал ей. Нет, исправлять бы, пожалуй, не предложил...

— Давление иногда... А так, — похвалился, — у меня все хорошо. Работаю. Ведущий инженер. Оклад тридцать тысяч!

— Сколько?

— Тридцать, — четко повторил он.

— И тебе хватает?

— Не понял?

— Да, прости. В Москве просто другие цены... У нас в соседнем кафе официантка получает сорок тысяч...

— А ты откуда знаешь?

— Ходила по нашему дому, просилась к кому-нибудь на квартиру. Тут ей удобно, рядом с работой.

— И сколько вам предлагала?

— Мне лично не нужно. А соседи говорили, что пятнадцать за отдельную комнату в квартире с хозяевами.

— Да, — согласился он, — цены у вас другие.

— Значит, тебе хватает? Или ты не один?

— Есть жена и дочь. Ей уже пятнадцать, скоро школу окончит.

— Пятнадцать?

Как и предполагал, удивил он ее! И почувствовал, что с этой фразы он может взять верх, наконец-то взять верх!

Расстались шестнадцать лет назад, а дочери — пятнадцать!

— Так ты....

— Да, знаешь, в поезде обратно ехал... Ну, тогда...

— Я поняла, — отозвалась она и наклонилась над своей тарелкой.

У него еще больше окреп голос:

— И в одном купе оказался с девушкой... Познакомились. Ну, вид, наверное, у меня был не очень веселый, как ты сама понимаешь: приехать в Москву и узнать, что жена всего за месяц, пока я в Уфе с работы увольнялся, успела найти себе хахала и привести его в нашу с таким трудом обмененную на Москву квартиру!

— И ты ей пожаловался на меня?

— Я не пожаловался. Просто разговорились, как это бывает в поезде. Обменялись телефонами. Так, ни к чему не обязывающее знакомство...

— Телефонами? — удивилась она.

Он понял — какой же телефон он мог дать, если квартиры уже не было?

— Пришлось первое время у сестры пожить. Собственно, я-то телефон и не давал. Только ее записал. На всякий случай. А потом, когда позвонил, сестра разрешила дать свой.

Он чувствовал, что опять теряет победный тон. Что опять словно оправдывается перед бывшей женой, променявшей его на другого!

«Нет, я не давал, нет, я не хотел. Это сестра...»

Кто виноват? Разве он? Почему же он оправдывается?

Он снова почувствовал накачивающееся недовольство собой и ею и не упустил похвастать:

— Она оказалась незамужней, моложе меня на десять лет!

— На десять лет? — подняла взгляд от тарелки. — Так ей тогда, — быстро сосчитала, — был уже тридцать один год? Старой девой, что ли? Или разведенной?

Она сидела перед ним, чуть покачивая узкой ножкой в изящной атласной туфельке, но не допуская никакой развязности или желания прельстить. Зачем стараться? Она и так была уверена в своей прелести, то есть в том, что умеет прельщать.

Она была как бы заботлива, проста в разговоре, как бы вежлива, приветлива и обходительна.

А он за весь вечер так и не смог овладеть ситуацией, как актер, проваливший свою роль на сцене!

С самого начала не сумел установить верный характер общения, когда особо чутко воспринимаются желания и привычки другого.

С иезуитской вежливостью она унизила его по всем пунктам, уничтожила как мужчину, положила на обе лопатки.

Хорошо, что догадалась не спрашивать, в какой квартире он живет, а то бы выудила признание, что в жениной.

Все как в мгновение пронеслось в его голове: ах, она была такая романтическая, влюбленная, готовая все порвать и бросить ради своей новой неземной любви, а он, значит, такой прагматичный, польстился на перезрелую девственность и на чужую квартиру!

В ее равновесии было что-то такое, что покачнуло его весы, и он уже летел вниз, но, словно оттолкнувшись от низшей точки, ужаснулся своему унижению, несправедливому и незаслуженному, и обрел, наконец, нужный тон.

— Разведенкой стала ты, а она была девушкой! — Он поднялся со стула и медленно подошел к ней.

Он заметил страх, мелькнувший на мгновение в ее глазах, и это придало ему уверенности:

— Не смей ее оскорблять!

Она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривобокой: не улыбка, а насмешка, так ему представилось.

И тогда со всей силы он дал ей затрещину. Первую в своей жизни.

Он услышал какой-то глухой звук, словно не от живого человека, а от неодушевленного предмета.

Головка ее, только что мило повернутая одной стороной к нему, а другой — к стене, как-то странно покосилась и свесилась вниз.

Ему стало страшно.

«Неужели потеряла сознание? — мелькнула первая мысль. — Где искать нашатырь?»

Он беспомощно оглянулся по сторонам. Во всю длину стен нависали шкафы кухонного гарнитура, невозможно было представить, сколько нужно времени, чтобы обшарить их все.

— А, вот, — вспомнил он вдруг, как на работе одна сотрудница потеряла сознание и ей брызгали в лицо водой.

Он взял ее на руки и зачем-то понес в ванную. Он и сам был в почти бессознательном состоянии.

Она оказалась неожиданно тяжелой, и он, шатаясь, поднес ее к ванне, наклонил, потянулся включить воду, а она выскользнула у него из рук и чуть не упала. Успел подхватить ее и с ужасом заметил, что она не дышит. Он все-таки сумел открыть кран, брызгал на нее водой, потом дул ей в лицо, вспомнив что-то об искусственном дыхании...

Все было тщетно. Это был не обморок. Это была смерть.

3.

Подло устроен современный человек. Ни о гневе божьем он не думает, ни о том, что совершил самый тяжкий грех, ни о раскаянии.

Нет!

Современный человек, скорее, вспомнит юридические нормы, подумает, сколько ему за это могут дать и как избежать получения.

Да простит меня читатель за отступление, но нашумевшее в свое время убийство Калоевым швейцарского авиадиспетчера, допустившего в 2002-м катастрофу при посадке авиалайнера, — яркий пример вышесказанного.

Осетин Виталий Калоев, не добившийся в Европейском суде осуждения невольного убийцы пассажиров, в числе которых были его жена и дети, пришел в дом к этому человеку и потребовал от него хотя бы покаяния, но тот, просвещенный житель Европы, знал, что, извиняясь, он тем самым признает свою вину. А вину признавать нельзя: коль ты сам ее признал — стало быть, виновен!

Раскаяние строго запрещено.

Калоев теперь, после отбытия срока в швейцарской тюрьме — да, да, всего лишь срока за убийство человека, — национальный герой у себя в Осетии.

Национальный — но не мировой.

Для Европы он — дикарь, живущий по родовым законам, а не юридическим нормам.

В России голоса разделились.

А Роман, попытавшись привести в чувство бывшую жену, понял одно — надо бежать, пока никто не видел. Он быстро оделся, схватил свой портфель, выглянул в глазок и, убедившись, что на площадке никого нет, вышел, просто прикрыв за собой дверь, по возможности плотнее, тихо спустился по лестнице, а на улице принял озабоченный вид и пошел, нарочито замедляя шаги, хотя желание было — бежать, бежать, бежать.

Тогда он заставил себя остановиться, огляделся, а затем, заметив впереди, метрах в двадцати, группу стоящих людей, подумал, что, должно быть, там находится остановка.

Он сел в первый попавший автобус, проехал две остановки, вышел и стал ловить такси. До аэропорта запросили полторы тысячи, он уже хотел согласиться, но потом подумал, что таксист его запомнит и будет давать в полиции показания против него.

Он посмотрел на часы под неработающим счетчиком и сообразил, что успевает и без такси. Хотел сверить со своими часами, но с ужасом заметил, что рука у него предательски трясется. Он быстро спрятал ее в карман, достал деньги и попросил подбросить до ближайшей остановки аэропортовой маршрутки.

Таксист не удивился: редко кто берет такси до самолета.

Москву он покидал строго по расписанию и прибыл на юг тоже по расписанию.

Затем автобус с автовокзала — и в Анапу!

Курортный сезон, в том числе и бархатный, кончился, и проблем с путевкой и устройством не возникло.

Был даже выбор. Он взял одноместный номер, зачем-то объяснив регистраторше, что храпит по ночам. Это он соврал, решив про себя: для конспирации.

В первую же ночь к нему пришел сон про нее, про убитую.

Он как будто заходил в ее квартиру, темную, огромную, страшную, и видел ее лежащей на постели. Она была накрыта кучей одеял и говорила ему, что мерзнет.

Он проснулся. В оставленную открытой фрамугу сквозил прохладный ночной воздух. Он включил маленький прикроватный свет и взглянул на часы.

Было только два часа ночи. Повернул регулятор на раме, закрыл ее и снова лег. Понятно, что до утра уже не уснуть, он теперь боялся сна и новых сновидений. Тогда он решил, что надо думать о чем-нибудь хорошем. И стал вспоминать, как познакомился со своей Аллочкой.

Но все равно приходилось вспоминать предысторию: как приехал в Москву, как ему предъявили — правда, заочно — наличие нового мужа в их новой московской квартире.

И это в то время, когда он уже уволился в Уфе!

Когда они уже обменяли квартиру!

Куда ему теперь?

Ну, работу найдет, еще не старый, чуть за сорок, самый расцвет сил... А как быть с квартирой? Судиться с женой и дочерью? Да и как отсуживать? Все — по месту жительства ответчика. Не накатаешься в Москву на суды...

Он сел в поезд оглушенный, потерянный. Не сразу разглядел попутчиков, да и не хотел никого видеть. Отвернулся к стенке и лежал, а слезы душили, и была забота, чтобы их никто не заметил.

Ночью в Рязани кто-то вышел.

Утром в купе были только он и какая-то девушка.

Она вышла, чтобы не мешать ему одеваться, как он сначала подумал.

Он оделся, сел, а она все не возвращалась. Пришла проводница с чаем, и тогда он увидел эту девушку, стоящую возле окна в проходе. Проводница спросила и ее про чай. Она кивнула, но в купе заходить не стала. Тогда он вышел сам и прошел в конец вагона умыться. А ей даже не кивнул. Не до того было.

Чай, однако, пришлось пить вместе. Он ничем ее не угощал, да и предложить было нечего. А она подвинула на середину столика свои припасы и улыбнулась тихой улыбкой.

— Вы москвич? — уважительно спросила его. — Они, по-моему, никогда с собой продукты не берут.

— Москвич, — горько усмехнулся он, — только оказался в Москве не нужен.

Она смотрела на него, ожидая продолжения, но не смея о нем попросить, и ему вдруг захотелось все ей выложить как на духу. Не посоветует, так хоть выслушает.

А кому еще рассказать?

Она слушала не перебивая, не задав ни единого вопроса, и не этим ли умением слушать покорила? Нет, вначале просто удивила.

Она слушала и словно впитывала его боль. Ему становилось легче, а она, наоборот, делалась все задумчивее и грустнее.

Она не сказала ему ни про то, что время лечит, никаких других банальностей...

Она смотрела, слушала и только кивала иногда — то ли задумчиво, то ли сочувствующе.

В Самаре он купил на перроне два мороженных и принес в вагон. Она бережно сняла закрывающую пломбир бумажку и застенчиво откусила кусочек.

Он вспомнил, что даже не поинтересовался, как ее зовут.

— Алла.

— А меня — Роман.

— Это значит — человек из Рима. Римлянин.

— А ваше что значит?

— Просто — другая.

— Другая, — повторил он.

Оказалось, что едут-то они в один город! Адрес ее, правда, спрашивать не стал, а телефон взял, на всякий случай. Взял — да и забыл про него.

Нужно было снова куда-то устраиваться. Сестра с мужем приняли, но временно.

Позвонил в Нефтеавтоматику. Там что-то обещали. Он записал: «АСУ ТП и локальные системы автоматизации для предприятий нефтегазовой отрасли; АСУП в нефтегазовой отрасли и смежных областях».

И тут увидел ее телефон, тоже на «А».

Сестра заглянула через плечо, поинтересовалась:

— Новая знакомая?

— Да какая знакомая! Вместе в поезде ехали.

— И что ж ты не позвонишь?

— А оно ей надо? — по-одесски (хотя так нынче вся страна говорит) отпарировал он.

— Значит, надо, раз телефон тебе свой оставила. Ты просто обязан хотя бы из вежливости позвонить.

— Ты так думаешь? — засомневался он.

— Уверена! Звони сейчас же! Я выйду.

К счастью, она оказалась дома и даже сама сняла трубку, так что ему не пришлось объясняться с чужими людьми.

А главное, она моментально узнала его, искренне обрадовалась, эти ее чувства как-то передались и ему и оживили разговор.

Он не знал, о чем еще говорить, и сестра, заглянувшая в комнату как нельзя кстати, уже, догадавшись, жестикулировала ему: кино! кино! — руками изображая большой экран.

И он пригласил Аллу в кино. Что они смотрели тогда, уже и забылось за давностью лет. А что запомнилось и вновь, как в поезде, удивило? Многое, только это открылось не сразу.

Через какое-то время она пригласила к себе. Но он отказался, узнав, что живет она с родителями и наверняка этот его визит будет воспринят как приход жениха.

К смотринам он готов не был.

Опять походы в кино, по улицам, на которых уже начинала хозяйничать зима, и это было мило и романтично, но довольно холодно.

Сестра позвонила ей сама и пригласила на встречу.

Женщиной она была решительной, да и ожидание для нее слишком затянулось. Брат занимал отдельную комнату и перспектив на собственное жилье пока не имел.

Итоги встречи были непредвиденны — так мечты не успевают порой за действительностью!

Сестра была докой и встречу организовала так, чтобы мужчины появились позже. А пока она хотела собственными глазами взглянуть и понять, что может выйти из этих рандеву. Из нее мог бы получиться неплохой психолог! Она умела вытягивать тайны. Вернее, их ей отдавали добровольно!

Она никогда не смотрела оценивающим взглядом, зная, как это обижает людей. Она делала это абсолютно незаметно. Но выводы ее обычно бывали верными.

Ей показалось, что она легко разобралась в Алле. Девушка средняя, звезд с неба не хватает, но нам звезды и не нужны! Главное, чтобы умела заботиться, да просто хорошо стряпать! Кажется, они могли бы подружиться!

В общем, дело повернулось так, что и Алла в ответ должна была пригласить сестру в гости.

Долг вежливости.

Подошедшие позже мужчины — муж и брат — посидели с ними за столом, поиграли в *petit jeu*, а потом все веселой гурьбой вышли проводить Аллочку до остановки.

Через день сестра не поленилась позвонить сама, уточнить время визита.

Договорились. Встретились на Аллиной территории. Ни о чем особенно серьезном они тогда не говорили, но, задевая многое, на чем можно было бы задержаться подольше, они больше вслушивались в интонации друг друга, чтобы сделать правильные выводы. Но кто кого удивил — так это Алла сестру!

Та, честно сказать, не ожидала, что еще бывает такое.

Она упростила Аллу показать свои фотографии. Они закрылись в ее уютной комнате, и Алла вытащила из книжного шкафа свой личный альбом.

Бедная Алла! Она не приготовилась заранее к просмотру, и из альбома стали вылетать непонятные сувениры, если их можно было так назвать: этикетка от мороженого, один билетик в кино, за ним второй, третий, даже талон на проезд в троллейбусе оказался в числе драгоценностей. Это было похоже на ту детскую игру, когда в таинственные ямки закапывались фантики от конфет, пузырьки от одеколона в виде фигурок и всякие побрякушки.

Но нашей героине было уже не пять, не десять!

— Какой ты еще ребенок, — засмеялась сестра.

Но Алла страшно смутилась, собрала все в кучу, однако выбрасывать не стала, а беспомощно оглядывала комнату, словно примериваясь, куда бы их перепрятать.

Это даже как-то насторожило новую подругу, и не сразу она сообразила, что все это значит.

— Только ему не говори, — тоном заговорщицы попросила Алла.

— О чем?

— Ты не будешь смеяться? — голос был таким взволнованным, что пришлось клясться, что нет.

— Мы ходили с ним в кино, так эти билеты остались... на память...

— Да, понятно... — настала очередь подруги лепетать. — А этикетка от мороженого?

— Это первое, что он мне купил, когда еще в поезде вместе ехали...

— Неужели ты его так любишь? — искренне взволнованная, спросила она Аллу.

— Только ему не говори!

— Что же, так и будете в молчанку играть? Глупые, хоть и взрослые уже оба!

Конечно, обо всем виденном было в тот вечер положено Роману. С него взяли честное слово, что он немедленно сделает Алле предложение!

И он сделал! И ни разу за все годы не пожалел о своем решении.

И теперь все полетит ко всем чертям?

И он придумал!

Он принимал с утра процедуры, обедал, а потом надевал куртку, раскладывал — в правый карман, подальше, паспорт, а в левый — все свои деньги, которые обменял в сбербанке на самые крупные купюры. Он повторял про себя «Предупрежден — значит, вооружен» с такой гордостью, как будто сам выдумал эту мудрость.

Он делал вид, что гуляет, но так, чтобы постоянно держать в поле зрения главный корпус санатория. Он решил, что как только подъедет полиция, наверняка сначала к главному корпусу, он тут же уедет, но так, чтобы билет был без фамилии, то есть на автобусе, а потом на электричке.

Но дни катились за днями, а никто за ним не приходил...

Зато его лечащий врач сказала ему на очередном приеме:

— У нас сейчас психотерапевт набирает новую группу, могу туда записать, если вы желаете.

Он смутился так, как если бы его поймали на краже.

— Я? — задал он бессмысленный вопрос, будто в кабинете были еще другие пациенты.

— Ну да, вы. Хотите? Специальная музыка для релаксации, индивидуальный подход. Вообще у нас тут очень сильный специалист, к ней многие желают попасть.

Но его так напугали слова «индивидуальный подход», что он отказался. Начнет копаться в его подсознании — и до всего докопается!

Врач немного обиделась, но не огорчилась. Желающие и без него найдутся!

— Просто я видела, как вы маетесь в одиночестве, ходите туда-сюда мимо корпуса, хотела предложить более полезное для душевного здоровья занятие. Впрочем, как хотите...

Он неловко поблагодарил и вышел.

Вот оно что! Оказывается, его конспиративные прогулки слишком заметны! Надо изменить тактику.

Теперь после обеда он приходил в свой номер и ложился в постель, надеясь на послеобеденный сон. Сон не приходил, а разные мысли одолевали.

Ему стало мниться, что она была вовсе не мертва, а просто в обмороке. Если б он ее не бросил, а вызвал скорую, она была бы сейчас жива.

Ночи были еще страшнее. Свет он уже не выключал, но чтоб было не так заметно с улицы, оставлял его в ванной комнате и неплотно прикрывал дверь. Узкая полоска света давала некоторое подобие защищенности.

После нескольких бессонных ночей его одолел дневной сон, и так он перешел на новое расписание — бодрствовать по ночам и смотреть ночные кошмары в послеобеденное время.

Возвращался он из своего курортного уединения домой, в Уфу, с тяжелым чувством, что его ждут на квартире, что там уже прошел обыск и выписан ордер на арест...

Но ничего такого не было.

Жена не похвалила его внешний вид и посетовала, что надо ехать отдыхать все-таки летом, как нормальные люди, а не мокнуть под осенними дождями.

— Да не было дождей, — попытался оправдаться, как будто именно он заведовал небесной канцелярией. — Так, иногда.

— Значит, лечат плохо. Вид у тебя еще более уставший, чем был до поездки.

— Спал плохо, — сказал он.

— Наверное, разница в часовых поясах.

На этом объяснении и остановились.

Алла! Другая! Совсем другая, не такая, как первая!

Простая, добрая, в которой можно быть уверенным.

Не потому, что она хуже, что никто не позарится на нее. Нет! Просто — надежная, как сестра, как покойница мама.

Он не знал — ведь жена никогда ему этого не говорила, боясь признаться, что любит и будет любить его всегда, потому что он спас ее от того, что ужаснее смерти — от ее тоски нелюбимого, всеми забытого существа. От душевного небытия.

Есть два типа женщин.

Женщины-гетеры и женщины-жены. Они же — женщины-матери.

Женщины-гетеры остались в истории.

Жены — только в памяти своих близких. Не политиков, не великих деятелей и государственных мужей.

Близкими, их близкими были — мужья, сыновья и дочери. Наверное, это главнее.

Или просто ему нужно было оправдаться перед самим собой? Не был же он законченным бандитом, которому все равно, лишь бы самому остаться на свободе хоть лишний год, хоть месяц...

А потом пришло новое — в его отношении к той, бывшей.

Он пытался представить, что случилось в ее жизни за те полтора месяца, когда он заканчивал дела в Уфе.

Какая волна их тогда накрыла? Неужели в жизни бывает такое? Он пытался найти хоть что-то похожее в своей, но кроме маленького эпизода из юности, который обычно называют первой любовью, ничего припомнить не смог. И тогда он позавидовал ей, как ни дико это звучит в отношении погибшей. Ведь завидовать — это не обязательно испытывать недружелюбные чувства. Завидовать — это желать иметь такое же, как у того, кому завидуешь. Он — не имел. И, понятно, никогда уже не будет иметь.

Он еще долго вздрагивал, когда мимо проезжала полицейская машина, когда раздавался неожиданный стук в дверь.

Сергея Сергеевича, продержав какое-то время в СИЗО, отпустили за недостаточностью улик.

г. Уфа

Сергей САТИН

Об авторе

Яркий представитель сатинизма (не путать с сатанизмом). Родился в Днепропетровске, откуда вынес и понес по жизни фрикативное «г» в устной речи и в стихах. Последовательный (и, похоже, последний) гуманист в постмодернизме. Существенно расширил диапазон поэтических объектов и тем. Сделал русскую частушку прикладным жанром. Адаптировал классический английский лимерик к российскому менталитету, фактически создав новый поджанр — слухи в виде лимериков. Написал за О. Хайяма множество рубаи, которые тот по разным причинам не успел сочинить сам. За эти и кое-какие другие заслуги принят в Союз писателей Москвы и Российскую академию юмора. Лауреат премий таких изданий, как «ЛГ», «ВС», «Крокодил», «Труд», «Век» и т. д. С. Сатин — один из соавторов книг «Стихи для нервных», «Стихи не для нервных». Политически безграмотен. В религиозном отношении — вульгарный пантеист. Воспитывает кота и дочь.

АВТОМОБИЛИЗМЫ

Мои фобии

Боюсь я женщин,
спозаранку
в руках сжимающих баранку,
и днем боюсь, и в час ночной —
их, дальним светом нас слепящих,
стремглав наперерез летящих,
а то вдруг резко тормозящих
в одном вершке передо мной —
всех этих Оль, Наташ и Люсь...
Я женщин вообще боюсь!

Просьба

Господь! Ты там втолкуй дебилу,
что в столб впечатал «мерседес»:
жизнь — это очередь в могилу,
а он — без очереди влез.

К Родине

О Русь! Отчизна-мать!
Страна моя родная!
Спокоен за тебя, пока сыны твои
еще способны мне мигнуть,
предупреждая:
«Атас, мужик! Беда!
Там впереди — ГАИ!»

ЧАСТУШКИ-КОШМАРУШКИ

Вышел утром: звезды тают,
над селом гробы летают.
Что-то низко вроде.
Видно, к непогоде.

Как дожди у нас прошли —
все поперло из земли:
помидоры, огурцы,
вурдалаки, мертвецы...

Шел по кладбищу прохожий
на покойника похожий.
А таких, кто непохож,
ночью здесь и не найдешь.

Я миленку-упырю
пасту «Колгейт» подарю.
Чтоб орудия труда
были в целости всегда!

Ты скелет, и я скелет.
нам с тобой по триста лет.
А как стукнет триста пять —
стану ягодкой опять!

Ой, умора! Ой, потеха!
Дал скелет скелету в глаз!
Умерла бы я от смеха —
да нельзя второй нам раз.

Скребся в дверь зеленый кто-то;
морда — просто караул!
Послала его в болото —
он туда и сиганул.

В небе полная луна.
Я на кладбище одна.
Вылезай, народ честной —
а то боязно одной!

Как на нашем на погосте
мертвецы играют в кости.
Проиграл им три ребра.
Ну их на фиг! Шулера...

Не стучи мне в крышку гроба,
не пойду гулять с тобой.
Я приличная особа,
а ты бабник и плейбой!

Ходит ночью ко мне в дом
то ли призрак, то ль фантом,
то ли просто бес с болот...
Черт их, леших, разберет!

Мой сосед спирт Обухов
вызывать умеет духов.
А прогнать потом — кишка
у него тонка пока.

г. Днепропетровск

Галка ГАЛКИНА

В природе существует множество замечательных растений с удивительными свойствами и непривычными, поэтическими названиями. Так, например, в джунглях Амазонки произрастает шоколадное, молочное, капустное, а в африканских саваннах — хлебное, дынное, бутылочное и даже тюльпанное деревья. Но все это — фантастически далекая экзотика, в нашем климате не произрастающая и могущая нас радовать лишь по описаниям, рассказам, а иногда и привезенными в наши края из далеких, сказочных стран диковинками.

В нашей стране в последнее время стало возможным выращивать не менее чудесное, экзотическое, полезное растение с красивейшими, лечебнейшими и вкуснейшими плодами. Растение это за удивительное сходство с карамельными леденцами получило название конфетного дерева...

Получить семена этого растения можно, написав по адресу:

*...Оренбург, в конверт необходимо вложить
1 чистый и 1 подписанный конверт, марки на 12 рублей.*

*Шевченко Игорь Анатольевич, садовод,
селекционер, потомственный травник*

Галка ГАЛКИНА:

Игорь Анатольевич! Как вовремя Вы с этим деревом. Это не просто — растение, а, верно, дерево из Страны дураков. Помните?

Бурагино выкопал ямку. Сказал три раза шепотом: «Крекс, фекс, пекс», положил в ямку четыре золотые монеты, засыпал, из кармана вынул щепотку соли, посыпал сверху. Набрал из лужи пригоршню воды, полил.

И сел ждать, когда вырастет дерево...

А еще есть «Чудо-дерево» у Корнея Чуковского:

*Как у нашего Мирона
На носу сидит ворона.
А на дереве ерши
Строят гнезда из лапши.
Сел баран на пароход
И поехал в огород.
В огороде-то на грядке
Вырастают шоколадки.*

*А у наших у ворот
Чудо-дерево растет.
Чудо, чудо, чудо, чудо
Расчудесное!
Не листочки на нем,
Не цветочки на нем,
А чулки да башмаки
Словно яблоки!*

Не беда, что это конфетное дерево «происходит из Японии, Восточного Китая, Кореи и предгорий Гималаев, где оно может расти на высотах до 2000 м над уровнем моря, на суглинистых или влажных песчаных почвах».

Ну не вырастут барбариски и карамельки, ничего страшного. А ведь могли бы!

Спасибо Вам, дорогой овощевод и травник, за светлые перспективы. Сейте и дальше разумное, доброе, вечное! За это никаких денег не жалко. А уж 12 рублей и подавно!

Про туризм

- ✿ Коль поедешь на Гавайи, обернешься попугаем!
- ✿ Коль приедешь в Анадырь, оттопырься или ви тырь!
- ✿ Коль поедешь на Аляску, смажь оленьим жиром глазки!
- ✿ Коль взберешься на Тибет, скушай яка на обед!
- ✿ А опустишься с Тибету, бабки есть — нирваны нету!
- ✿ А отправишься в поход — там неведанное ждет!
- ✿ А намылишься на Марс, прихвати с собою шар-с!
- ✿ Можно ль в Вологде-столице кандибобером пройтиться?
- ✿ Можно ль в Питере зимой возлежать на мостовой?
- ✿ И куда ты не поехай — не забудь свой плеер с Пьехой!

СТОП-КАДР

© Фото Игоря МИХАЙЛОВА

SMS'КА, ОТПРАВЛЕННАЯ
В НОБЕЛЕВСКИЙ КОМИТЕТ:
Просто невтерпез!!!

ФАЗА МЕСЯЦА:
Ищу свой щуп!

Книга для отдыха

- ☺ Загорая возле Камы, том
слянявил Муракамы!
- ☺ Отдыхая с Мураками,
утешался дураками!
- ☺ Не выпячивай из брюк свой
могучий покет-бук!
- ☺ Погрузившись в Стивенсона —
оттопырилась кальсона!
- ☺ Постучал Паланик Чак с толстой
сумкой на плечах!
- ☺ Мне приснился Амаду —
на работу не пойду!
- ☺ Мне приснился Бегбедер —
а при чем здесь ГДР?
- ☺ Мне приснился Стивен Кинг
в куче мусора из книг!
- ☺ Мне приснилась Зегерс Анна,
улыбавшаяся странно!
- ☺ Милорада Павича почитала давеча!